

99
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 99 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

В. КЕЛЬДЕР

МАТЕРИАЛЬНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИ-
НЕНИЕ УЩЕРБА ИМУЩЕСТВУ
КОЛХОЗОВ

ТАРТУ 1960

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 99 ВПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

В. КЕЛЬДЕР

**МАТЕРИАЛЬНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИ-
НЕНИЕ УЩЕРБА ИМУЩЕСТВУ
КОЛХОЗОВ**

ТАРТУ 1960

Редакционная коллегия:

Ж. Ананьева, П. Вихалем,
Э. Илус (отв. редактор), К. Пюсс,
И. Мьял и А. Уусталь

Tartu Riikliku Ühiskondliku
Raamatukogu

Ilus

ПРЕДИСЛОВИЕ

Состоявшийся в 1953 г. сентябрьский Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и последующие пленумы отметили недостатки в нашем сельском хозяйстве и наметили пути дальнейшего развития сельского хозяйства. С 1953 года начинается новый этап в развитии колхозного производства — этап крутого подъема колхозного производства, этап сплошного строительства коммунизма в деревне, этап сближения кооперативно-колхозной и государственной форм собственности. Уже за короткий период колхозное производство достигло значительных успехов. Если средние денежные доходы колхозов СССР в 1949 году составили 111.000 руб., то в 1957 году уже 1.247.000 руб. Новый этап в колхозном производстве характеризуется следующими основными чертами.

Во-первых, колхозы стали крупными многоотраслевыми хозяйствами. Если, например, в 1949 году в Советском Союзе на один колхоз приходилось 557 га пахотной земли, то в 1957 году уже 1.954 га, в колхозах Эстонской ССР соответственно 206 га и 778 га.

Во-вторых, в результате реорганизации машинно-тракторных станций колхозы стали собственниками своей техники, причем уже к концу 1958 года колхозы Эстонии выкупили 70% техники — 2640 тракторов, 800 зерновых комбайнов и др., а в 1959 году в распоряжении колхозов имелось 11.000 тракторов и 1500 зерновых комбайнов.

В-третьих, колхозы в настоящее время лучше, чем когда-либо, обеспечены квалифицированными кадрами. Если в 1953 году в сельском хозяйстве Эстонии работало только 1500 специалистов со средним и высшим специальным образованием, то в 1958 году их было уже 3500. На пост председателей колхозов партия направила 559 лучших специалистов и трудовиков народного хозяйства.

В результате проведенных партией и правительством мероприятий намного увеличались доходы колхозов. Сравнивая 1958 год с 1953 годом, видим, что денежные доходы колхозов Эстонии увеличились в 3,1 раза. Если в 1953 году доходы большей части колхозов не достигали полумиллиона, то в 1958 году доходы 40% колхозов уже превысили миллион рублей.

Увеличились и доходы колхозников. Если в 1953 году стоимость трудодня в среднем по республике составила 3,70 руб., то в 1958 году она достигла уже 9,50 руб. В 1959 году на прямую денежную оплату труда перешли 104 колхоза из 700 колхозов республики, а в 1960 году собирается перейти на новую, более прогрессивную систему оплаты труда большинство колхозов Эстонии.

Труженики сельского хозяйства республики взяли обязательство выполнить семилетний план в части производства мяса в 4 года, и организуют соревнование по продаже государству в 1960 году 100.000 тонн мяса.

Большие изменения произошли не только в экономическом положении колхозов, но и в правовом регулировании новых отношений в колхозах. Был изменен отстающий от потребностей колхозов старый порядок планирования сельскохозяйственного производства, реорганизован порядок обеспечения колхозного производства техникой, в результате чего колхозы стали собственниками своей техники; был отменен тормозящий развитие сельскохозяйственного производства порядок заготовки сельскохозяйственных продуктов, колхозам даны большие права в деле руководства своим хозяйством и т. д. Во всем этом выражается дальнейшее развитие законодательства в соответствии с дальнейшим развитием общественных отношений. Но все же наше законодательство не поспевает шагать в ногу с бурным развитием общественных отношений. Отмечается некоторое отставание в части правового регулирования межколхозных отношений, правоспособности колхоза как юридического лица и др.

Одним из таких вопросов, где законодательство не соответствует новому характеру общественных отношений в колхозах, является гражданско-правовая защита колхозной собственности. Если в свое время наша практика могла удовлетвориться применением соответствующих норм гражданского права, то в настоящее время наглядно выступает необоснованность применения норм гражданского права во всех случаях правовой защиты интересов колхозов и колхозников. Дальнейшее развитие колхозного производства и изменение характера колхозной собственности на пути ее сближения с государственной вызывают необходимость учета всех этих изменений и в нормах, направленных на защиту колхозной собственности.

В настоящей работе рассматриваются вопросы одного из видов гражданско-правовой защиты колхозной собственности, т. е. обязательства из причинения вреда имуществу колхозов.

ВВЕДЕНИЕ

Всемерная охрана социалистической собственности, в том числе и колхозной, является одной из важнейших задач всей системы социалистического права как на этапе построения социализма, так и на этапе перехода в коммунистическое общество. Охрану социалистической собственности советское государство осуществляет различными методами, в том числе и путем применения мер карательного характера. Но по мере повышения сознательности граждан и расширения участия общественности в деле обеспечения правового порядка все возрастает значение применяемых государством иных методов воздействия. «Главное, чтобы у людей было прилежание, чтобы поощрение, а не наказание являлось основным стимулом», сказал Н. С. Хрущев на совещании работников сельского хозяйства.

На наш взгляд, по правильному пути идут те, кто видят государственное принуждение не только в применении юридических санкций, а во всей многообразности государственной деятельности. Так, например, по мнению И. Ребана, из мер государственного принуждения применительно к отдельным стадиям правового регулирования в их последовательности первое место занимают меры социальной защиты, предупреждающие общественно-опасные посягательства. На последнее место с этой точки зрения должны быть отнесены юридические санкции и, подлежащие применению уже после совершения правонарушения с целью снятия, заглаживания общественно-вредного результата. Промежуточное место занимает непосредственное принудительное осуществление права¹.

Такая постановка вопроса о характере мер общественного и государственного принуждения прежде всего показывает правильное место и значение тех или других мер государственного принуждения и последовательность их применения.

Особенно важное значение при построении коммунистического общества приобретают меры предупреждения общественно-опасных посягательств. Общество заинтересовано не только

---

¹ См. И. Ребане, К постановке вопроса об основаниях правовой ответственности, «Ученые записки» Тартуского государственного университета, Труды юридического факультета, № 44, 1956, стр. 170.

в том, чтобы в отношении каждого правонарушителя применялись справедливые меры принуждения, но и в том, чтобы предупреждать всякое правонарушение.

В интересах защиты колхозной собственности также на первое место должны быть поставлены меры, предупреждающие различные посягательства на колхозное добро.

Анализ колхозных гражданских дел в народных судах, а также анализ уголовных дел о хищении или недостачах колхозной собственности показывает, что в большинстве случаев недостачи или хищения колхозной собственности имели место вследствие отсутствия надлежащего учета материальных ценностей, отсутствия контроля и надзора за распределением материальных благ, в связи с неправильной расстановкой кадров и т. д.

Первоочередной задачей колхозного законодательства является установление надлежащего учета материальных ценностей в колхозах, контроля и надзора за правильным расходованием этих ценностей.

Однако, наряду с правовыми и иными средствами, направленными на предупреждение посягательств на колхозную собственность, не потеряли своего значения и юридические санкции, применяемые уже после совершения правонарушения. Поскольку у нас еще не ликвидированы различные поводы правонарушений, постольку эти правонарушения могут еще иметь место. Применение юридических санкций за совершенное правонарушение в свою очередь является также средством предупреждения новых правонарушений. Чтобы применяемые меры достигали своей цели, они должны быть эффективными. Это полностью относится и к правовым санкциям, применяемым за посягательство на колхозное имущество.

Вопрос о формах гражданско-правовой защиты колхозной собственности вообще, и вопросы деликтной защиты колхозной собственности в особенности, занимают надлежащее место на страницах юридической литературы. В связи с кодификацией республиканского законодательства и обсуждением вопросов, связанных с кодификацией, сделан ряд ценных предложений об улучшении законодательства о материальной ответственности колхозников. Однако, на наш взгляд, до настоящего времени в литературе этот вопрос рассматривается в некоторой степени упрощенно.

Имеется ряд статей, где прямо или косвенно рассматриваются те или иные вопросы материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхозов. Имеются даже специальные монографии, посвященные отдельным вопросам материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхозов. Однако до настоящего времени в нашей юридической литературе нет работ, рассматривающих вопросы материальной ответственности в комплексе.

На наш взгляд вопросы материальной ответственности за

причинение ущерба имуществу колхозов требуют комплексного изучения. Прежде всего в нашей юридической литературе нет полной ясности об основаниях материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхозов. До последнего времени вопросы материальной и дисциплинарной ответственности колхозников рассматриваются как самостоятельные вопросы, хотя они теснейшим образом связаны между собою. Почти не затронут вопрос об ответственности рабочих и служащих, работающих в колхозах. Должного внимания не уделено и вопросам различных видов материальной ответственности колхозников. Хотя в юридической литературе и поднят вопрос о дифференциации размеров материальной ответственности колхозников, все же авторы этого правильного положения не довели его до конца.

Исходя из всего этого, мы прежде всего поставили себе целью комплексно изучить вопрос о материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхозов.

По действующему законодательству материальная ответственность колхозников регулируется главным образом нормами гражданского кодекса и некоторыми специальными законодательными актами. Наряду с этим рабочие и служащие несут материальную ответственность перед колхозом по нормам трудового права. Такая разнообразность норм материальной ответственности затрудняет работу юридических органов, чем и вызвано относительно большое количество ошибочных решений народных судов по гражданским колхозным делам по сравнению с другими категориями гражданских дел.

Наблюдается и значительное несоответствие между нормами, устанавливающими материальную ответственность колхозников, и нормами, регулирующими вопросы материальной ответственности рабочих и служащих. Если в свое время материальная ответственность рабочих и служащих считалась гражданско-правовой ответственностью, то вскоре после издания соответствующих специальных законодательных актов теория правильно стала считать материальную ответственность рабочих и служащих институтом трудового права.

Несмотря на то, что и вопросы материальной ответственности колхозников регулируются рядом специальных законодательных актов, что материальная ответственность колхозников имеет большее сходство с ответственностью рабочих и служащих, чем с гражданско-правовой ответственностью, все же до настоящего времени институт материальной ответственности рассматривается как институт гражданского права. Мы полностью соглашались с авторами, отвергающими мнение, согласно которому материальная ответственность колхозников является гражданско-правовой договорной ответственностью, но не соглашались с теми, которые считают институт материальной ответственности во всех случаях деликтовой гражданско-пра-

вой ответственностью. В действительности же колхозник может нести ответственность перед колхозом и по нормам гражданского кодекса, устанавливающим деликтную ответственность, но только тогда, когда имеются налицо все признаки, отличающие деликтную ответственность от всех остальных видов ответственности. Если же деликтная ответственность характеризуется прежде всего тем, что между причинителями ущерба и потерпевшим до момента причинения ущерба не существует никаких правовых отношений, то между колхозом, как потерпевшим, и колхозником, как причинителем ущерба, в процессе колхозного производства существуют правоотношения, возникающие на основании устава — отношения членства. Уже поэтому с теоретического аспекта не совсем правильно рассматривать материальную ответственность членов колхоза за ущерб, причиненный ими в трудовом процессе, гражданско-правовой деликтной ответственностью.

Колхозник при выполнении своих трудовых функций причиняет ущерб не «чужому лицу», с которым он не имеет никаких правовых отношений, а объединению, членом которого он является. Исходя из характера членских отношений в колхозах, колхозно-правовые законодательные акты считали необходимым установить некоторые нормы и о материальной ответственности колхозников, не являющиеся характерными для института деликтной ответственности. Если же по институту гражданско-правовой деликтной ответственности причинитель вреда несет только материальную ответственность, то колхозник, как причинитель вреда имуществу колхоза, может нести еще и дисциплинарную ответственность. Учитывая все это, мы считаем существующее в практике положение, которое применяется в случаях причинения колхозником ущерба имуществу колхоза при выполнении им трудовых обязанностей, не соответствующим в настоящее время целям и задачам правовой защиты колхозной собственности и соответствующую теоретическую концепцию устаревшей. Поэтому мы намерены доказать, что материальная ответственность колхозников за причинение ущерба имуществу колхоза в трудовом процессе является специальной колхозно-правовой ответственностью и должна быть установлена не нормами гражданского кодекса, а специальным законодательным актом. Новый колхозно-правовой законодательный акт должен решить не только отдельные вопросы материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхозов, а проблему в целом, в том числе и вопросы дисциплинарной ответственности, соотношения дисциплинарной и материальной ответственности, объемы материальной ответственности, особенности установления ущерба, вопросы материальной ответственности рабочих и служащих, работающих в колхозе, и другие вопросы с учетом особенностей колхозного производства и соответствующих отношений между колхозом и его членами. При выработке нового

законодательного акта во многом следует учесть практику применения трудового права, хотя нельзя забывать и об особенностях колхозного производства.

Основным недостатком существующего положения является то обстоятельство, что применение института деликтной ответственности во всех случаях, также и в отношении колхозников, сопровождается полной материальной ответственностью. Если же применение полной материальной ответственности в отношении причинителя вреда, не находящегося в правоотношениях с потерпевшим, не вызывает возражений, то применение ее в отношении колхозников даже несправедливо. Если в настоящее время рабочие и служащие за причинение ущерба государственной собственности по общему правилу несут только ограниченную материальную ответственность, то спрашивается, почему же колхозник должен нести за причинение ущерба своему колхозу полную материальную ответственность?

На необходимость ограничения материальной ответственности колхозников в нашей юридической литературе неоднократно обращалось внимание, однако при решении вопроса на практике, на наш взгляд, авторы исходят из неправильных позиций. Ограничение материальной ответственности колхозников невозможно ни путем дифференциации противоправного поведения, ни путем дифференциации видов причиненного ущерба, а только путем дифференциации размеров ответственности. На примере трудового права мы и предлагаем по общему правилу установить ограниченную материальную ответственность колхозников за ущерб, причиненный ими в трудовом процессе, а в специальном законодательном акте установить и исключения, т. е. случаи, когда колхозник должен нести полную материальную ответственность.

Имея в виду, что материальная ответственность колхозников по общему правилу является ограниченной, мы предлагаем, в интересах полной защиты колхозной собственности, в некоторых случаях предусматривать материальную ответственность и там, где в настоящее время таковая не установлена.

Хотя нашей целью и является выработка теоретических основ для нового законодательного акта, регулирующего колхозно-правовую ответственность колхозников, все же мы не можем обойтись без рассмотрения основных положений материальной ответственности гражданского права. Часть таких положений, как например основания колхозно-правовой материальной ответственности, должны быть полностью заимствованы из гражданского права и только практическое их применение даст им собственный облик, но часть их требует уточнения и конкретизации с учетом условий их практического применения. К таким положениям относятся например положения, выработанные гражданским правом о положительном ущербе и упущенной выгоде. Общераспространенное в гражданском праве положение о положительном

ущербе в отношении колхозного имущества безоговорочно не применимо. Поэтому мы и поставили своей целью анализировать общие положения гражданского права с аспекта их приемлемости в новом акте о колхозно-правовой материальной ответственности.

Глава I

ОСНОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ УЩЕРБА ИМУЩЕСТВУ КОЛХОЗОВ

§ I. Общие положения

Независимо от того, каким законодательным актом регулируется вопрос материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхозов, и независимо от субъектов причинения ущерба, центральным вопросом здесь всегда является вопрос об основаниях этой ответственности. Вопрос об основаниях материальной ответственности имеет важнейшее значение как в случае причинения ущерба членом колхоза, так и нечленом колхоза. Основания материальной ответственности являются центральным вопросом тогда, когда ущерб причинен членом колхоза при выполнении своих трудовых обязанностей в колхозе, а также и тогда, когда он причинен членом колхоза вне выполнения трудовых обязанностей. Наличие установленных законом оснований и является критерием разграничения материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхозов от различных других претензий имущественного характера.

Если вопрос об основаниях материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхозов с точки зрения гражданского права специального интереса не представляет, то более интересен этот вопрос с точки зрения колхозного права.

Установленные законом основания материальной ответственности получают свое конкретное содержание, свое практическое выражение при определенных условиях, и в зависимости от характера этих условий различно практическое выражение оснований материальной ответственности. Условия, при которых причиняется ущерб имуществу колхозов, дает конкретное содержание и основаниям этой ответственности. Больше всего это относится к ответственности колхозников за причинение ущерба нарушением трудовой дисциплины.

В литературе по колхозному праву основания материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхозов не нашли достаточного освещения. Более того, вопрос о том, какие именно должны быть основания материальной ответственности

за причинение ущерба имуществу колхозов, окончательно не выяснен. На первый взгляд кажется, будто в литературе по этому вопросу нет разногласий, поскольку все авторы утверждают, что основаниями для материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу колхозов, во всех случаях должны оставаться основания, установленные гражданским правом, т. е. наличие имущественного ущерба, противоправное поведение, вина и причинная связь между противоправным поведением и ущербом².

Однако некоторые авторы, хотя и придерживаются в общем этого основного принципа, по существу выдвигают концепцию, которая приводит к отрицанию сказанного. Мы имеем здесь в виду точку зрения Г. Добровольского, З. А. Подоприторы и С. Ю. Каца. Они заявляют, что вопрос о материальной ответственности колхозников за ущерб, причиненный имуществу колхозов, может быть решен только исходя из принципа вины, противоправного поведения, прямого ущерба и причинной связи, но вместе с тем они выдвигают такие «дополнительные критерии», которые по существу не позволяют применить указанные ими основные принципы материальной ответственности. Так, например, Г. Добровольский заявляет, что колхозник может быть привлечен к имущественной ответственности «лишь в тех случаях, когда нарушение трудовой дисциплины непосредственно привело к уничтожению, порче или гибели колхозного имущества»³. Это,

² См. А. А. Рускол, Б. А. Лисковец, Колхозное право, М., 1955, стр. 34; Б. А. Лисковец, Возмещение вреда, причиненного имуществу колхозов, М., 1948, стр. 12; Б. А. Лисковец, Имущественная ответственность колхозников за ущерб, причиненный колхозу нарушением трудовой дисциплины, М., 1954; О. С. Иоффе, Обязательства по возмещению вреда, Л., 1951, стр. 80; О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Л., 1954, стр. 263, А. Рускол, Б. Лисковец, Судебное рассмотрение дел о возмещении ущерба, причиненного колхозам увечьем или гибелью скота, «Социалистическая законность», 1951, № 2, стр. 53; О. А. Кичатова, Особенности материальной ответственности за ущерб, причиненный правонарушением, по действующему колхозному праву, «Ученые записки ЛГУ, серия юридических наук, 1955, № 187, стр. 128; И. Ф. Панкратов, Некоторые вопросы кодификации законодательства об ответственности колхозников, «Вопросы кодификации законодательства о колхозах», М., 1959, стр. 114.

³ Г. Добровольский, Практическое пособие для народных судей, содержащее серьезные ошибки, «Социалистическая законность», 1956, № 2, стр. 36. На такой же позиции он находится и в своей статье «Охрана имущественных прав колхозов и колхозников», см. «Социалистическая законность», 1955, № 1, стр. 6.

С выдвинутыми Г. Добровольским дополнительными критериями согласился и Б. А. Лисковец после опубликования острой критики в его адрес Г. Добровольским (см. «Социалистическая законность», 1956, № 2); см. Б. А. Лисковец, Правовое регулирование колхозной торговли, «Советское государство и право», 1956, № 2, стр. 87. Там он уже утверждает, что «колхозник, принявший по накладной от колхоза сельскохозяйственную продукцию для реализации на колхозном рынке, несет имущественную ответственность перед колхозом в случае порчи, утраты этого имущества по своей вине».

по мнению Г. Добровольского, является основным критерием возмещения ущерба, причиненного колхозником имуществу колхоза нарушением трудовой дисциплины.

Но позволяет ли такая концепция во всех случаях применять одновременно и гражданско-правовые основания ответственности? Нам кажется, что нет. Выдвинутое Г. Добровольским требование является более узким, не дающим возможности взыскать с колхозника причиненный им имущественный ущерб во всех случаях, когда налицо вина, противоправное поведение, прямой ущерб и причинная связь.

К чему же в конечном счете приводит концепция Г. Добровольского? По существу концепция Г. Добровольского означает только ограничение в способе наступления последствий правонарушения или, другими словами, ограничение только некоторыми случаями противоправного поведения причинителя вреда, т. е. нарушения трудовой дисциплины. Уничтожение, порча или гибель колхозного имущества есть не что иное, как способ причинения ущерба или конкретизированное противоправное поведение колхозника. Таким образом получается, что в одних случаях, при наличии всех оснований ответственности, колхозник несет материальную ответственность за причиненный ущерб, а в других случаях, при наличии тех же самых оснований, он не несет таковой, ибо прямой ущерб имуществу колхозов причинен не путем уничтожения, порчи или гибели колхозного имущества, а иным путем. Это можно подтвердить примерами.

По правилам типового договора МТС с колхозами 1954 г. в случаях простоя тракторов по вине колхоза, последний обязан был возместить ущерб, причиненный машинно-тракторной станции. В простое тракторов и причинении ущерба мог бы быть виновен конкретный колхозник. Таким образом могут быть налицо: противоправное поведение, прямой ущерб, причинная связь между ними и вина колхозника. Однако согласно установленному Г. Добровольским принципу, колхозник не должен был бы нести материальную ответственность перед колхозом только потому, что прямой ущерб имуществу колхоза причинен не путем уничтожения, порчи или гибели имущества, а иным путем. Но судебная практика, как известно, удовлетворяла подобные регрессные иски.

Подобные регрессные иски против членов колхоза могут быть предъявляемы и в различных других случаях. Так, например, по вине шофера колхоза в результате автоаварии было причинено телесное повреждение гражданину, и с колхоза, как владельца источника повышенной опасности, на основании ст. 404 ГК взыскано возмещение вреда, причиненного потерпевшему. Виновным поведением члена колхоза причинен ущерб имуществу колхоза, и колхоз вправе взыскивать этот ущерб со своего члена. Но и в этом случае ущерб причинен не путем уничтожения, порчи или гибели колхозного имущества.

В судебной практике встречаются иски колхозов о взыскании недостатков со своих членов, являющихся материально ответственными за сохранность сельскохозяйственных продуктов, строительных и иных материалов, а также денежных средств колхоза. Недостача различных продуктов и материалов иногда вообще не является результатом уничтожения, порчи или гибели имущества, но результатом недостаточного учета и контроля, ненадлежащего оформления требуемых документов и т. д.

Такие действия, как растрата и хищение колхозной собственности, также являются способами причинения материального ущерба имуществу колхоза. Хотя хищение и растрата не являются уничтожением, порчей или гибелью имущества, все же причинитель ущерба, кроме уголовной, несет и материальную ответственность.

Как видно из сказанного, кроме таких способов причинения ущерба имуществу колхоза, как уничтожение, порча и гибель, могут иметь место и различные другие способы, за которые колхозник также несет и будет нести ответственность.

Установление материальной ответственности только за некоторые виды причинения ущерба имуществу колхоза, как это предлагает Г. Добровольский, было бы в противоречии с основными гражданско-правовыми правилами о материальной ответственности, и такую ответственность или освобождение от нее невозможно обосновать теоретически.

Аргументация Г. Добровольского неубедительна. В подтверждение своего вывода он ссылается на ст. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам». В ст. 6 постановления Пленума не подтверждается точка зрения Г. Добровольского. В ней говорится: «Разъяснить судам, что применение к колхознику взыскания в порядке ст. 17 Устава сельскохозяйственной артели не освобождает колхозника от материальной ответственности за ущерб, причиненный колхозу бесхозяйственным и нерадивым отношением к колхозному имуществу, небрежностью в работе или иным нарушением трудовой дисциплины» (разрядка моя — В. К.). Как мы видим, в постановлении нигде не указано, что ущерб должен быть причинен повреждением, гибелью или порчей имущества, как это утверждает Г. Добровольский. Бесхозяйственное и нерадивое отношение к колхозному имуществу и небрежность в работе указанном постановлении перечисляются как виды нарушения трудовой дисциплины, чаще всего встречающиеся на практике, но далеко не единственные. Постановление допускает материальную ответственность и за иные нарушения трудовой дисциплины, если ими причинен прямой ущерб имуществу колхоза.

В указанном постановлении Пленум подчеркивает два момента: во-первых, тот момент, что применение к колхознику дисциплинарных взысканий не освобождает его от материальной ответственности, и во-вторых, что колхозник несет материальную ответственность только за прямой ущерб. Второй момент Пленумом приводится сципиально потому, что народными судами, вопреки этому, часто взыскивалась и упущенная выгода. Но в постановлении вообще не говорится, что ущерб имуществу колхоза должен быть причинен только путем уничтожения, порчи или гибели этого имущества.

Ввиду изложенного нельзя считать вполне обоснованной критику со стороны Г. Добровольского в адрес народных судов за то, что народными судами постановление Пленума якобы было воспринято как указание, устанавливающее материальную ответственность колхозников перед колхозами во всех случаях и за любое нарушение трудовой дисциплины⁴.

За нарушение трудовой дисциплины советским правом установлены, в первую очередь, дисциплинарные взыскания, и материальная ответственность связывается не столько с характером противоправного поведения, сколько с наличием имущественного ущерба.

Можно вполне согласиться с целью, которую ставит Г. Добровольский, — ограничить материальную ответственность колхозников, — но нельзя согласиться с предлагаемыми им способами ограничения этой ответственности.

Основное положение Г. Добровольского нашло свое выражение и в новом постановлении Пленума Верховного суда СССР от 26 марта 1960 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам». В отличие от постановления 5 мая 1950 года новое постановление перечисляет как единственные нарушения трудовой дисциплины нерадивое отношение к колхозному имуществу и небрежность в работе, и дополнительно к этому для материальной ответственности требуется еще гибель, порча или утрата колхозного имущества.

Целью указанного постановления Пленума также является ограничение материальной ответственности колхозников, однако подобное решение вопроса нас не удовлетворяет. Пленум Верховного суда СССР и не в праве решить вопроса ограничения материальной ответственности колхозников, потому что подобные вопросы не входят в компетенцию Верховного суда СССР, но лишь в компетенцию законодательных органов.

Поскольку материальная ответственность установлена советским законом только за причинение ущерба, постольку и теоретический анализ проблем материальной ответственности целесообразно начать с рассмотрения характера материального

⁴ См. Г. Добровольский, Охрана имущественных прав колхозников, «Социалистическая законность», 1955, № 1, стр. 6.

ущерба. При ограничении материальной ответственности причинителя также следует исходить из видов ущерба и размера его, подлежащего возмещению.

Иная последовательность рассмотрения вопроса приводит к неправильным результатам.

Сходные с выводами Г. Добровольского неприемлемые для нас выводы встречаются и в статье З. А. Подоприторы и С. Ю. Каца «Защита колхозной собственности в случаях причинения ущерба колхозу нарушением трудовой дисциплины».⁵ Хотя З. А. Подопритора и С. Ю. Кац в конце своей статьи и заявляют, что в основу судебной материальной ответственности за вред, причиненный имуществу колхозов, положены гражданско-правовые принципы, но всем содержанием своей статьи они утверждают иное. З. Подопритора и С. Кац ставят наступление материальной ответственности колхозников в зависимость от характера нарушения трудовой дисциплины в колхозе или, другими словами, от характера противоправного поведения. По мнению указанных авторов колхозник обязан возместить только такой ущерб, который причинен бесхозяйственным и нерадивым отношением к колхозному имуществу.⁶ За недоброкачественное выполнение производственного задания колхозник несет якобы «несудебную материальную ответственность» на основании постановления Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г.,⁷ а за ущерб, причиненный колхозником невыполнением производственного задания, невыходом на работу без уважительных причин, он не должен нести материальной ответственности в силу того, что якобы невозможно мерами имущественного воздействия в судебном порядке восполнить пробелы в воспитательной работе.⁸ Неприемлемость указанной концепции подтверждается хотя бы следующими примерами.

Колхознику дано специальное задание явиться на следующее утро на работу и везти на рынок 100 кг земляники. Колхозник, зная это, без уважительной причины на работу не явился, в результате чего ягоды испортились и колхозу был причинен материальный ущерб. На наш взгляд налицо имеются: противоправное и виновное поведение колхозника, материальный ущерб в имуществе и причинная связь, но, несмотря на это, согласно концепции З. А. Подоприторы и С. Ю. Каца нет основания для взыскания с колхозника ущерба, потому что причинен этот

⁵ См. З. А. Подопритора и С. Ю. Кац, Защита колхозной собственности в случаях причинения ущерба колхозу нарушением трудовой дисциплины, «Советское государство и право», 1954, № 8, стр. 45.

Те же самые положения заключаются в более поздней статье З. А. Подоприторы, опубликованной в «Ученых записках» Харьковского юридического института № 7 за 1956 г.

⁶ См. «Советское государство и право», 1954, № 8, стр. 45.

⁷ См. там же, стр. 49.

⁸ См. там же, стр. 47.

ущерб в результате невыхода колхозника, хотя и без уважительных причин, на работу.

Представляется, что нет оснований категорически утверждать, как это делают З. А. Подопригора и С. Ю. Кац, что во всех случаях, когда ущерб колхозником причинен в результате неявки на работу без уважительных причин, он не должен нести материальной ответственности. Правильно указывает Я. Пулк, что под неявкой без уважительных причин на работу авторы, по-видимому, понимают нарушение колхозником того общего правила, согласно которому он обязан каждое утро в определенное время являться на работу, и предполагается, что трудовое задание он получает после явки на работу. Но невыход колхозника на работу, как правильно отмечает Я. Пулк, может выразиться и в невыполнении колхозником уже полученных производственных заданий, причем такие неявки на работу чаще всего могут причинить имуществу колхоза прямой ущерб.⁹ Такое нарушение трудовой дисциплины и причинение этим прямого ущерба имуществу колхоза, по нашему мнению, ничем не отличается от бесхозяйственного отношения к колхозному имуществу.

Если З. А. Подопригора и С. Ю. Кац вообще не допускают материальной ответственности колхозников за ущерб, причиненный колхозному имуществу в результате неявки на работу, то Б. А. Лисковец приходит к выводу, что за отказ от выполнения решения правления колхоза об уходе за скотом колхозник должен нести ответственность по уставу колхоза, но не может быть привлечен к имущественной ответственности в судебном порядке;¹⁰ Б. Лисковец допускает материальную ответственность колхозника за отказ от работы по обслуживанию машин МТС¹¹ и за невыход на работу или самовольное оставление работы по уходу за скотом,¹² но не допускает материальной ответственности за невыход на работу по посеву и уборке урожая.¹³

Таким образом Б. А. Лисковец за одни случаи невыхода на работу допускает материальную ответственность, а за другие не допускает. Позволительно ли такое юридическое решение вопроса? Чем же нарушение трудовой дисциплины в животноводстве отличается от нарушения трудовой дисциплины в полеводстве? Могут сказать, что в результате неявки на работу в животноводстве прямой ущерб реальнее, чем в полеводстве. Чаще всего это действительно так. Но основания материальной ответственности нельзя ставить в зависимость от критериев

⁹ См. Я. Пулк, Правовая организация труда в колхозах (на основании материалов Эст. ССР), автореферат кандидатской диссертации, Тарту, 1956.

¹⁰ См. Б. А. Лисковец, Имущественная ответственность колхозников за ущерб, причиненный колхозу нарушением трудовой дисциплины, Москва, 1954, стр. 30.

¹¹ См. Б. А. Лисковец, указан. произв., стр. 58.

¹² См. Б. А. Лисковец, указан. произв., стр. 26—27.

¹³ См. Б. А. Лисковец, указан. произв., стр. 49.

реальности или нереальности ущерба. Неявка на работу в животноводстве может и не приносить никакого прямого ущерба, а в полеводстве неявка на работу в определенных случаях может сразу же сопровождаться прямым ущербом.

Очевидно неправильно ставить решение вопроса о материальной ответственности колхозников в зависимость от того, причинен ли ущерб в результате неявки на работу, невыполнения решения правления колхоза или же самовольного ухода с работы. Все перечисленные действия или бездействия колхозника являются видами нарушения трудовой дисциплины (если они совершены виновно) и могут причинить имуществу колхоза прямой ущерб.¹⁴

Характер нарушения трудовой дисциплины имеет основное значение в деле привлечения колхозника к дисциплинарной ответственности, но не должен являться единственным основным критерием для установления материальной ответственности. Материальная ответственность зависит исключительно от наличия всех оснований гражданско-правовой ответственности, а не только от наличия и характера одного из них. Вопрос о материальной ответственности должен решаться в зависимости от наличия или отсутствия всех оснований гражданско-правовой ответственности.¹⁵

Никак нельзя согласиться и со вторым выводом З. А. Подоприторы и С. Ю. Каца, о том, что колхозники не несут судебной материальной ответственности за недоброкачественное выполнение производственного задания потому, что постановлением Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. установлена «несудебная материальная ответственность».

При этом следует указать, что такого же мнения придерживается и ряд других авторов. Так, например, В. Ф. Чигир и С. Т. Шардыко, анализируя ответственность должностных лиц колхоза, также приходят к выводу, что списание трудодней с

---

¹⁴ Точку зрения, что за отказ от выполнения решения правления колхозник несет только дисциплинарную ответственность, разделяют и некоторые народные суды. Так, например, по одному делу Кировский областной суд писал: «Поскольку Яровикова за телятами не ухаживала, то она не может нести и ответственности за падеж телят, за отсутствием причинной связи. Что касается отказа ответчицы от выполнения распоряжения правления колхоза — приступить к уходу за телятами, то за последнее Яровикова может нести ответственность в порядке ст. 17. Устава сельскохозяйственной артели. Правление же колхоза обязано было после отказа ответчицы приступить к уходу за телятами и назначить другого работника, а не оставлять телят без присмотра». По этому же решению Н. Стойков указывает, что если правление колхоза исчерпало все меры по подбору и назначению скотницы, нет основания возлагать на него ответственность. В таких случаях ответственность должна быть возложена на лицо, допустившее неисполнение решения правления. См. Н. Стойков, Ответственность за причинение ущерба имуществу колхоза, «Социалистическая законность», 1953, № 11, стр. 71.

¹⁵ См. В. П. Смирнов, Гражданская ответственность за гибель колхозного скота, «Очерки по гражданскому праву», Ленинград, 1957, стр. 185.

должностных лиц колхоза на основе постановления от 19 апреля 1948 г. является формой материальной ответственности за ущерб, допущенный должностными лицами их упущениями в руководстве¹⁶.

На такой же позиции стоит и практика Верховного суда СССР. Так, например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР полностью согласилась с мотивами, приведенными в протесте председателя Верховного суда СССР по одному делу. Председатель Верховного суда СССР ходатайствовал об отмене решения народного суда Кролевицкого района Сумской области от 17 марта 1955 г. Решением народного суда был удовлетворен иск прокурора против бригадиров колхоза, допустивших задержку в уборке урожая гречихи, вследствие чего собранный урожай на этих участках оказался ниже уровня, предусмотренного планом колхоза.

Председатель Верховного суда СССР мотивировал свой протест тем, что согласно постановлению Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» с бригады, невыполнившей установленный ей план сбора урожая по закрепленной за ней культуре, списывается по решению общего собрания членов артели за каждый процент невыполненного плана — один процент, но не более 25 процентов от количества трудодней, затраченных ею на данную культуру или группу однородных культур.

По этому поводу Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР писала: «Таким образом, поскольку указанным постановлением Совета Министров предусмотрен внесудебный порядок возложения материальной ответственности на колхозников за ущерб, причиненный колхозу бесхозяйственным или нерадивым отношением к уборке урожая, суду не следовало принимать к своему производству настоящее дело, так как вопрос о возмещении колхозу ущерба подлежал разрешению на общем собрании членов колхоза»¹⁷.

Такой вывод был одобрен и бывшим Министерством юстиции СССР. Так, Министерство юстиции СССР в своем обобщении практики Верховного суда СССР по делам о причинении ущерба имуществу колхозов, от 17 ноября 1955 г., где приводится в качестве положительного примера одно дело из практики Верховного суда СССР, где Верховный суд отменил решение

¹⁶ См. В. Ф. Чигир и С. Т. Шардыко, Вопросы судебной практики по гражданским колхозным делам (по материалам Верховного суда БССР). «Ученые записки» Белорусского государственного университета, серия юридических наук, выпуск 25, 1955, стр. 75—76; см. также М. П. Осадько, Трудодень и его оплата, Сельхозгиз, Москва, 1956, стр. 52; А. Н. Арзамасцев, Охрана социалистической собственности по советскому гражданскому праву, Ленинград, 1956, стр. 173; И. В. Павлов, Правовые формы управления делами в колхозах, Москва, 1955, стр. 227.

¹⁷ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1955, № 6, стр. 34.

народного суда по тем мотивам, что следовало бы применить в данном случае постановление Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г.

На наш взгляд, с таким решением вопроса (как в теории, так и в практике) никак нельзя согласиться. Представляется, что при таком решении вопроса смешивается форма оплаты труда с материальной ответственностью. Действительно, постановление Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 года предусматривало возможность списать один процент трудодней за каждый процент невыполнения плана урожайности в бригаде. Но что представляет собой такой способ начисления или списания трудодней? Является ли это формой материальной ответственности колхозников за невыполнение плана урожайности, или за низкую производительность труда? Очевидно, что здесь мы не имеем дела с формами материальной ответственности.

Совет Министров СССР постановлением от 19 апреля 1948 года рекомендовал колхозам начислять трудодни колхозникам в зависимости от выполнения плана урожайности. Постановление установило, прежде всего, основной способ начисления трудодней, который зависит только от объема совершенных работ. Основное начисление трудодней не зависит от окончательных результатов этой работы, т. е. от урожайности в полеводстве. Но по социалистическому принципу оплата труда и в колхозах должна зависеть от окончательных результатов этой работы. Оплата труда в зависимости от окончательных результатов является средством осуществления принципа материальной заинтересованности. Именно с этой целью Совет Министров СССР и рекомендовал колхозам применять способ дополнительного начисления трудодней при перевыполнении плана урожайности, или же списания их при невыполнении плана урожайности. Дополнительное начисление или списание трудодней позволяет учитывать не только качество и количество сделанной работы, но и окончательные ее результаты, т. е. урожайность в колхозе. Такой способ начисления трудодней является средством повышения материальной заинтересованности колхозников.

Как известно, Совет Министров СССР своим постановлением от 19 апреля 1948 года рекомендовал колхозам три способа начисления или списания трудодней, применение которых должно было зависеть от местных условий. Как показала практика, все эти способы имеют свои недостатки, вследствие чего многие колхозы не применяли их, в том числе и многие колхозы Эстонской ССР, которые в свое время вместо этого способа начисления трудодней применяли различные способы дополнительной оплаты труда¹⁸.

¹⁸ См. M. Bronštein, D. Krugljak, L. Tulp, *Materiaalse huvitatus printsiibi rakendamise Eesti NSV kolhoosides*, Eesti Riiklik Kirjastus, Tallinn, 1956.

В настоящее время, когда самим колхозам дано право выработать более эффективные методы оплаты труда, не обязательно применять в колхозах способ дополнительного начисления трудодней.

Из вышесказанного явствует, что постановлением Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 года не установлено никакой формы несудебной материальной ответственности, а лишь рекомендуются колхозам способы оплаты труда. Те, кто считают списание трудодней несудебной ответственностью, смешивают формы материальной ответственности со способами оплаты труда в колхозах. Смешивать их ни в коем случае нельзя. Мы имеем здесь дело с совершенно различными институтами. А. А. Рускол и Б. А. Лисковец правильно указывают, что «трудодень является измерителем количества и качества труда, затраченного колхозником в общественном производстве. Количество трудодней, выработанных колхозником, является показателем той доли, которую колхозник получил при распределении доходов в колхозе. Трудодень сам по себе не может быть предметом взыскания»¹⁹.

Совершенно справедливо спрашивает Г. С. Севлякянц: «Если списание трудодней есть форма материальной ответственности за недоброкачественное выполнение задания членами бригады (а под материальной ответственностью следует понимать обязанность возместить ущерб в случае наличия вины), то как объяснить списание трудодней с передовых, честно и добросовестно работающих колхозников? Неужели эти колхозники, не имея по существу вины, также несут материальную ответственность?»²⁰

Правильно отмечает П. П. Пятницкий, что основанием для списания трудодней в пунктах 19, 20 и 24 постановления Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 года является не вина, а сам факт получения урожая ниже плана²¹. О какой же материальной ответственности может быть речь, если нет виновного поведения?

Таким образом, аргументация в пользу освобождения колхозника от материальной ответственности за ущерб, причиненный в результате недоброкачественного выполнения производственного задания, отпадает и, следовательно, нельзя согла-

---

¹⁹ А. А. Рускол, *Колхозное право*, М., 1955, стр. 40; см. также точку зрения И. А. Коэткиной, *«Советское государство и право»*, 1956, № 1, стр. 138.

²⁰ Г. С. Севлякянц, *Некоторые вопросы правового регулирования оплаты труда колхозников в полеводстве*, «Ученые записки» Таджикского госуниверситета, т. XI, вып. 4, 1956 г., стр. 128.

²¹ См. *«Советское государство и право»*, 1957, № 5, стр. 131.

ситься с указанием Верховного суда СССР о неподведомственности таких дел народным судам²².

С другого аспекта подходит к вопросу И. А. Коэткина, но окончательного решения вопроса она не достигает. Исходным пунктом при установлении материальной ответственности колхозников по ее мнению является не характер совершенного колхозником нарушения трудовой дисциплины, а характер причиненного имущественного ущерба²³.

Точка зрения И. А. Коэтקיной имеет положительное значение в том смысле, что в гражданском праве при установлении материальной ответственности первостепенное значение имеет наличие ущерба, т. е. последствие противоправного поведения, ибо без наличия материального ущерба не может быть и речи о материальной ответственности²⁴.

И. А. Коэткина также исходит из необходимости ограничения материальной ответственности колхозников и предлагает установить принцип ограничения этой ответственности в зависимости от характера причиненного ущерба. Предлагается установить, что колхозники должны нести ответственность только за следующие виды ущерба: 1) за повреждение или уничтожение колхозного имущества в результате небрежного обращения с ним; 2) за порчу, утрату или недостачу колхозного имущества в результате небрежного хранения; 3) за гибель скота и лошадей колхоза; 4) за потраву или повреждение посевов и насаждений колхоза²⁵.

Едва ли подобное теоретическое решение вопроса даст что-нибудь новое судебной практике. Прежде всего, действующее законодательство (ст. 117 ГК) знает только два вида убытков: положительный ущерб в имуществе и упущенную выгоду, и не знает никаких «видов» положительного ущерба. Едва ли целесообразно и в будущем устанавливать законодательным путем какой-нибудь перечень видов положительного ущерба. Нам кажется, что перечисленные автором «виды ущерба» охватывают все возможные случаи положительного ущерба, причиненного имуществу колхоза, и трудно найти еще какие-нибудь иные виды положительного ущерба, за которые колхозник не должен нести материальную ответственность. Если они и встречаются на прак-

---

²² Подлежат ли такие иски удовлетворению или нет, это вопрос иного характера и зависит от того, имеются ли все основания для возмещения ущерба или нет. Прежде всего зависит вопрос удовлетворения иска от того, представляет ли собой уменьшение урожая прямой ущерб или нет. Об этом см. стр. 26—36 настоящей работы.

²³ См. И. А. Коэткина, Материальная ответственность должностных лиц колхоза, Москва, 1957, стр. 28.

²⁴ Проф. О. С. Иоффе не считает убытки даже условием ответственности. Убытки являются как бы необходимой предпосылкой для возникновения вопроса о материальной ответственности. См. О. С. Иоффе, Советское гражданское право (курс лекций), Ленинград, 1958, стр. 435—442.

²⁵ См. И. А. Коэткина, указан. произв., ст. 22.

тике, то все же окажется, что в большинстве случаев причинения положительного ущерба имуществу колхоза колхозник по-прежнему должен будет нести материальную ответственность.

По-видимому весь вопрос заключается в том, что не во всех случаях причинения положительного ущерба имуществу колхоза колхозник должен нести полную материальную ответственность, но необходимо определить, когда и при каких условиях эта ответственность должна быть ограничена.

На наш взгляд, вопрос об ограниченной материальной ответственности колхозников не может быть решен ни путем установления ограничений в зависимости от характера противоправного поведения, ни путем установления специальных видов ущерба, за которые колхозник должен нести материальную ответственность, а только путем дифференциации размеров этой ответственности²⁶.

§ 2. Наличие имущественного ущерба как основание материальной ответственности

Наличие имущественного ущерба является важнейшим условием как для возникновения гражданско-правовой, так и для колхозно-правовой материальной ответственности. Без наличия имущественного ущерба не возникает и вопрос о материальной ответственности. Поэтому первейшая задача народных судов — установить наличие имущественного ущерба.

Установление имущественного ущерба иногда на практике связано со сложными обязательствами, поскольку всякий хозяйственный убыток колхоза еще не является имущественным ущербом, хотя он на первый взгляд и кажется таковым.

Так, например, колхозом «Ранна» Эльваского района Эстонской ССР был предъявлен иск в размере 7016 рублей к колхознику К., продававшему на колхозном рынке колхозную продукцию ниже цен, указанных правлением колхоза. Народный суд Эльваского района своим решением от 13 ноября 1956 года иск удовлетворил. Верховным судом Эстонской ССР решение народного суда было отменено и дело направлено на новое рассмотрение по той причине, что народным судом не было выяснено наличие действительного ущерба. При новом рассмотрении дела выяснилось, что К. действительно продавал колхозную продукцию ниже цен, указанных правлением, но ему было дано такое право на случай, если продукции грозит порча. Таким образом колхоз не получил планируемых доходов, но о наличии положительного ущерба в имуществе не может быть речи. При вторичном рассмотрении дела иск был оставлен без удовлетворения из-за отсутствия положительного ущерба в имуществе как основания материальной ответственности.

²⁶ Подробнее об этом см. в IV главе настоящей работы.

В августе 1952 года колхозом «Пуналипп» Вяйке-Маарьяского района Эстонской ССР был предъявлен иск к председателю, счетоводу и ко всем членам правления колхоза в размере 15.495 рублей. Размер иска состоял из стоимости продуктов, выданных трактористам и практикантам без оформления соответствующей документации и без удержания с трактористов стоимости хлеба. Решением народного суда от 2 февраля 1953 года иск был удовлетворен против председателя и счетовода колхоза. Постановлением Верховного суда ЭССР от 11 августа 1956 г. по протесту председателя Верховного суда ЭССР решение было отменено. В постановлении указывается, что неправильно считать ущербом колхоза стоимость продукции, выданной шефам и практикантам, так как последние работали в колхозе и за свою работу ничего не получили.

Установление имущественного ущерба требует, с одной стороны, тщательного анализа фактических обстоятельств дела, а с другой стороны, и ясных, научно обоснованных критериев, что подразумевать под имущественным ущербом и его отдельными видами, установленными законом.

О. С. Иоффе, желая определить сущность ущерба и разграничить понятия положительного ущерба в имуществе и неполученной плановой прибыли или утраченного трудового дохода (упущенная выгода), обращается к понятию общественных отношений, поскольку он полагает, что имущество в его широком понимании представляет собой совокупность не вещей, а прав и обязанностей, выражает определенный комплекс общественных отношений. По мнению О. С. Иоффе, если причиненные убытки вызывают снижение уже достигнутого уровня развития этих отношений, они называются положительным ущербом в имуществе. Неполученной плановой прибылью или утраченным трудовым доходом (упущенной выгодой) он именуется убытки тогда, когда они заключают в себе препятствие на пути к достижению нового, более высокого развития данных общественных отношений.²⁷

Но как бы ясны ни были теоретические концепции о разграничении положительного ущерба в имуществе от упущенной выгоды, все же практическое установление положительного ущерба в имуществе и упущенной выгоды, причиненных имуществу колхозов, связано с определенными трудностями. Вопрос прежде всего осложняется тем, что круг объектов колхозной собственности широк и, кроме того, в колхозном производстве участвует ряд таких объектов, которые не участвуют в государственной промышленности. Разграничение положительного ущерба в имуществе от упущенной выгоды в колхозном производстве, как мы увидим в дальнейшем, зависит не только

²⁷ См. О. С. Иоффе, Советское гражданское право (курс лекций), Ленинград, 1958, стр. 438.

от характера конкретного объекта, а иногда и от отрасли колхозного производства, но даже от времени причинения.

Поскольку теоретики гражданского права, вырабатывая концепции о положительном ущербе в имуществе и упущенной выгоде, главным образом имеют в виду причинение убытка в промышленности, постольку эти концепции при установлении положительного ущерба в имуществе и упущенной выгоды в колхозном производстве в результате особенностей последнего страдают некоторыми недостатками.

Так, например, в теории гражданского права неполученная продукция рассматривается как упущенная выгода. Но вопреки этому, судебная практика удовлетворяет не только иски о возмещении убытков, причиненных объектам колхозной собственности, имеющимся в натуре, но и иски о возмещении убытков, причиненных продукции, получение которой вполне реально. Так, например, колхоз им. В. И. Ленина Пайдеского района Эстонской ССР предъявил иск к дояркам К. и В. Доярки вечером 4 сентября 1955 года самовольно оставили работу, в результате чего коровы их группы остались недоеными вечером 4-го и утром 5-го сентября и колхозом недополучено 100 кг молока рыночной стоимостью 188 рублей. Народный суд Пайдеского района Эст. ССР своим решением от 1 декабря 1955 г. иск удовлетворил.

Для того чтобы судить о правильности решения народного суда, первостепенное значение имеет вопрос о том, признать ли неполученную продукцию животноводства положительным ущербом в имуществе или нет. Тот же самый вопрос возникает и при неполучении или уменьшении урожая в полеводстве.

Поскольку вопрос установления положительного ущерба в имуществе и упущенной выгоды в колхозном производстве имеет свои особенности, то, на наш взгляд, будущее законодательство о материальной ответственности за причинение убытков имуществу колхозов должно не только включить в число оснований материальной ответственности наличие имущественного ущерба, но и дать некоторые указания для разграничения положительного ущерба и упущенной выгоды. Преследуя цель — помочь законодателю в разрешении этого вопроса, — на последующих страницах работы и делается попытка рассматривать указанный вопрос не только с теоретического аспекта вообще, но уже более конкретно, по отдельным отраслям колхозного производства, где различным объектам колхозной собственности может быть причинен ущерб.

1. Установление положительного ущерба при уменьшении уро- жай и гибели посевов

Противоправными действиями или бездействием колхозников могут быть причинены убытки такому объекту колхозной собственности, как посевы. Здесь убытки могут быть причинены в разных стадиях — от периода посева до уборки урожая. Вопрос о том, когда колхозник несет ответственность за такой вред, и в чем состоит ущерб колхоза, встает здесь особенно остро.

Как мы уже раньше видели, З. А. Подопригора и С. Ю. Кац не допускают материальной ответственности за ущерб, причиненный посевам путем недоброкачественного выполнения производственного задания, и за низкую производительность труда.²⁸

Прежде всего, как правильно отмечает Я. Пулк, нельзя смешивать понятия «недоброкачественная работа» и «низкопродуктивная работа», потому что низкопродуктивная работа в то же время может быть и доброкачественной.²⁹ Нам представляется неправильным утверждение, что колхозник всегда, когда убытки культурам причинены или недоброкачественным выполнением производственного задания, в результате низкой производительности труда, или иным путем, по той причине, что урожаем является упущенной выгодой, материальной ответственности не несет. Решение вопроса должно быть конкретным и подробным.

В практике Верховного суда СССР также распространено мнение, что убытки, причиненные урожаю растущих культур колхоза, являются упущенной выгодой и поэтому убытки, причиненные растущим культурам, возмещению не подлежат. Таково же было мнение и бывшего Министерства юстиции СССР. В упомянутом обзоре судебной практики Министерством юстиции СССР было приведено как правильный пример одно определение Верховного суда СССР об отмене решения народного суда, по которому было взыскано с колхозницы 1.100 рублей за то, что ответчица своевременно не обеспечила сбор чайного листа с закрепленного за нею участка, вследствие чего 40 кг листа огрубели и 240 кг перешло из 1-го во 2-й сорт. Верховный суд СССР отменил решение по тем мотивам, что в данном случае была взыскана упущенная выгода, которая на основании ст. 403 ТК не взыскивается.

Мнение, что убытки, причиненные урожаю растущих культур, являются упущенной выгодой, распространено и среди цивилистов. Так например, О. С. Иоффе пишет: «Если последовательно придерживаться принципа возмещения лишь положительного ущерба в имуществе, то колхозы во всех приводимых и

²⁸ См. «Советское государство и право», 1954, № 8, стр. 45.

²⁹ См. Я. Пулк, указан. произв., стр. 25.

иных аналогичных делах имели бы право на компенсацию только семян, но не урожая». ³⁰

Следовательно, и проф. О. С. Иоффе является сторонником взгляда, что убытки, причиненные урожаю, есть только упущенная выгода. Однако, понимая несправедливость результатов, последовавших от применения в данном случае принципа возмещения только прямого ущерба, выразившегося лишь в стоимости семян, он оспаривает точку зрения о том, что возмещению подлежат только положительный ущерб в имуществе, и по его мнению, в случаях возмещения убытков, причиненных колхозам (как и в других случаях) ³¹, следует последовательно применять требования ст. 117 ГК, т. е. возмещению подлежат как положительный ущерб, так и упущенная выгода. Если же объем ответственности включает и упущенную выгоду, то возможно и взыскание убытков, причиненных урожаю. Необходимость и целесообразность возмещения плановой прибыли в отношениях между социалистическими организациями он мотивирует необходимостью усиления правовой охраны интересов государственных организаций и колхозов.

С судебной практикой, считающей вред, причиненный урожаю колхоза, упущенной выгодой, соглашается И. А. Коэткина, но и она не соглашается с практикой невзыскания судебным порядком упущенной выгоды и придерживается принципа полного возмещения убытков (ст. 117 ГК РСФСР). ³²

Хотя О. С. Иоффе и И. А. Коэткина и выдвигают принцип полного возмещения убытков на фоне анализа дел, где причинами вреда урожаю колхоза являются или другие колхозы, или государственные предприятия, это вообще не должно иметь значения при решении вопроса материальной ответственности членов колхоза, потому что размер убытков, подлежащих возмещению, не зависит от субъекта ответственности. Различные размеры убытков, подлежащих возмещению, могут устанавливаться законодательством в зависимости от общественной вредности гражданского правонарушения и других обстоятельств.

Предложение проф. О. С. Иоффе и И. А. Коэткиной о полном возмещении убытков относительно колхозов имеет два пробела. Во-первых, в колхозном производстве нет определенных границ для установления упущенной выгоды. Проф. Иоффе критикует судебную практику, разделяющую убытки, причиненные колхозу, на убытки по урожаю зерновых и сенокосам текущего года, и убытки последующих лет, когда ущерб причиняется

---

³⁰ См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Ленинград, 1955, стр. 266.

³¹ См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Ленинград, 1955, стр. 266.

³² См. И. А. Коэткина, Возмещение ущерба, причиненного колхозу, «Научный комментарий судебной практики за 1955 год», Москва, 1957, стр. 111.

многолетним культурам. Но на вопрос о том, до какого именно времени считать неполученный еще урожай упущенной выгодой колхоза, автор конкретно не отвечает. Из его концепции можно заключить, что урожай только текущего года следует считать упущенной выгодой. Но как поступить в таком случае, когда убытки причинены культурам, дающим урожай не только в текущем году, а еще даже через несколько лет?

Во-вторых, следует иметь в виду, что интересы государства и колхозов должны сочетаться с интересами граждан (в данном случае колхозников). Чрезмерное увеличение материальной ответственности колхозников может неосновательно сузить интересы колхозников.

На наш взгляд, вопрос заключается не в том, что в отношении колхозников, причинивших вред колхозу, следует обязательно применять ст. 117 ГК и взыскивать с них как положительный ущерб, так и упущенную выгоду. Как мы уже видели раньше, задача заключается не в том, чтобы расширить ответственность колхозников, а в том, чтобы ограничить материальную ответственность колхозников. Поэтому применение ст. 117 ГК в отношении колхозников, причинивших убытки имуществу своего колхоза, на наш взгляд, вряд ли целесообразно. Представляется, что законодательство о материальной ответственности колхозников следует приблизить к законодательству о материальной ответственности рабочих и служащих, а в ст. 83⁶ КЗоТ прямо указано, что при установлении судебными органами ущерба, подлежащего возмещению, не принимается во внимание упущенная предприятием или учреждением выгода. Если же законодательство о материальной ответственности рабочих и служащих, имеющее целью охрану государственной собственности, считает возможным освободить рабочих и служащих от материальной ответственности за причинение государственной собственности упущенной выгоды, почему же законодательство о материальной ответственности колхозников должно устанавливать ответственность членов колхоза перед своим колхозом за упущенную выгоду.

Вместе с тем нельзя согласиться с таким положением, когда убытки, причиненные урожаю колхоза, во всех случаях рассматриваются как упущенная выгода. Мы намерены доказать, что в некоторых случаях и убытки, причиненные урожаю колхоза, следует рассматривать как положительный ущерб в имуществе колхоза.

Прежде всего, возникает вопрос, с какого момента можно считать вред, причиненный растущим культурам, положительным ущербом в имуществе? Самым последним моментом здесь безусловно является момент, когда урожай колхозом убран и заактирован, потому что тогда урожай колхоза действительно отвечает приведенным в литературе признакам существующего объекта колхозной собственности. Но чтобы показать, какие

здесь могут быть практические последствия, достаточно привести лишь один пример. Во время уборки урожая, или же в непосредственно предшествующем ей периоде, по вине колхозника погибло 2-гектарное пшеничное поле. Ущерб колхоза — 40 центнеров зерна.

Если считать, что пшеница в неубранном виде являлась растущей культурой и причиненный ей ущерб — только упущенной выгодой, то колхозник обязан возместить этот ущерб только в таком случае, если в судебной практике будет применяться принцип возмещения упущенной выгоды вместе с положительным ущербом. Но, как мы выше видели, судебная практика последовательно стоит на точке зрения отрицания возмещения упущенной выгоды по делам о причинении ущерба имуществу колхозов (ст. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г., а также ст. 8 постановления от 26 марта 1960 г.) Однако несколькими часами позднее, когда то же самое пшеничное поле убрано комбайном, колхозник своими действиями или бездействием уже может причинить имуществу колхоза положительный ущерб. Какая же разница между первым и вторым случаем? В правовом смысле никакой разницы нет. Практически имеется только разница в том, что колхоз на уборку урожая понес еще определенные расходы.

Небезынтересно сравнить данное решение вопроса с положением в уголовном праве. Как теория, так и практика уголовного права считает растущие культуры и посевы или предметом,³³ или объектом³⁴ хищения социалистической собственности, а также предметом порчи социалистического имущества.³⁵ В уголовных кодексах ряда союзных республик также имеются специальные нормы, карающие за истребление и потравы посевов.³⁶

Таким образом, уголовное право считает посевы предметом хищения и, следовательно, также объектом социалистической собственности.³⁷

Для подтверждения приведенного вывода можно сослаться хотя бы на тот факт, что среди других объектов, подлежащих

³³ См. Т. Л. Сергеева, Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР, Москва, 1954, стр. 19.

³⁴ См. З. А. Вышинская, Советское уголовное право, часть особенная, Учебник для вузов, Москва, 1951, стр. 147.

³⁵ См. Т. Л. Сергеева, Указ. произв., стр. 126—127.

³⁶ См. ст. 108⁴ УК Азербайджанской ССР; ст. 136³ УК Грузинской ССР; ст. 104-б УК Армянской ССР; ст. 166³ и 166⁷ УК Узбекской ССР; ст. 175 УК Таджикской ССР.

³⁷ В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 3 апреля 1940 г. прямо заявляется, что хищением социалистической собственности является также самовольное снятие урожая для личных нужд с земли, принадлежащей колхозам. См. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1951 гг., Госюриздат, Москва, 1952, стр. 24.

обязательному страхованию; закон Верховного Совета СССР от 4 апреля 1940 г. «Об обязательном окладном страховании» и постановление Совета Министров Эстонской ССР от 30 декабря 1959 г. отмечают и посевы сельскохозяйственных культур (в том числе находящиеся в рассадниках, парниках, теплицах), питомники и урожай садов, ягодников и виноградников.³⁸ По правилам добровольного страхования сельскохозяйственных культур, изданным Министерством финансов СССР 26 февраля 1952 г., и постановлению Совета Министров Эстонской ССР от 30 декабря 1959 года, госстрах принимает добровольное страхование однолетних сельскохозяйственных культур в колхозах, урожай многолетних сельскохозяйственных культур, питомники плодовых, декоративных и лесных насаждений. Не принимается добровольное страхование растений, высеиваемых для зеленого удобрения или пастбищного использования; трав, естественных лугов, лесных насаждений, цветочных и декоративных культур.³⁹

Для решения вопроса об ответственности за причинение ущерба посевам следует исходить из того, в какой стадии был причинен ущерб посевам.

Вред посевам может быть причинен в разных стадиях роста посевов — от посева до уборки урожая, и может выражаться: 1) в снижении урожая (низкая производительность труда), 2) в полной гибели всего урожая (полученный урожай не покрывает сделанных расходов).

Но ущерб может быть причинен и в стадии уборки урожая и выразиться: 1) в увеличении уборочных потерь (уменьшается урожай) и 2) в полной порче или уничтожении всего урожая.⁴⁰

Проанализируем эти возможности в отдельности.

Снижение урожайности может являться результатом многих обстоятельств, как например результатом биологических условий, неприменения новейших и вообще требуемых для выполнения плана урожайности агротехнических приемов, результатом небрежности в работе колхозника, результатом только низкой производительности труда и т. д. Такие и подобные обстоятельства влияют на урожайность культур в основном в период ухода за ними. Как видно, причиной снижения урожайности могут служить и такие обстоятельства, которые одновременно составляют нарушение колхозником трудовой дисциплины, но также и такие, которые никаких элементов правонарушения в себе не содержат.

В литературе правильно указано, что снижение урожайности

---

³⁸ См. Законодательные и ведомственные акты по сельскому хозяйству, Госюриздат, 1958, стр. 95; «Ведомости Эстонской ССР», 1960, № 2, 3.

³⁹ См. там же, стр. 118; «Ведомости Эстонской ССР», 1960, № 2, 3.

⁴⁰ Я. Пулк, Правовая организация труда в колхозах, Автореферат кандидатской диссертации, Тарту, 1956, стр. 26.

является только упущенной выгодой колхоза.⁴¹ При снижении урожайности действительно имеется налицо уменьшение только ожидаемого дохода. До определенной стадии урожай колхоза является не реальным доходом колхоза и величина его может колебаться независимо от желания колхозников. Нельзя сделать колхозника ответственным за такие доходы, которые еще нереальны. Материальная ответственность колхозника не наступает здесь по тем причинам, что имеет место уменьшение ожидаемых доходов или, другими словами, колхозу причинены убытки в форме упущенной выгоды.

Неправы авторы, отрицающие материальную ответственность колхозников за снижение урожайности по тем мотивам, что якобы постановлением Совета Министров от 19 апреля 1948 г. здесь установлена несудебная материальная ответственность.⁴² Прав Ю. А. Вовк, когда пишет, что «списание трудодней за неполучение плановой урожайности имеет своей целью не возмещение ущерба колхозу, а приведение размера оплаты труда в соответствие с его конечными результатами».⁴³ В дополнение к сказанному нами ранее⁴⁴ следует указать еще на то, что подобный вид списания трудодней в постановлении Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. был только рекомендован колхозам. Едва ли может быть вид ответственности установлен в форме рекомендации. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели»⁴⁵ признано неправильным и нецелесообразным регламентировать сверху такие вопросы внутренней жизни колхозов как нормирование и оплату труда колхозников. И действительно, практика применения рекомендованной правительством системы списания или дополнительного начисления трудодней в зависимости от плана урожайности сталкивалась с многими недостатками и, учитывая местные условия и конкретные обстоятельства, стали применять другие, более эффективные, учитывающие до-

⁴¹ См. Г. Добровольский, Практическое пособие для народных судей, содержащее серьезные ошибки, «Социалистическая законность», 1956, № 2, стр. 36;

Б. Лисковец, Имущественная ответственность колхозников за ущерб, причиненный колхозу нарушением трудовой дисциплины, Москва, 1954, стр. 45—48;

Я. Пулк, Правовая организация труда в колхозах, Автореферат кандидатской диссертации, Тарту, 1956, стр. 36;

В. Т. Смирнов, Гражданская ответственность за гибель колхозного скота, «Очерки по гражданскому праву», Ленинград, 1957, стр. 174.

⁴² Подробнее см. стр. 18—20 настоящей работы.

⁴³ См. Ю. А. Вовк, Рецензия на книгу «Вопросы колхозного права», «Советское государство и право», 1955, № 5, стр. 136.

⁴⁴ См. стр. 19—21 настоящей работы.

⁴⁵ См. «Правда» от 10 марта 1956 г.

стигнутую степень урожая, способы оплаты труда колхозников⁴⁶. В связи с переходом на систему прямой оплаты труда, отпадает возможность и необходимость применения указанных видов дополнительного начисления и списания трудодней.

Поскольку решение вопросов оплаты труда передано сейчас самим колхозам и рекомендовано принять иной подход при их решении, проф. И. В. Павлов даже высказал мнение, что перестали действовать те статьи постановления Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г., которыми определялся порядок дополнительного начисления и списания трудодней бригадам и звеньям⁴⁷. Проф. И. В. Павлов безусловно прав в том, что эти нормы больше не имеют обязательного характера и колхозы сами могут устанавливать другие формы дополнительного начисления или списания трудодней.

Нельзя согласиться и с теми авторами, которые видят в мерах списания трудодней за уменьшение упитанности скота и снижение удоя молока или за уменьшение урожая дисциплинарную ответственность. В колхозном праве действительно списание трудодней выступает в качестве меры дисциплинарной ответственности, но только при наличии виновного правонарушения. Списание трудодней в каждом конкретном случае имеет свои определенные цели, и поэтому никак нельзя сравнивать списание трудодней на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. за простой лошадей со списанием трудодней на основании постановления Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. за невыполнение плана урожайности или за уменьшение упитанности скота и снижение надоев молока, как это делает В. С. Смирнов⁴⁸.

Из изложенного должно быть ясно, что мы не имели и не имеем дела с видом несудебной материальной ответственности; нельзя также сказать, что списание трудодней всегда является дисциплинарной ответственностью.

Если при снижении урожайности колхоз все же получает определенные доходы, то наряду со снижением урожайности возможна и полная гибель посевов, в результате чего колхоз уже никаких доходов не получает, или же доходы настолько низкие, что они не покрывают сделанных колхозом затрат. Причины здесь могут быть такими же, как и при снижении урожайности. И здесь недополученный урожай является упущенной выгодой по тем же самым причинам, о которых уже сказано. Разница между первым и вторым вариантом лишь та, что во втором случае убытки колхоза более значительны, чем в первом.

⁴⁶ См. С. Скорняков, Об оплате труда колхозников, «Социалистическое сельское хозяйство», 1955, № 5, стр. 50 и след.

⁴⁷ См. И. В. Павлов. Существенные изменения в правовом регулировании хозяйственной деятельности колхозов в СССР, «Советское государство и право», 1956, № 4, стр. 43.

⁴⁸ См. В. Т. Смирнов, Гражданская ответственность за гибель колхозного скота, «Очерки по гражданскому праву», Ленинград, 1957, стр. 174.

Кроме упущенной выгоды (недополученный урожай) гибель посевов причиняет колхозу еще и прямой ущерб, который выражается в стоимости семян, удобрений и труда⁴⁹. Это общепризнано в практике колхозов, а также народных судов и Верховного суда СССР. Характерным, например, является решение правления колхоза «Пунане Койт» Пыльваского района Эстонской ССР, которым правление колхоза обязало бригадира садоводческой бригады уплатить колхозу 2.000 рублей за то, что осенью он не покрыл надлежащим образом молодые яблони, в результате чего они зимой были уничтожены грызунами. В сумму понесенных убытков правление колхоза включило стоимость саженцев и проведенных работ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда ЭССР своим определением от 9 января 1954 г. передала на новое рассмотрение дело по иску колхоза «Выйт» Пыльваского района к садовнику П. о взыскании ущерба в размере 23.509 рублей с указанием, что «при новом рассмотрении дела следует потребовать с истца справку о размере фактически сделанных в колхозном саду расходов, куда следует включить стоимость затраченных в 1953 г. удобрений, стоимость семян и труда. Из этой суммы следует вычесть стоимость полученного и включенного в доходы колхоза. урожая и потом исходить из фактического ущерба».

Народный суд I участка Вяйке-Маарьяского района своим решением от 6 января 1956 г. частично удовлетворил иск колхозника И. против колхоза «Кийр», указав, что, поскольку потраченный скотом лук был посажен осенью 1955 г., то он в этом году урожая не дал, и поэтому в ущерб следует включить только стоимость растений и стоимость труда при посадке и прополке лука.

Как мы видим, и в случаях гибели урожая судебная практика удовлетворяет иски в части прямого ущерба, считая прямым ущербом расходы на семена и труд.

Как уже сказано, в другую группу следует выделить убытки, причиненные во время уборки урожая или непосредственно перед началом его уборки и выражающиеся в увеличении уборочных потерь или же в полной порче или уничтожении урожая.

В теории распространено мнение, что убытки, причиненные в период уборки урожая, также являются упущенной выгодой колхоза. Так, например, А. Барышев, критикуя одно решение народного суда Украинской ССР, которым был удовлетворен иск колхоза «Червоный прапор» о взыскании с гр-ки Черной 2.027 рублей за необранный урожай картофеля на 0,23 га, утверждает, что суд исходил не из прямого ущерба, а из упущенной

⁴⁹ См. Я. Пулк, Указан. произв., стр. 27.

выгоды, считая таким образом оставленный неубранным уро- жай упущенной выгодой⁵⁰.

Мы полностью присоединяемся к высказанным Я. Пулком положениям, что ущерб, выразившийся в увеличении убороч- ных потерь или в уничтожении урожая во время уборки, яв- ляется прямым ущербом колхоза⁵¹. К периоду уборки урожая закончены все работы по уходу и выращиванию данных куль- тур. Урожай колхоза является уже реальным, и нормальные природные условия не могут поколебать его объема. Стихийных бедствий не следует принимать во внимание, поскольку в этих случаях убытки возмещает госстрах.

Убытки в период уборки урожая могут быть причинены и противоправными действиями колхозников. Чаще всего здесь имеют место небрежное проведение уборки урожая или остав- ление урожая неубранным.

Для возложения материальной ответственности на колхоз- ника должны быть безусловно налицо все требуемые основания материальной ответственности.

Когда урожай остается неубранным, необходимо установить, обязан ли был колхозник без каких-либо дополнительных ука- заний убрать урожай, или проведение работ должны были орга- низовать правление колхоза или бригадир. В последнем случае возникает вопрос о материальной ответственности должностных лиц колхоза.

Если признать потерянный урожай прямым ущербом колхо- за, то этим вопрос о размере ущерба окончательно еще не ре- шен. Для того чтобы показать возможность различных вариан- тов, приведем один пример из судебной практики Ленинград- ского областного суда⁵². Хотя по данному делу ответчиком яв- лялся и не колхозник, все же для определения размера ущерба данное дело является характерным. В этом деле суд признал прямым ущербом колхоза: 1) стоимость семян клевера и ржи, израсходованных колхозом для посева, 2) цену предполагавше- го среднего урожая ржи, а также клевера в пределах трех лет, и 3) стоимость продуктов по рыночным ценам, которые в порядке обязательных поставок подлежали сдаче государству с площади 13 га.

Приведенное определение Ленинградского областного суда показывает, что суд не принял во внимание специфику экономи- ки сельского хозяйства. По данному делу О. С. Иоффе правиль- но указывает, что суду не следовало возмещать стоимость продук- тов, сданных колхозом в порядке обязательных поставок. Но он

---

⁵⁰ См. А. Барышев, Некоторые недостатки в судебной и прокурор- ской практике по гражданским колхозным делам, «Социалистическая закон- ность», 1954, № 1, стр. 11.

⁵¹ Я. Пулк, указан. произвед., стр. 27.

⁵² См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Ленинград, 1955, стр. 265.

ни слова не говорит о взыскании судом стоимости семян и, по-видимому, допускает включение ее в общую сумму ущерба. Но следует обратить внимание на то, что включение стоимости семян в размер ущерба одновременно со стоимостью урожая также неправильно. Ни семена, ни продукты, сдававшиеся государству раньше в качестве обязательных поставок (в настоящее время в порядке госзакупок), колхоз не получает сверх урожая, но их стоимость колхозом покрывается из получаемого урожая. Также не следует включать в размер ущерба стоимость затраты труда, поскольку и она входит в сумму стоимости урожая.

В случае, когда урожай колхоза погиб по вине колхозника еще до его уборки, размер ущерба заключается в неполной стоимости урожая. Себестоимость одного центнера убранный урожай безусловно выше, чем себестоимость одного центнера неубранного урожая. Хотя в определенный период урожай колхоза и до его уборки является реальным доходом, однако урожай еще не является готовым объектом колхозной собственности. Колхоз вынужден еще нести определенные расходы, а именно расходы по уборке. Таким образом, реальный ущерб колхоза, в случаях гибели урожая еще до его уборки, равен стоимости урожая минус расходы по уборке.

С удовлетворением встречных исков колхозников, с которых взыскивается полная стоимость урожая, или, другими словами, с таким определением размера ущерба не согласен О. С. Иоффе. Он находит, что причиненный ущерб отражается как на интересах колхоза в целом, так и на интересах каждого колхозника в отдельности. На интересах колхозника — в том смысле, что при гибели урожая у колхозника уменьшается количество выработанных трудодней и, следовательно, его доходы⁵³.

Но если ущерб колхозу возмещается полностью, то тогда интересы колхозников не страдают. Доходы колхозников выражаются не столько в количестве трудодней, сколько в количестве продуктов и денег, падающих на трудодни при распределении доходов. Несмотря на то, что при гибели урожая у колхозников остается невыработанным определенное количество трудодней, все же его окончательные доходы от этого не уменьшаются. Полученная в порядке возмещения ущерба компенсация идет в распоряжение колхоза и также частично распределяется по трудодням, выработанным колхозниками в колхозе. Таким образом доходы колхозника, падающие на один трудодень, увеличиваются, и окончательные результаты остаются неизменными. Окончательные результаты же одинаковы — получает ли колхозник за 120 трудодней 1.200 рублей, или за 100 трудодней 1.200 рублей.

Практическое значение имеет порядок определения размера погибшего урожая. Легче всего установить урожай в натураль-

⁵³ См. О. С. Иоффе, Указан. произв., стр. 267,

ных показателей по плановому урожаю. Но определение размера ущерба по запланированному урожаю будет не совсем точным. В запланированной урожайности могут иметь место отклонения, не зависящие от причинения вреда. Во-первых, колхоз мог бы, если бы противоправные и виновные действия, в результате которых погиб урожай, не нашли места, получить урожай сверх запланированного, т. е. перевыполнить план урожайности. Взяв за основу запланированный урожай, мы возместили бы колхозу ущерб не полностью, а только частично. Но, во-вторых, колхоз мог бы, если бы противоправные действия причинивших ущерб не имели места, получить урожай и ниже запланированного. Определяя ущерб по предусмотренной планом урожайности, мы взыскали бы с колхозника больше, чем он в действительности причинил колхозу.

По этим соображениям следует стремиться к определению фактического урожая, который был бы получен колхозом, если бы не произошло гибели урожая. Иногда это возможно путем сравнения урожаев на полях, погибших по вине колхозника, и сохранившихся на соседних полях, или же путем экспертизы и т. д.

2. Установление положительного ущерба в области животноводства

Размеры и порядок установления ущерба, причиненного в области животноводства, установлены постановлением Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам».

Этим постановлением установлено, что:

а) при предъявлении иска к лицам, виновным в гибели крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, принадлежащих колхозам, сумма убытков должна определяться в размере однократной стоимости скота по закупочным ценам, а при гибели племенного, улучшенного скота — по ценам на племенной и местный улучшенный скот;

б) при предъявлении иска к лицам, виновным в гибели лошадей, принадлежащих колхозам, сумма убытков должна определяться в размере однократной стоимости лошадей по ценам, установленным областными и краевыми исполкомами и Советами Министров республик, а при гибели племенных лошадей — по ценам на племенных лошадей;

в) при предъявлении иска к лицам, виновным в хищении крупного рогатого скота, свиней, овец, коз и лошадей, принадлежащих колхозам, сумма убытков должна устанавливаться, исходя из тех же цен, однако в полуторной стоимости перечисленных животных.

На практике разрешение вопроса является сложным именно тогда, когда по вине колхозника скот не погиб, а только был поврежден в такой степени, что колхоз вынужден резать животных. Причинен ли ущерб колхозу или нет? Если да, то в чем именно ущерб выражается? Трудность определения ущерба связана с тем, что колхоз имеет возможность реализовать мясо по рыночным ценам, которые по общему правилу еще превышают государственные закупочные цены.

Для того чтобы не оставить виновного колхозника без ответственности, колхоз может, во-первых, выдать полученное в результате вынужденного убоя мясо колхознику и взыскать с него стоимость погибшего животного по закупочным ценам. Но в таком случае колхозник ущерб колхозу в сущности не возмещает, поскольку стоимость полученного мяса по рыночным ценам выше, чем стоимость скота по закупочным ценам. Наоборот, колхозник может еще получить дополнительную выгоду. Во-вторых, колхоз сам может реализовать мясо или использовать его в своих нуждах и, независимо от этого, обязать колхозника уплатить закупочную стоимость скота или же сдать колхозу взамен другой, равноценный скот.

При таком варианте возникает вопрос, следует ли стоимость мяса, использованного колхозом, вычитать из суммы ущерба или нет? Если колхозу, например, удалось реализовать мясо первым сортом, то фактически никакой разницы не получается. Колхоз полностью может покрыть закупочную стоимость скота.

Высказанные в литературе мнения о разрешении этого вопроса расходятся. А. А. Рускол и Б. А. Лисковец находят, что взыскание с колхозника стоимости скота полностью возмещает ущерб колхоза. Следовательно, если колхоз использует мясо от вынужденного забоя животного, то стоимость его должна быть зачтена в счет возмещения ущерба, иначе колхоз неосновательно обогатится за счет колхозника⁵⁴.

На иной точке зрения стоит Я. Пулк. По его мнению из размера ущерба нельзя вычитать стоимость мяса и кожи. Он приводит следующие аргументы: 1) при таком определении размера ущерба «виновный колхозник не несет никакой материальной ответственности», 2) «в действительности реальный ущерб колхоза во всяком случае равен по меньшей мере рыночной цене, и хотя установленная законом стоимость погибшего животного и стоимость проданного мяса и др. вместе превышает рыночную цену погибшего животного, все же нельзя говорить об обогащении колхоза за счет колхозника, так как колхоз не предполагал продать данное животное... Для замены погибшего животного колхоз должен оплатить не только стоимость животного по

⁵⁴ А. А. Рускол и Б. А. Лисковец, Колхозное право, Москва, 1955, стр. 38; см. также «Социалистическая законность», 1951, № 12, стр. 56.

рыночной цене, но также нести прочие расходы, связанные с приобретением животного (транспорт и т. д.)»⁵⁵.

С приведенными Я. Пулком аргументами едва ли можно согласиться.

Остается непонятным — возмещения чего требует автор, если колхозу удалось реализовать полнокачественное мясо и никакого ущерба имуществу колхоза не причинено. Нельзя же считать прямым ущербом колхоза уменьшение количества скота на ферме колхоза. Если, вопреки всему, утверждать, что при вынужденном убое колхозник все же отвечает в размере закупочной стоимости скота, независимо от того, удалось ли колхозу реализовать мясо или нет, то это означало бы сделать колхозника материально ответственным только за уменьшение количества скота в колхозе или, другими словами, только «за жизнь животного».

Тот мотив, что колхоз по плану не намеревался реализовать данное животное, также не имеет особого значения. При существующей системе планирования животноводства в колхозах главное внимание должно быть направлено не столько на увеличение поголовья скота, сколько на увеличение его продуктивности.

Не вызывает сомнения утверждение автора, что иногда колхозу необходимо бывает заменить погибшее животное новым и колхоз вынужден нести дополнительные расходы, превышающие вместе со стоимостью нового животного доходы, полученные от реализации мяса. Но в таком случае действительно имеется налицо прямой ущерб, выражающийся в перерасходе колхозных средств на приобретение животного, и колхозник обязан возместить этот ущерб.

Что же касается того обстоятельства, что колхозник, виновный в повреждении животного, остается без наказания, то следует указать, что возмещение ущерба и не преследует только цели материального наказания человека. Целью ст. 403 и 410 ГК РСФСР является лишь восстановление прежнего положения и, если это невозможно, то только тогда взыскиваются убытки. Кроме того, у колхоза всегда остается возможность привлечь своего члена к дисциплинарной ответственности.

Окончательное решение данного вопроса по нашему мнению должно быть следующим: 1) за повреждение животного в результате противоправного и виновного поведения колхозника, последний наказывается в дисциплинарном порядке; 2) если колхозу причинен ущерб в связи с приобретением нового животного, или вследствие того, что колхозу не удалось реализовать мясо, или же полученные от реализации доходы только частично покрывают закупочную стоимость скота, с колхозника взыскивается этот ущерб.

⁵⁵ Я. Пулк, Указ. произв., стр. 26.

Невозможность реализации колхозом мяса следует понимать в качестве объективной невозможности, т. е. например в случаях полной непригодности мяса. Иногда в неиспользовании годного в хозяйстве колхоза, например в свиноводстве, мяса виновными являются или руководящие лица колхоза или другие колхозники, не виновные в гибели животных. Так, например, 15 августа 1958 г. колхозом им. Карла Маркса Хаапсалуского района были предъявлены три иска о взыскании стоимости неиспользованного мяса и кожи погибших коров. Один из этих исков был предъявлен к колхознику П., которому была передана кожа, но в пьяном виде он забыл кожу у забора и собаки ее утащили. Второй иск был предъявлен к председателю, зоотехнику и бригадиру, которых колхоз считал виновными в том, что они не организовали использование в свиноводстве мяса погибших животных. Третий иск был предъявлен против бригадира, которому было сделано распоряжение использовать в свиноводстве колхоза мясо одной коровы, зарезанной волком. Все иски были народным судом удовлетворены.

Но ущерб имуществу колхозов в области животноводства может быть причинен и иным путем. Иногда колхозу нет необходимости применять такие крайние меры, как вынужденный убой. Чаще всего животные вылечиваются, и колхоз должен затрачивать определенные средства на лечение.

Если по вине колхозника избита лошадь или ей причинены другие повреждения, то с виновного списывается два трудодня за каждый день простоя лошади. Вычет трудодней является лишь мерой дисциплинарного взыскания, и если простой лошади повлек за собой также и прямой ущерб (например расходы на лекарства), то этот ущерб подлежит возмещению.

Как указывают А. А. Рускол и Б. А. Лисковец, такой же точки зрения придерживается в своей практике Верховный суд УССР. По приведенному ими в качестве примера делу Верховный суд УССР отменил решение народного суда в части взыскания 60 трудодней или их стоимости за простой лошади, а решение народного суда в части взыскания расходов, связанных с лечением лошади, нашел правильным и оставил в силе. Против такого решения дела не возражают и авторы примера⁵⁶.

Если животные застрахованы Госстрахом, то колхоз имеет право на страховое возмещение, но это не лишает колхоз права на предъявление иска и колхознику, виновному в гибели застрахованного животного.

Постановлением от 27 декабря 1946 г. «О порядке рассмотрения дел о взыскании возмещения за ущерб с лиц, виновных

---

⁵⁶ См. А. А. Рускол и Б. А. Лисковец, Колхозное право, Москва, 1955, стр. 39—40.

в гибели застрахованных животных»⁵⁷ Пленум Верховного Суда СССР дал указание, что суды при рассмотрении исков колхозов о возмещении ущерба, причиненного гибелью застрахованных в Госстрахе животных, должны привлекать к участию в деле органы Госстраха.

На страховое возмещение колхоз имеет право в размере, указанном в страховом договоре. Если иск против колхозника предъявляется после того, когда Госстрах уже выплатил колхозу страховое возмещение, то стоимость скота, указанная в специальных постановлениях, взыскивается в пользу Госстраха, если сумма страхового возмещения является равной или более высокой, чем стоимость скота. Если же выплаченная Госстрахом сумма ниже указанной стоимости животного, то в пользу Госстраха присуждается выплаченная им колхозу сумма, а разница между стоимостью животного и этой суммой присуждается в пользу колхоза.

Предъявить иск колхознику, виновному в гибели скота, имеет право, кроме колхоза, также Госстрах. При рассмотрении исков Госстраха суды обязаны привлекать к участию в деле колхоз как заинтересованное лицо.

Установленный порядок рассмотрения дел о взыскании возмещения за ущерб с лиц, виновных в гибели застрахованных животных, применим и при рассмотрении дел о взыскании возмещения за ущерб с лиц, виновных в гибели другого застрахованного имущества колхозов.

В практике органов Госстраха и колхозов Эстонской ССР встречаются случаи, когда органы Госстраха и колхозы принципиально относятся к выяснению конкретных виновников или даже становятся на путь их защиты, изыскивая возможности уладить дело мирным путем. Так, например, в колхозе «Уус Элу» Раплаского района Эстонской ССР 10 марта 1956 г. сгорела мастерская. Размер ущерба колхоза считался 53.004,45 рублей.

Расследованием было установлено, что колхоз систематически нарушал правила пожарной безопасности, не приобрел требуемых средств противопожарной охраны, не ликвидировал имевшиеся на втором этаже над мастерской частные квартиры, вопреки неоднократным требованиям пожарной инспекции. В результате этого в одной из квартир над мастерской возник пожар от оставшейся без присмотра плиты.

Госстрах отказался выплатить колхозу страховое возмещение. После этого общее собрание колхоза приняло решение, содержащее следующий характерный пункт: «В случае, если Управление Госстраха Эстонской ССР откажется выплатить страховое возмещение, колхоз «Уус Элу» в 1956 и в последующие годы не заключит договора о добровольном страховании

⁵⁷ См. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1951 гг., Госюриздат, 1952, стр. 145.

имущества колхоза и исключит из прихода-расходной сметы сумму 19.500 рублей, предусмотренную на добровольное страхование»⁵⁸. Следует отметить, что колхоз «Уус Элу» Раплаского района является основным субъектом добровольного страхования и выполнил главную часть плана по добровольному страхованию в районе.

После такого постановления колхоза Госстрах согласился выплатить требуемую страховую сумму, несмотря на то, что совершенно очевидна была вина самого колхоза и выяснено конкретное лицо, виновное в пожаре.

Необходимо указать, что в народных судах Эстонской ССР еще редко встречаются иски колхозов против своих членов, виновных в гибели колхозного скота. Однако это не значит, что в практике колхозов не имеется случаев гибели животных⁵⁹.

Приводим для примера выписки из решений правления колхоза «Уус Элу» Раплаского района с 1 января до 1 июня 1956 г.

Решением от 2 января 1956 г. правление утвердило акты, констатирующие гибель 5 поросят, одного жеребенка, вынужденного убоя одной коровы и одного поросенка; решением от 2 февраля утверждены акты о вынужденном убое одного подсвинка; от 2 марта о вынужденном убое 4 поросят; от 2 апреля акты вынужденного убоя 2 коров; от 3 мая вынужденного убоя 2 свиней и 31 курицы; от 1 июня вынужденного убоя 2 коров, смерти одного подсвинка, 2 лошадей, 2 кур и 6 цыплят; от 30 июня акты вынужденного убоя одной коровы, смерти одного теленка, вынужденного убоя 6 поросят, смерти одной свиноматки и смерти 10 гусей⁶⁰.

Ни в одном из этих случаев правление колхоза не подняло вопроса о виновности колхозников. Следует указать, что в колхозе «Уус Элу» имеется питомник серебристых лисиц и колхоз имеет возможность пользоваться выбракованным мясом. Однако такая возможность еще не должна служить причиной распространения безответственности колхозников.

§ 3. Противоправное поведение

Лицо, причинившее ущерб имуществу колхоза, обязано его возместить только тогда, когда этот ущерб причинен его противоправным поведением. Если ущерб причинен правомерным поведением, нет оснований возлагать за это ответственность на его причинителя.

⁵⁸ Решение общего собрания колхоза «Уус Элу» Раплаского района Эстонской ССР от 15 апреля 1956 г.

⁵⁹ О таких недостатках пишет также, например, прокурор Молдавской ССР Н. Гольденберг в практике Молдавии. См. «Социалистическая законность», 1955, № 5, стр. 70.

⁶⁰ См. Книга протоколов общего собрания и правления колхоза «Уус Элу» за 1956 год.

Особенно важное значение приобретает установление факта противоправного поведения тогда, когда ущерб причинен колхозником при выполнении им трудовых функций. В связи с этим необходимо коснуться понятия трудовой дисциплины в колхозе.

Наряду со всеми экономическими и организационными мерами, направленными к дальнейшему развитию колхозного производства, огромное значение имеет отношение самих колхозников к своим уставным обязанностям, возросшая сознательность широких масс колхозников.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что в связи с переходом от социализма к коммунизму прежде всего должно исчезнуть общественное принуждение членов общества к труду. В. И. Ленин уже в свое время указывал: Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем более будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся.

Социалистической организации труда чужда недисциплинированность. Она требует, чтобы во всем процессе труда господствовал порядок, организованность, крепкая и сознательная трудовая дисциплина. Сознательная и высокая трудовая дисциплина является важнейшим средством укрепления общественного хозяйства колхозов. Еще в постановлении 3-ей сессии ЦИК СССР 6-го созыва от 30 января 1933 г. было указано, что «без установления твердой трудовой дисциплины невозможно укрепление колхозов и действительно быстрый рост благосостояния колхозников».

Укрепление трудовой дисциплины в колхозах означает прежде всего максимальное использование, с самой большой эффективностью, всей рабочей силы, означает повышение производительности труда, эффективное использование средств производства. Поэтому и уставы колхозов обязывают всех своих членов строго беречь колхозную собственность и государственные машины, работающие на полях колхозов, обязывают колхозников работать честно, точно выполнять все возлагаемые на них управлением или бригадиром работы и другие обязанности.

Большинство колхозников добросовестно трудится на колхозных полях, выполняет и перевыполняет нормы выработки и взятые на себя социалистические обязательства. Но наряду с этим у нас еще имеются колхозы, где рабочая сила используется неполностью.

Важное значение в колхозном производстве имеет предотвращение нарушений режима труда в колхозах. Прежде чем говорить о высокой дисциплине в колхозах и о мерах ее повышения, необходимо создать все условия выполнения колхозниками возложенных на них обязанностей. Важнейшим условием для достижения высокой трудовой дисциплины является

правильная и рациональная организация всего процесса производства в колхозах, в том числе и процесса труда. Правление колхоза обязано применять самые прогрессивные и соответствующие местным условиям формы организаций труда, обеспечить бригады, звенья и отдельных колхозников необходимыми средствами производства, производственными помещениями, тягловой силой и т. д. Правление колхоза обязано также организовать отпуска колхозников, открывать детские ясли с целью освобождения женщин-колхозниц от домашних работ. Бригадиры, как непосредственные руководители проведения процесса труда, обязаны своевременно выдавать колхозникам наряды на работу, вести проверку, прием и полный учет труда.

Не может быть высокой трудовой дисциплины в колхозах, в которых не созданы соответствующие условия для правильного проведения процесса труда. Нарушения трудовой дисциплины чаще бывают, безусловно, в тех колхозах, где колхозники не обеспечены требуемыми средствами производства, где колхозникам наряды выдаются несвоевременно, где учет труда не налажен, или вообще там, где проведение процесса труда организовано неудовлетворительно.

Основным недостатком в процессе организации труда, причиной слабого участия колхозников в процессе труда, особенно в слабых колхозах, является плохое руководство. Так например, автору неоднократно приходилось работать в колхозах в осенний период. В одном из колхозов Отепяского района колхозники систематически не являлись на работу до 10 часов утра по той причине, что раньше не являлся бригадир. Вечером колхозникам наряды на работы не выдавались, колхозники часто стояли в ожидании работы, каждое утро каждый колхозник искал для себя орудия производства там, куда они вечером были брошены. Целыми днями отдельные колхозники полеводческой бригады на работу не являлись. В таких условиях не может быть и речи о нарушении трудовой дисциплины колхозниками и не следует говорить о мерах принудительного характера. Прежде всего следует создать условия для нормального проведения процесса труда, и только тогда уже можно требовать от колхозников выполнения трудового режима.

Эффективнее всех мер принуждения является оплата труда колхозников в полной зависимости от результатов его труда. Кто больше работает, тот больше получает — это один из основных принципов социализма, который необходимо полностью и умело применять в колхозах.

Какое влияние оказывает материальная заинтересованность колхозников на трудовую дисциплину, показывают хотя бы следующие примеры.

Колхоз «Пионер» Раплаского района в 1954 г. впервые стал выдавать колхозникам аванс. Хотя аванс в первом году был незначительный (1,5 руб. и 1 кг зерна на трудовень), все же в

1954 году в этом колхозе каждый колхозник выработал в среднем 449 трудодней против 375 трудодней в 1953 году⁶¹. Особенно наглядным является следующий факт. В колхозе «Уус пере» того же района, где в 1955 году стали применять систему дополнительной оплаты за выполнение или перевыполнение планов урожайности и продуктивности животноводства, в 1954 году птичница Ида Рауд получила в среднем на одну несушку только 41 яйцо, а в 1955 году к 20 июня уже 93, а к 1 октября 155 яиц на одну несушку⁶².

В одном из передовых колхозов Эстонской ССР, в колхозе «Тулевик» Харьюского района в 1955 году была установлена система, по которой колхозники получали за каждый выработанный в период уборки урожая трудодень 3 кг зерна и 5 кг соломы. Результаты получились следующие. Если в 1954 году в уборочной кампании участвовали 63 колхозника, то в 1955 году уже 124⁶³. Результаты являются вполне понятными, потому что каждый пропущенный в 1955 году день «стойл» колхознику 3 кг зерна и 5 кг соломы.

Но наряду со всеми организационными и экономическими мерами для повышения трудовой дисциплины в колхозах, иногда следует применять и меры правового принуждения. Разумеется, меры принуждения следует применять лишь в качестве последнего средства и только в отношении тех колхозников, которые систематически нарушают трудовую дисциплину в колхозах.

Для правильного применения мер правового характера имеет значение понятие трудовой дисциплины и понятие ее нарушения. В нашей юридической литературе и в печати часто говорится о трудовой дисциплине, о высокой сознательной социалистической трудовой дисциплине, о необходимости поднять трудовую дисциплину, о средствах ее понятия и т. д. Но наряду с этим, в научной литературе до сего времени нет исчерпывающего определения этого понятия, не вскрыта сущность этого явления. В некоторой степени этим вопросом занимается трудовое право. Колхозное право, в компетенцию которого входят вопросы трудовой дисциплины в колхозах, этими вопросами по существу до сих пор не занималось. Так, например, П. П. Пятницкий в своей книге «Организация и дисциплина труда в колхозах»,⁶⁴ хотя и много говорит о трудовой дисциплине в колхозах, однако не делает даже попытки определить это понятие. Как же можно по существу и с пользой для практики разработать вопросы о средствах и методах поднятия трудовой дисциплины в колхозах,

⁶¹ «Sotsialistlik Põllumajandus», 1955, nr. 6, lk. 5.

⁶² См. L. Tulp, Rakendada lisatasu vastavalt majandi arengutasemele, «Sotsialistlik Põllumajandus», 1956, nr. 5.

⁶³ Материалы Института экономики АН ЭССР.

⁶⁴ См. Пятницкий, Организация и дисциплина труда в колхозах, Москва, 1955, стр. 47—62; см. также его же, Организация и дисциплина труда в колхозах, Москва, 1951, стр. 20—25.

если даже отсутствует ясность, на что именно направлены эти средства и методы?

Безусловно, исчерпывающе решить этот вопрос сразу невозможно, но тем не менее постановка его вполне оправдана.

Как известно, процесс общественного производства немалым без определенного порядка, без организации труда. Поэтому в каждом обществе установлен господствующим классом определенный порядок организации и проведения всего процесса общественного производства, в том числе и процесса труда. Этот порядок проведения процесса труда в обществе находит свое выражение в устанавливаемых господствующим классом правилах поведения участников процесса труда. В этих правилах устанавливаются как права, так и обязанности членов общества, участвующих в процессе производства. Эти правила поведения, установленные господствующим классом и санкционированные принудительной силой государства, устанавливающие определенный порядок проведения процесса труда в обществе, составляют определенный режим труда. В каждом обществе этот трудовой режим, как и все нормы права, имеет классовый характер. Он установлен господствующим классом и в интересах господствующего класса. Имеют классовый характер и те меры, которые направлены на обеспечение выполнения членами общества этих правил поведения. Так, трудовой режим в антагонистическом обществе носит главным образом принудительный характер. Он установлен в интересах господствующего класса, и его выполнение обеспечивается господствующим классом при помощи государства главным образом в принудительном порядке.

В социалистическом обществе определенный трудовой режим прежде всего установлен при участии широких масс трудящихся и исключительно в интересах трудящихся. Трудовой режим в социалистическом обществе носит характер товарищеского сотрудничества и выполняется участниками процесса труда в основном сознательно и добровольно без применения общественного принуждения.

Таким образом, трудовой режим — это совокупность правил поведения людей в процессе общественного производства. Эти правила поведения адресованы конкретным лицам или целой группе лиц. К этим правилам поведения каждый конкретный работник имеет свое индивидуальное отношение, индивидуальным является выполнение правил поведения их адресатами. Одни выполняют адресованные им правила поведения сознательнее, аккуратнее, чем другие. Только в зависимости от того, как членами общества выполняются правила поведения по труду, образуется трудовая дисциплина каждого работника в отдельности или коллектива в целом.

В нашем законодательстве, в специальной литературе, а также в повседневных разговорах принято говорить о нарушении

трудоу дисциплины. В связи с определением трудовой дисциплины справедливо возникает вопрос, правильно ли говорить о нарушении трудовой дисциплины и возможно ли вообще нарушить трудовую дисциплину. В действительности член коллектива не может нарушить самую трудовую дисциплину, а может нарушить только правила поведения, устанавливающие его права и обязанности. О нарушении трудовой дисциплины мы можем говорить только условно, имея в виду, что трудовая дисциплина — это результат поведения человека, результат выполнения им определенных, адресованных ему правил поведения. В таком смысле следует понимать и трудовую дисциплину в колхозах.

Права и обязанности колхозника определяются уставом колхоза, принятым на общем собрании колхоза и зарегистрированным в райисполкоме. Но в уставе колхоза как в основном законе колхозной жизни находят свое выражение только самые общие права и обязанности его членов, только основные принципы организации, оплаты труда и т. д. Устав колхоза не может регулировать во всех подробностях все вопросы жизни колхоза. Основным документом, устанавливающим полный порядок проведения процесса труда и другие связанные с ним вопросы, являются правила внутреннего распорядка в колхозах.

Особенно важное значение приобретают правила внутреннего распорядка в колхозах на сегодняшний день, когда колхозам дано право самим определять порядок организации труда, оплаты труда, внутреннего управления и другие вопросы. Правила внутреннего распорядка являются основным, дополняющим устав, документом.

Кроме указанных основных актов вопросы режима труда в колхозах уточняются и конкретизируются еще отдельными решениями общего собрания и других органов управления в колхозах. Все решения органов управления по распорядку труда в колхозах являются обязательными для исполнения колхозниками.

Поскольку устав колхоза и правила внутреннего распорядка вырабатываются и принимаются не органами государственной власти, а самим колхозом, и часть вопросов организации труда устанавливается отдельными решениями органов управления в колхозах, возникает вопрос, являются ли они нормами права или нет. От решения указанного вопроса зависит определение правовой природы нарушения колхозниками требований устава, правил внутреннего трудового распорядка и решений органов управления в колхозах. Если мы не имеем здесь дела с нормами права, то, следовательно, колхозник в случае нарушения этих правил поведения не может совершить нарушения права, и применяемые колхозом в случае нарушения трудового режима меры не являются мерами правового воздействия.

Вопрос о правовой природе актов органов внутриколхозного

управления давно интересует наших юристов. Однако мнения, высказанные в юридической литературе, различны. Так, например, А. М. Турубинер утверждает, что акты органов внутриколхозного управления являются источниками права⁶⁵. Наоборот, проф. И. В. Павлов в свое время пришел к выводу, что акты органов управления в колхозах являются только юридическими фактами⁶⁶.

Нам кажется, что в условиях, когда колхозам дано право самостоятельно решать целый ряд вопросов, исходя из конкретных условий и требований законов Советского государства, мы, как никогда раньше, имеем основание утверждать, что ряд актов, принятых органами внутриколхозного управления, имеют значение правовых актов. Как правильно отмечает И. В. Павлов, это не означает, что колхозы пользуются какой-то специально-правовой автономией. Принимая свой устав или решение общего собрания или правления, колхоз должен руководствоваться законами, постановлениями и другими вышестоящими законодательными актами⁶⁷. Для того, чтобы признать какой-нибудь акт правовым, требуется, чтобы он был издан органом, управомоченным на издание правовых актов. Колхозы по своей юридической природе действительно не являются компетентными издавать правовые акты. Они являются только добровольными объединениями крестьян, и их основная цель — организация сельскохозяйственного производства.

Но Советское государство имеет право передоверить решение некоторых конкретных вопросов непосредственно тем объединениям, деятельность которых касается намечаемых к изданию правовых актов, и которые не являются органами государственной власти. Таким образом Советское государство делегирует подобное право и колхозам. Об этом имеются конкретные указания в ряде правительственных актов, и яснее всего это право колхозов выражено в постановлении от 6 марта 1956 г. При этом мы видим, что Советское государство делегирует колхозам право решать не все вопросы, относящиеся к колхозному производству. Так, например, законом Верховного Совета СССР от 31 марта 1958 года «О дальнейшем развитии колхозного строя

⁶⁵ См. А. М. Турубинер, Об источниках колхозного права, «Вопросы колхозного и земельного права», Изд. Академии наук СССР, Москва, 1951, стр. 70—71.

⁶⁶ См. И. В. Павлов, О правовой природе решений органов управления в колхозах, «Советское государство и право», 1948, № 11, стр. 34; Его же, Правовые формы управления делами в колхозах, Госюриздат, Москва, 1955, стр. 111; См. также А. И. Королев, Понятие должностного лица и круг должностных лиц в колхозах, «Ученые записки» ЛГУ, серия юридич. наук, № 187, вып. 6, стр. 113.

⁶⁷ И. В. Павлов, Существенные изменения в правовом регулировании хозяйственной деятельности колхозов в СССР, «Советское государство и право», 1956, № 4, стр. 45; См. его же, Развитие правового регулирования деятельности колхозов в СССР, «Вопросы советского государства и права 1917—1957», Изд. АН СССР, Москва, 1957, стр. 342.

и реорганизации машинно-тракторных станций», проведение конкретных мероприятий возложено на Совет Министров СССР, на Советы Министров союзных республик и на Министерство сельского хозяйства. Поскольку вопрос реорганизации был вопросом государственного значения, то решение самого вопроса было оставлено в компетенции органов власти. Государство делегирует колхозам право самим решать только такие вопросы, которые имеют внутриколхозный характер. Кроме того акты органов внутриколхозного управления по важнейшим вопросам проверяются райисполкомом путем регистрации, рассмотрения и утверждения. Такой порядок вступления в силу актов органов внутриколхозного управления придает этим актам авторитет законодательного органа, и одновременно этим обеспечивается их соответствие законам.

Для признания актов правовыми требуется, чтобы они были изданы в отношении определенной группы людей. По своему характеру акты органов внутриколхозного управления относятся либо только к одному конкретному вопросу в отношении одного конкретного колхозника, или же ко всем колхозникам данного колхоза, а также ко всем остальным лицам, вступающим в правоотношения с колхозом. Акты общего характера имеют обязательную силу не только в отношении колхозников данного колхоза, но и в отношении органов государственного руководства колхозами. Так, например, после того как устав колхоза зарегистрирован в райисполкоме, последний обязан придерживаться норм устава и своими действиями обеспечивать полное проведение его в жизнь. То же самое относится и к производственно-финансовому плану колхоза и к правилам внутреннего распорядка.

Таким образом акты органов внутриколхозного управления по общим вопросам имеют требуемый для законодательного акта круг адресатов и тем самым обладают признаками норм права. Из этого следует, что мы можем считать нарушения колхозниками норм устава колхоза, правил внутреннего распорядка и иных актов общего характера нарушениями права, а также применяемые колхозом за нарушения указанных актов меры воздействия мерами правового воздействия.

Следовательно, нарушение трудовой дисциплины в колхозах выражается в неисполнении или в ненадлежащем исполнении колхозниками своих уставных обязанностей, правил трудового распорядка и других прав и обязанностей, установленных в отдельных актах органов внутриколхозного управления.

В колхозно-правовой литературе сделаны попытки классифицировать отдельные виды нарушения трудовой дисциплины в колхозах. Так, например, Б. А. Лисковец классифицирует нарушения трудовой дисциплины в колхозах следующим образом: невыход на работу без уважительных причин, опоздание на работу, самовольный уход с работы, невыполнение решений прав-

ления. По его мнению нарушение трудовой дисциплины в колхозах может заключаться только в бездействии колхозника⁶⁸.

Прежде всего следует отметить, что перечисленными видами далеко не исчерпываются нарушения трудовой дисциплины в колхозах. Кроме того, нарушения трудовой дисциплины выражаются не только в бездействии колхозников. Б. А. Лисковец и сам не заметил, что в числе приводимых им видов, например, самовольный уход с работы является уже активным действием колхозника. Можно привести и другие примеры нарушения трудовой дисциплины. Активным действием колхозника является например недоброкачественная работа, выполнение ненадлежащим образом поручения правления или бригадира и т. д. Нам представляется, что вообще классификация нарушений трудовой дисциплины в колхозах для практики ничего не дает.

Таким образом, противоправное поведение колхозника состоит прежде всего в нарушении трудового режима, установленного уставом колхоза, правилами внутреннего распорядка и иными актами органов внутриколхозного управления. Это однако не означает, чтобы названными актами были урегулированы все конкретные шаги поведения колхозника. Действие колхозника является противоправным и тогда, когда оно прямо не запрещено правилами поведения, но такое запрещение вытекает из установленных правил. Так, например, в колхозе погибла лошадь от перекорма ее зерном. В правилах внутреннего распорядка, разумеется, нет указаний о том, что колхознику запрещено перекармливать лошадей зерном. В данном случае поведение колхозника является нарушением общеизвестных правил и вместе с тем нарушением обязанности колхозника всячески беречь имущество колхоза. А. А. Рускол и Б. А. Лисковец приводят следующий пример из судебной практики. Колхозник П. работал конюхом в колхозе. В его обязанности входили уход и надзор за прикрепленными лошадьми. В ночь на 15 июля он пустил лошадей на пастбище, а сам лег в амбар спать. В ночное время одна кобыла ожегбилась, и жеребенка утащил волк⁶⁹. Поведение колхозника П. является противоправным, поскольку в его обязанности входили уход и надзор за лошадьми, но в данном случае он этой обязанности не выполнил.

Характерно также например следующее дело из практики народных судов Эстонской ССР.

Народный суд 1 участка Вильяндиского района своим решением от 7. VII. 1955 г. удовлетворил иск колхоза «Сяде» к колхознику С. в размере 3.675 руб. 50 к. Колхозник С. работал чабаном с 1953 г. В период его работы образовалась недостача

⁶⁸ См. Б. А. Лисковец, Имущественная ответственность колхозников за ущерб, причиненный колхозу нарушением трудовой дисциплины, Москва, 1954, стр. 17.

⁶⁹ См. А. Рускол — Б. Лисковец, «Социалистическая законность», 1951, № 12, стр. 53.

32 овец и 11 ягнят. Причиной было то обстоятельство, что колхозник С. на ночь не запирает дверей хлева. В данном случае народный суд правильно признал поведение колхозника противоправным. Нет необходимости в том, чтобы все действия колхозника были подробно предусмотрены правовыми нормами.

Об отсутствии противоправного действия или бездействия наглядно говорит, например, следующее дело. В колхозе «Вийсаастак» Тапаского района на основе трудового договора работал шофер С. 10 ноября 1956 года он выехал из гаража. Вначале шлагбаум был закрыт, но при подъезде к самому переезду его открыли. Машина выехала на переезд, где из-за снега стала буксовать. Шофер дал задний ход, но переднее левое колесо попало между рельсами. Приближался поезд. Дежурная по переезду никакого сигнала не дала. Шофер побежал навстречу поезду и махал руками, но поезд не остановился и наехал на машину. Машина была совершенно разбита. Произведенной экспертизой было установлено, что шофером не были нарушены правила движения при переезде железных дорог, но несмотря на это, колхоз предъявил к нему иск. Решением народного суда Тапаского района иск был оставлен без удовлетворения, так как в действиях шофера не было установлено противоправного поведения. Ущерб был причинен источником повышенной опасности, а не поведением шофера.

Противоправное поведение колхозника во время исполнения им членских обязанностей может заключаться не только в нарушении установленных колхозом правил поведения, но и в нарушении законодательных актов органов государственной власти и управления. Хотя подробный трудовой режим в колхозах устанавливается самим колхозом, все же и государственные органы принимают об организации трудового процесса обязательные для колхозов нормы, или рекомендательные нормы. Сюда относятся, например, приказы и инструкции министерства сельского хозяйства по борьбе с болезнями животных и птиц и по другим аналогичным вопросам, постановления совета министров республики по вопросам организации техники безопасности и сами правила техники безопасности и производственной санитарии в колхозах, правила противопожарной охраны и другие.

Во многих случаях эти правила адресованы руководящим органам колхоза, но вместе с тем они содержат и предписания рядовым колхозникам. Нарушение указанных предписаний также является противоправным поведением как рядового колхозника, так и должностных лиц колхоза, в зависимости от того, кому адресованы эти предписания.

Но, как уже отмечено выше, ущерб имуществу колхоза может быть причинен колхозником и вне исполнения им своих членских обязанностей. Для возложения на колхозника ответственности в таких случаях также необходимо, чтобы ущерб был причинен его противоправным поведением. Поскольку нор-

мы колхозного права регулируют только отношения колхоза со своими членами, вытекающие из членства в колхозе, и не регулируют поведения колхозника вне этих отношений, то в последнем случае для установления противоправности поведения колхозника (как и других граждан Советского Союза) следует учесть все нормы советского права и прежде всего нормы гражданского права, регулирующие ответственность граждан за причинение имущественного вреда.

§ 4. Причинная связь

Проблема причинной связи, являющаяся предметом целого ряда научных исследований, до сих пор не получила полного разрешения. Общеизвестно, что причинная связь является необходимым элементом гражданского правонарушения и основанием ответственности по советскому гражданскому праву.

Неразрешенным является вопрос о критериях причинной связи: По этому вопросу выдвинут целый ряд теорий, большинство из них криминалистами. Так, большинство авторов предлагает использовать такие категории диалектического материализма как «случайность и необходимость»⁷⁰, а криминалисты еще такие дополнительные критерии как «реальная возможность» и «действительность»⁷¹.

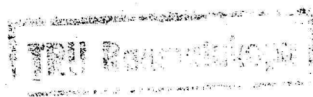
Проф. О. С. Иоффе, возражая против теории «случайной и необходимой причинной связи», предлагает в качестве критериев причинной связи исходить из «возможности и действительности»⁷², поскольку случайность и необходимость не выражают в себе различных степеней причинения. Отвергая теорию установления причинной связи путем исключения противоправного поведения и размышления о том, что произошло бы, если бы противоправное поведение отсутствовало⁷³, О. С. Иоффе предлагает установить наличие причинной связи путем выявления всех обстоятельств и путем оценки каждого из выявленных результатов. Только категории возможности и действительности позволяют отделить факты, превратившие результат из возможного в действительный, от условий, создавших лишь возможность наступления результата.

⁷⁰ См. Б. С. Антимонов, К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве, Труды научной сессии ВИЮН 1—6 июля 1946 г. Москва, 1948, стр. 79; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, Общее учение об обязательстве, Москва, 1950, стр. 308; Е. А. Флейшиц, Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения, Москва, 1951, стр. 52—69.

⁷¹ См. Уголовное право. Общая часть, 1948, стр. 304; Т. Л. Сергеева, Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам, Москва, 1950, стр. 81.

⁷² См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Ленинград, 1955, стр. 228.

⁷³ См. О. С. Иоффе, там же, стр. 220.

Поскольку решение данного общетеоретического вопроса не является задачей данной работы, ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями, имея в виду их практическое применение при разрешении колхозных гражданских дел.

Представляется, что теория не в состоянии дать конкретный рецепт о том, когда между действиями лица и наступившим результатом налицо причинная связь, требуемая для гражданско-правовой ответственности. Поэтому неуместна и сделанная в адрес О. С. Иоффе критика: будто на основании указанного автором критерия невозможно установить, имеется ли в данном конкретном случае причинная связь, или нет⁷⁴. Это вопрос практики и решается в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Теория может определить только понятия причинной связи, ее характерные черты и установить, какая степень причинной связи необходима для возложения гражданско-правовой ответственности. Теория может дать только руководящие указания, какие обстоятельства следует сравнивать для выяснения действительных причин того или другого явления.

Указанным требованиям больше всего отвечает теория проф. О. С. Иоффе, по которой причинная связь требуемой для гражданской ответственности степени налицо только тогда, когда в качестве обстоятельства, превратившего возможность в действительность, выступало неправомерное поведение человека.

Для решения конкретного дела теория О. С. Иоффе подходит более остальных. Преимущества данной теории заключаются в том, что категории возможности и действительности не требуют дополнения и уточнения в такой степени, как категория случайности и необходимости. Теория возможной и действительной причинной связи позволяет сравнивать и взвешивать разные обстоятельства, оказывающие влияние на наступление результата, оценивать роль каждого из выявленных обстоятельств, которые в своей совокупности привели к наступлению результата: она позволяет оценить в числе их и роль противоправного поведения человека, ответить на вопрос, является ли противоправное поведение человека той причиной, которая в действительности вызвала последствия, или оно только создало возможности для наступления результатов. Это и является самым ценным, поскольку ущерб является результатом не одного только противоправного поведения человека, а и последствием других обстоятельств.

Особенно сложным является установление причинной связи в делах о причинении ущерба имуществу колхозов. Ущерб в имуществе колхозов наступает в результате различных обстоятельств, в том числе и противоправного поведения человека. При рассмотрении таких дел важно выяснить роль противопра-

⁷⁴ См. П. Каминская, В. Грибанов, Рецензия на книгу О. С. Иоффе «Ответственность по советскому гражданскому праву», Ленинград, 1955, «Социалистическая законность», 1956, № 5, стр. 87.

вного поведения человека среди других обстоятельств. Если противоправное поведение человека превратило последствие из возможности в действительность, или вызвало действительность результата, то налицо имеется требуемая для материальной ответственности причинная связь. Если же противоправное поведение только сопровождалось определенными обстоятельствами, но результат был вызван другими обстоятельствами, требуемая причинная связь, конечно, отсутствует.

Проанализируем некоторые конкретные дела из судебной практики.

Конюх колхоза «Красный партизан» Алтайского района, Алтайского края Касимов во время пастьбы лошадей оставил их без присмотра и ушел домой. В результате один жеребенок попал в трясину и утонул⁷⁵. Какие здесь обстоятельства следует сравнить? Безусловно, противоправное поведение колхозника — оставление лошадей без присмотра — и попадание жеребенка в трясину. Оба эти обстоятельства являются причиной наступления результата. Но если существование трясины и попадание жеребенка в трясину только создали возможность гибели жеребенка, то противоправное поведение человека превратило эту возможность в действительность. Следовательно, причинная связь между противоправным поведением колхозника и наступившими результатами действительная, такая, которая вызывает определенное последствие.

Другой пример. Колхозники Л. Тамм и Р. Тамм работали на птицеводческой ферме в колхозе «Сяде» Эльваского района Эстонской ССР. В 1954 году, во II квартале, на ферме пропали 170 кур общей стоимостью 1.700 рублей. Как выяснилось из обстоятельств дела, колхозники одновременно работали сторожами при ферме и обязаны были организовать надзор за фермой. Из-за слабого надзора и того обстоятельства, что курятник не был огорожен забором, хищники имели свободный доступ в курятник, и стало возможным наступление вышеуказанных результатов.

Опять следует взвесить два обстоятельства — условия на ферме и противоправное бездействие колхозников. Противоправное поведение колхозников в настоящем деле не является обстоятельством, превратившим возможность в действительность, поскольку в большом колхозном курятнике, не огороженном забором, нельзя организовать такой надзор, который мог бы обеспечить сохранность всей птицы.

Из-за отсутствия причинной связи иск был оставлен без удовлетворения и народным судом первого участка Эльваского района.

Еще один пример. 6 марта 1955 г. в колхозе «Уус Элу» Пярну-Ягупиского района Эстонской ССР сгорела зерновая сушил-

⁷⁵ См. Б. Лисковец и А. Рускол, «Социалистическая законность», 1951, № 12, стр. 52

ка вместе с семенами многолетних трав. Ущерб колхоза составил 14.133, 88 руб.

Госстрах нашел, что ущерб причинен по вине колхозника Адамса, который, работая в сушилке, оставил последнюю без присмотра и ушел домой, и поэтому предъявил иск против колхозника Адамса. Народный суд 1-го участка Пярун-Ягупиского района своим решением от 1 декабря 1955 г. оставил иск без удовлетворения. Верховный суд Эстонской ССР своим определением от 24 декабря 1955 г. оставил решение народного суда в силе. В своем определении Верховный суд указал, что, по показаниям свидетелей, оставление ответчиком топившейся печи без присмотра не явилось непосредственной причиной возникновения пожара, так как в дымоходах были трещины из-за осыпавшейся глины, и таким образом сама топка печи уже была причиной возникновения пожара.

Хотя Верховный суд здесь и говорит о непосредственной причинной связи, все же видно, что Верховный суд оценил значение всех обстоятельств и принял во внимание только такие, которые явились действительными причинами наступления последствия. Бездействие человека в данном случае только создало возможность наступления результата, но действительные причины наступления результата — неисправность печи и иные обстоятельства возникновения пожара.

При установлении причинной связи между бездействием (в колхозах оно является причиной ущерба чаще, чем действие) и наступившим результатом большое значение имеет обстоятельство, обязан ли был ответчик совершить те или иные действия. Так, например, по одному из дел было установлено, что колхоз понес убытки в сумме 4.680 руб. в результате того, что колхозная лошадь зашла в огород работницы кирпичного завода Ховановой, где упала в погреб и погибла. Суд удовлетворил иск колхоза, взыскав с Ховановой 1.620 рублей, а с колхозницы Горкуновой, по вине которой лошадь была оставлена на ночь в поле — 3.240 руб. Верховный суд отменил решение, поскольку не была установлена причинная связь, и отметил, что о причинной связи между бездействием и наступившим результатом можно говорить только в том случае, если на ответчике лежала обязанность совершить те или иные действия ⁷⁶.

Колхозом имени И. Мичурина Тартуского района был предъявлен иск к председателю и 5 членам правления в размере 4.489,25 рублей, складывающихся из стоимости растасканных стройматериалов. В суде было установлено, что председатель колхоза сам лично продал строительные материалы без оформления соответствующих документов, а часть материалов присвоил. Народный суд удовлетворил иск только против председателя колхоза, указал на то, что члены правления не обязаны

⁷⁶ См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1953, № 6, стр. 1.

были, а также и не имели права оформлять соответствующие документы о продаже и об учете строительных материалов.

В заключение следует указать, что суды при рассмотрении исков о причинении ущерба имуществу колхозов должны тщательно изучать все обстоятельства дела и на основании этого выяснять, является ли противоправное поведение вызывающим последствие фактом или нет⁷⁷.

§ 5. Вина

Для возложения на колхозника материальной ответственности за причинение ущерба, кроме наличия объективных оснований (противоправность действия или бездействия и наличие действительного ущерба), должно быть налицо еще субъективное основание, т. е. вина причинителя ущерба⁷⁸. Поведение колхозника, причинившее ущерб, может быть противоправным, но не всегда еще виновным. Виновным следует признать только такое поведение причинителя ущерба имуществу колхоза, которое совершено умышленно или по неосторожности. Колхозник не должен нести материальной ответственности за ущерб, который возник независимо от его воли в результате таких действий, последствия которых он не предвидел и не мог предвидеть.

Под виной в советском гражданском праве понимается психическое отношение нарушителя социалистического гражданского правопорядка к своим противоправным действиям и их вредным последствиям в форме умысла или неосторожности⁷⁹. Характерными чертами правового понятия вины являются те обстоятельства, что мы здесь имеем дело не только с простым или обыкновенным психическим отношением человека к своим действиям, но именно с психическим отношением к своим противоправным действиям и вызываемым ими противоправным последствиям. Для того, чтобы признать действие виновным, требуется; чтобы человек ощутил противоправный характер своего поведения и имел в какой-то степени представление о его последствиях. Для признания действия виновным требуется, чтобы: 1) человек понимал естественные по-

⁷⁷ По нашему мнению, с достаточной ясностью и конкретностью рассмотрены вопросы выяснения причинной связи в преступлениях в области общественного животноводства Е. Болдыревым. Те же самые обстоятельства следует установить и при решении вопроса о причинной связи в гражданском правонарушении.

См. Е. Болдырев, Расследование преступлений в области общественного животноводства. «Социалистическая законность», 1956, № 4, стр. 52—58.

⁷⁸ См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1945, вып. V (XXI); 1947, в. VII (XI), стр. 5.

⁷⁹ См. Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Изд. Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, 1955, стр. 178; О. С. Иоффе, Обязательства по возмещению вреда, Ленинград, 1952, стр. 29.

следствия своих деяний, 2) человек понимал общественную значимость своих действий и их результата, понимал, что это наносит ущерб другим лицам.

Как отмечалось в литературе, понятие вины гражданской и вины уголовной обладают как общими, так и специфическими признаками.

Большая часть умышленно совершенных гражданских правонарушений перерастает в уголовные преступления, но умышленные гражданские правонарушения могут и не заключать в себе состава уголовного преступления. То же самое относится и к неосторожным нарушениям гражданского правопорядка. Они могут одновременно создать уголовное преступление в форме неосторожности, или только гражданское правонарушение⁸⁰.

Иногда установление факта отсутствия уголовной вины является полным основанием отрицания и гражданской вины. Так, например, проф. Г. К. Матвеев приводит пример из судебной практики, где отсутствие уголовной вины не давало суду права возложить на гражданина материальную ответственность⁸¹. Колхоз «За вторую пятилетку» Тальменского района Алтайского края направил районному прокурору материал о привлечении к уголовной ответственности колхозника Аболенцова за то, что по его вине пала колхозная лошадь. В ходе предварительного расследования было установлено, что лошадь пала вследствие несчастного случая и что вина Аболенцова в падеже лошади не установлена. Районный прокурор вынес постановление о прекращении уголовного дела за отсутствием в действиях Аболенцова состава преступления, однако предъявил в нарсуд иск о взыскании причиненного ущерба, хотя для этого не было оснований.

Анализ судебной практики показывает, что органы прокуратуры иногда обращают недостаточное внимание на связь уголовной и гражданской вины. Однако существует же ряд правонарушений, где уголовная и гражданская вина по существу совпадают и, следовательно, при установлении факта отсутствия уголовной вины не может быть и вины гражданской. Иногда органами прокуратуры прекращаются дела из-за отсутствия в действиях человека уголовной вины, и вместе с тем ясен также вопрос, что в его действиях отсутствует и гражданская вина. Но несмотря на это, или прокурор сам в порядке ст. 2 ГПК предъявляет гражданский иск в суд о взыскании материального ущерба, или же в постановлении о прекращении уголовного дела указывается, что потерпевший имеет право на взыскание ущерба в порядке гражданского судопроизводства. Анализ судебной практики показывает, что если уголовное дело прекращено за отсутствием вины и прокурором предъявлен иск в порядке ст. 2

⁸⁰ См. Г. К. Матвеев, указ. соч., стр. 188—191.

⁸¹ См. Г. К. Матвеев, указ. соч., стр. 191.

ГПК, то такие иски обычно остаются без удовлетворения также за отсутствием вины.

Если по уголовному делу установлено, что действие или бездействие является правомерным и, следовательно, нет и виновного поведения, то прежде чем предъявить иск, следует основательно подумать, имеется ли в действиях лица гражданское правонарушение.

Так, например, колхоз «Тулевик» Харьбского района Эстонской ССР предъявил иск к гражданину С. о взыскании с него 1.008 руб. за предполагаемую самовольную порубку колхозного леса. В гражданском деле имеется копия постановления прокурора о прекращении уголовного дела за отсутствием противоправности и вины в поведении гражданина С. Но в том же постановлении прокурор отмечает, что колхоз имеет право предъявить иск о взыскании ущерба, хотя предварительным следствием и было установлено, что действие гражданина С. не являлось противоправным. Решением народного суда Харьбского района от 10 мая 1957 г. иск был оставлен без удовлетворения за отсутствием гражданского правонарушения.

Безусловно, было бы неправильным сказать, что уголовная и гражданская вина во всех случаях совпадают. Изложенным мы намеревались подчеркнуть их связь и обратить внимание работников прокуратуры на необходимость предъявления только обоснованных исков в порядке ст. 2 ГПК.

Как судебная практика, так и законодательство имеют в виду неосторожность вообще, т. е. как грубую неосторожность, так и легкую неосторожность. Таким образом, при рассмотрении дел о возмещении ущерба, причиненного имуществу колхозов, степень вины значения не имеет. Уставы колхозов обязывают всех членов артели беречь и укреплять колхозную собственность, и, следовательно, колхозник должен проявлять по отношению к колхозной собственности особую бережливость и предусмотрительность.

Поскольку на практике умышленное причинение ущерба имуществу колхозов встречаются редко, для судов имеет значение определение границы между неосторожным и случайным причинением ущерба.

Важнейшим критерием для решения данного вопроса является характер и степень заботы, проявленной колхозником по отношению к колхозному имуществу при выполнении им трудовых функций. Если колхозник при выполнении своих трудовых функций в достаточной степени проявил заботливость и свои обязанности выполнил добросовестно, не зная при этом, что, несмотря на все принятые меры, все же причиняется ущерб имуществу колхоза, то такой ущерб следует признать случайным.

Предвидел ли колхозник, или должен ли он предвидеть последствия своего поведения, зависит как от субъективных, так и от объективных обстоятельств, зависит от квалификации и опы-

та колхозника, а также от условий выполняемой им работы.

На странице 54 настоящей работы мы анализировали дело по иску госстраха против члена колхоза «Уус Элу», работавшего в сушилке и оставившего ее без присмотра. Верховный суд ЭССР наряду с тем, что указал на отсутствие в деле причинной связи, указал еще и на отсутствие вины. Колхозник работал в сушилке без смены больше недели. Об этом он заявил правлению колхоза, но последний смены не организовал. Вечером колхозник заявил ответственному за сушку зерна лицу, что он устал и больше работать не в силах, и после того ушел домой. Ночью сушилка сгорела.

Верховный суд ЭССР по этому делу правильно указал, что ответчик был поставлен в такие условия, когда он из-за физической усталости больше не в силах был работать. Поэтому уход его с работы и оставление сушилки без надзора нельзя поставить в вину ответчику. Нельзя требовать от ответчика работы в сушилке бессменно в течение недели, как это имело место в данном случае.

Как мы видим, Верховный суд ЭССР в данном случае не учел того обстоятельства, что опытный колхозник, долгое время работавший на зерносушилке, должен был предвидеть результаты такого поведения, как оставление топившейся печи без присмотра, а при установлении вины принял во внимание только условия, при которых работал колхозник.

Следует отметить, что при установлении вины лица, причинившего ущерб имуществу колхоза, большое значение имеет выяснение тех обстоятельств, при которых был причинен ущерб, и установление субъективных качеств причинителя.

Но по мере того, как процесс сельскохозяйственного производства механизмуется, применяются достижения науки и передовой практики, усложняется и сам процесс производства. Внедрение механизированного производства требует от колхозника значительно больших специальных знаний, чем при проведении этого процесса ручным способом. Поэтому при определении вины колхозника следует также установить, имел ли он достаточные специальные знания для выполнения доверенного ему задания или нет.

Глава II

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЛЕНОВ КОЛХОЗА ЗА ПРИЧИНЕНИЕ УЩЕРБА ИМУЩЕСТВУ КОЛХОЗА

§ 1. Материальная ответственность членов колхоза по нормам гражданского кодекса

Ущерб имуществу колхоза, причиненный его членом, может быть связан с различными обстоятельствами. Так, например, колхозник может повредить имущество колхоза в связи с выполнением им трудовых обязанностей, нарушением договора, заключенного с ним на хранение колхозного имущества, ущерб колхозником может быть причинен имуществу, переданному ему на основе устава сельскохозяйственной артели, и наконец ущерб имуществу колхоза может быть причинен на деликтных основаниях (самовольное использование колхозного имущества). Возникает вопрос, по каким нормам права колхозник несет ответственность за тот или другой вид причиненного ущерба.

Б. А. Лисковец отмечает, что «гражданско-правовая ответственность колхозников за вред, причиненный ими имуществу колхозов, может возникнуть из трех оснований: 1) из нарушения договорных обязательств колхозника по отношению к колхозу; 2) из невыполнения им его членских обязанностей; 3) из правонарушения»⁸². Такие же основания гражданско-правовой ответственности колхозников за вред, причиненный имуществу колхозов, перечисляет и проф. Д. М. Генкин⁸³.

Одним из видов материальной ответственности членов колхоза, установленной и впредь должной быть установленной нормами гражданского кодекса, является ответственность по нормам договорного права.

Договорные отношения между колхозом и колхозниками существуют в тех случаях, когда эти отношения не связаны с выполнением колхозником своих членских обязанностей, когда эти отношения выходят за рамки устава колхоза. Так, например,

⁸² Б. А. Лисковец, Возмещение вреда, причиненного имуществу колхоза, Москва, 1948, стр. 9.

⁸³ См. Д. М. Генкин, Судебная практика по гражданским делам в период войны, Москва, 1943, стр. 2.

специальные договорные отношения между колхозом и колхозником имеются в случаях заключения договора о контрактации молодняка, купли-продажи колхозником коровы, в случаях, когда между колхозом и колхозником заключен договор о хранении колхозного имущества и т. д. Во всех этих случаях мы не имеем дела с выполнением колхозником своих членских обязанностей, а налицо только гражданско-правовые договорные отношения.

Только за причинение ущерба путем нарушения взятых на себя вышеуказанных договорных обязательств колхозник должен нести ответственность на основании ст. 117—122 ГК и статей, регулирующих соответствующий договор. Во всех остальных случаях ответственность колхозника должна являться внедоговорной.

Правильность данного положения подтверждается ссылкой Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам» на статьи 410 и 411 ГК. Это также говорит за то, что Пленум Верховного суда СССР рассматривает вред, причиненный имуществу колхоза при выполнении колхозником своих трудовых обязанностей, как вред, причиненный вне договорных отношений.

В последнее время в юридической литературе вопрос о разграничении договорной и внедоговорной ответственности колхозника решен таким образом, что договорную ответственность считают наступившей тогда, когда имущество было передано колхознику на основе договора. В остальных случаях причинения вреда имуществу колхоза предлагается применять ст. 403—415 ГК⁸⁴.

Этот общий принцип дополняется В. Т. Смирновым, указывающим, что «обязанность по возмещению вреда на основе норм договорной ответственности наступает за неисполнение наличного между сторонами обязательства независимо от того, основана ли ответственность на договоре или нет»⁸⁵. Договорная ответственность квалифицируется автором по ст. ст. 117—122 ГК РСФСР. Подобное мнение не совсем точно. Ст. 107—129 ГК не есть нормы, регулирующие не только договорные отношения; это общие нормы обязательственного права, применяемые к договорным отношениям, а также гражданско-право-

---

⁸⁴ См. А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, М.—Л., 1954, стр. 86; А. А. Рускол и Б. А. Лисковец, Колхозное право, Москва, 1955, стр. 33; А. А. Рускол, Судебное рассмотрение имущественных споров колхозов, Москва, 1949, стр. 43; О. С. Иоффе, Обязательства из причинения вреда, Ленинград, 1955 г.; С. Н. Братусь, «Советское государство и право», 1956, № 1, стр. 139.

⁸⁵ См. В. Т. Смирнов, Гражданская ответственность за гибель колхозного скота, «Очерки по гражданскому праву», Ленинград, 1957, стр. 176—177.

вым обязательственным отношениям, возникшим из других оснований. Так, например, народный суд Тартуского района при рассмотрении иска колхоза им. А. Жданова Тартуского района к члену колхоза о взыскании 5.338,93 руб. применил ст. 107 ГК по тем мотивам, что ответчик, работая в колхозе шофером и одновременно снабженцем, взяв из колхозной кассы аванс в сумме 5.338,93 руб., обязан был передать соответствующие товары, или вернуть колхозу взятые деньги. В данном случае между сторонами нет гражданско-правового договора, но суд обосновал квалификацию фактом существования между колхозом и его членом специальных обязательств.

На практике возникает вопрос: когда же имущество колхоза считается переданным колхознику по договору?

Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 13 мая 1943 г. «О мерах по увеличению поголовья и повышению продуктивности скота в колхозах и совхозах» и последующими постановлениями партии и правительства установлено, что сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот закрепляются за бригадой и передаются бригадиру по акту, а в рамках бригады сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот закрепляются за отдельными колхозниками. Эти предписания уточняются в правилах внутреннего распорядка в колхозах. Следует ли такую передачу считать передачей по договору? Нам кажется, что нет. Установленный порядок закрепления имущества за конкретными колхозниками является средством организации труда в колхозах, обеспечивающим правильное использование колхозного имущества, ликвидирующим обезличку и безответственность в процессе производства. Здесь между колхозом и колхозником не возникает никаких гражданско-правовых договорных отношений, а образуются только внутриколхозные правоотношения по поводу организации труда и использования колхозного имущества.

Имущество следует считать переданным колхознику по договору только в тех случаях, когда такая передача служит не цели выполнения колхозником своих членских обязанностей, а выполнения каких-то специальных, установленных договором обязанностей.

Трудовые отношения, связанные с использованием средств производства, возникают также в государственных учреждениях и на предприятиях. Известны попытки считать материальную ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный учреждению или предприятию, одной из разновидностей гражданско-правовой договорной ответственности⁸⁶. Однако такие

---

⁸⁶ См. А. В. Дозорцев, Имущественная ответственность военнослужащих за ущерб, причиненный войсковой части, «Труды Военно-юридической академии», вып. IX, 1949, стр. 84—88.

предложения в литературе по трудовому праву были решительно отвергнуты⁸⁷.

На такой же позиции стоит и Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении 10 июня 1943 г., где говорится о неправильном применении ст. ст. 403—415 ГК при разрешении споров об убытках, причиненных работниками нанимателям при исполнении служебных обязанностей.

Однако, если Пленум в постановлении от 10 июня 1943 г., имея в виду разрешение споров об убытках, причиненных рабочими и служащими нанимателю, ссылается на специальные правовые нормы (ст. ст. 81¹ — 83⁶ КЗОТ), то в постановлении от 5 мая 1950 г., а также в постановлении от 26 марта 1960 г. в отношении разрешения споров об убытках, причиненных имуществу колхоза, Пленум уже ссылается на нормы гражданского кодекса (ст. 403—415 ГК).

По нормам гражданского кодекса члены колхоза должны нести ответственность и в случаях причинения ущерба имуществу колхоза на деликтных основаниях (ст. 403 и след. ГК). Ответственность по ст. 403 ГК наступает тогда, когда ущерб имуществу колхоза причинен членом колхоза вне исполнения им членских обязанностей и вне всяких договорных отношений между ними и колхозом.

Например, колхозник в своих личных интересах самовольно, без ведома бригадира, конюха или какого-нибудь другого должностного лица, взял лошадь или инвентарь из колхоза. В этом случае колхозник не использует имущество для выполнения в колхозе каких-либо трудовых обязанностей, и если он причинит ущерб самовольно взятому имуществу колхоза, то налицо имеется правонарушение, предусмотренное ст. 403 ГК. Возможны и иные случаи причинения ущерба вне исполнения трудовых обязанностей. Например, колхозница Воронова выпустила свою корову на улицу, оставив ее без всякого присмотра. Корова подошла к конному двору, где находились жеребята. Конюх Волохов заметил, что корова Вороновой рогами бодает жеребят; он отогнал корову и предупредил Воронову, чтобы она загнала корову к себе во двор. Воронова не обратила внимания на предупреждение Волохова, и корова осталась на улице. Через некоторое время корова вновь подошла к жеребятам и рогами нанесла одному жеребенку рану, повлекшую за собой гибель жеребенка⁸⁸.

В приведенном примере ущерб имуществу колхоза также

⁸⁷ См. Г. С. Ривин, Материальная ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию. Методические материалы Всесоюзного Юридического Института, вып. 2, Москва, 1948, стр. 15; С. С. Каринский, Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву, Москва, 1955, стр. 37.

⁸⁸ См. А. Рускол и Б. Лисковец, «Социалистическая законность», 1951, № 12, стр. 52.

был причинен вне всякой связи с работой в колхозе, причинен правонарушением.

Ответственность колхозников за причинение ущерба колхозному имуществу вне исполнения ими трудовых обязанностей не должна отличаться от ответственности других лиц за причинение ущерба правонарушением. За такое причинение ущерба колхозник должен нести ответственность по ст. 403 ГК.

Таким образом, имущественная ответственность колхозников по нормам гражданского кодекса о договорной ответственности наступает: когда имущество колхоза передано колхознику для специальных, установленных договором целей, и по общим нормам обязательственного права, когда вред имуществу колхоза причинен путем невыполнения иных существующих между колхозом и колхозником обязательств, не являющихся договорными отношениями.

Внедоговорная ответственность колхозника по нормам гражданского кодекса наступает тогда, когда вред причинен колхозником на деликтных основаниях и до причинения ущерба между колхозом и колхозником не существовало никаких отношений, связанных с причинением ущерба.

Представляется, что нет необходимости устанавливать специальные нормы, регулирующие ответственность колхозников за ущерб, причиненный в связи с договорными отношениями. Колхозы, как юридические лица, имеют право вступать в различные договорные отношения как со своими членами, так и с другими юридическими и физическими лицами. Вопросы ответственности за нарушение этих договоров предусмотрены или в самом договоре, или они достаточно урегулированы нормами гражданского права. Колхозы, как юридические лица, ничем не отличаются от других юридических лиц, их правоспособность, как и у других юридических лиц, отражена в уставе. Поэтому нет оснований выделять колхозы в особую группу юридических лиц и устанавливать особые нормы, регулирующие их договорные отношения.

Также, как нам кажется, нет оснований устанавливать специальные нормы, регулирующие материальную ответственность колхозников за ущерб, причиненный имуществу колхоза на деликтных основаниях. Действия норм гражданского кодекса о деликтной ответственности должны одинаково распространяться на все правонарушения, независимо от места работы причинителя вреда или вида собственности, которой причинен ущерб.

§ 2. Материальная ответственность членов колхоза по специальным нормам права

На наш взгляд в дальнейшем нормы гражданского кодекса не должны распространяться на случаи причинения ущерба имуществу колхоза его членом при исполнении им трудовых функций или, другими словами, в трудовом процессе.

Характер ответственности членов колхоза за ущерб, причиненный в трудовом процессе, представляет определенный интерес и настоящее время, когда ответственность следует по нормам гражданского кодекса.

Согласно указанию Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда»⁸⁹ правила ст. ст. 403—415 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик должны применяться судами лишь в тех случаях, когда взыскивается возмещение за вред, возникший вне договорных отношений. Если же причиненный истцу вред возник вследствие неисполнения обязательства, принятого на себя ответчиком по договору или возложенного на него в силу закона, то ответственность за вред должна определяться в соответствии с условиями договора, существующего между сторонами (ст. ст. 117—122 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик), или правилами того закона, который регулирует данное правоотношение.

Поскольку колхоз является добровольным объединением крестьян, где его члены на основе устава, имеющего силу закона, имеют определенные права и обязанности и колхоз, как юридическое лицо, находится в правоотношениях со своими членами, возникает вопрос, не является ли ответственность членов колхоза перед колхозом за ущерб, причиненный в процессе труда, договорной ответственностью?

К такому выводу и пришли некоторые теоретики, считая, что члены колхоза всегда находятся со своими колхозами в договорных отношениях. Так, например, С. С. Каринский утверждает, что ущерб, причиненный колхозником имуществу колхоза в процессе работы, никак не может считаться причиненным вне зависимости от предшествующих правоотношений и судебная практика, применяющая в таких случаях ст. 403 ГК РСФСР, идет по неправильному пути.⁹⁰

Проф. Д. М. Генкин и Е. А. Флейшиц также защищают

⁸⁹ См. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1951 гг. Госюриздат, 1952, стр. 137.

⁹⁰ См. Выступление С. С. Каринского на заседании Ученого Совета Всесоюзного Института юридических наук, «Советское государство и право» 1956, № 1, стр. 139.

точку зрения, согласно которой колхозники отвечают за ущерб, причиненный ненадлежащим исполнением своих членских обязанностей, на основе ст. ст. 115—119 ГК, а на основе ст. 403 ГК только в случаях правонарушения.⁹¹ Критикуя точку зрения авторов, считающих материальную ответственность колхозников за причинение ущерба имуществу колхоза ответственностью за правонарушение, И. А. Коэткина пишет, что если в силу неполноты специального законодательства и возможно применение к этим отношениям норм гражданского кодекса, то более верно применять те гражданско-правовые нормы, которые предусматривают ответственность за ущерб, возникший в результате нарушения существующих между сторонами обязательств.⁹²

Г. Н. Полянская, приводя точку зрения Д. М. Генкина, правильно указывает, что если встать на эту позицию, то колхозник должен быть освобожден от ответственности за ущерб, если он докажет, что невозможность исполнения им своих обязательств перед колхозом обусловлена обстоятельствами, которые он не мог предотвратить (ст. 118 ГК), и что предъявление к колхознику иска в порядке ст. ст. 117—117 ГК облегчает его положение по сравнению с положением ответчика по ст. 403 ГК, но своего окончательного мнения она не высказывает.⁹³

По нашему мнению, со вступлением в колхоз и выполнением колхозником в колхозе своих уставных обязанностей между ним и колхозом возникают правоотношения, но эти отношения не являются договорными. Отношения между колхозом и колхозниками являются отношениями члена с юридическим лицом-добровольным объединением, и отождествлять их с гражданско-правовыми договорными отношениями по нашему мнению неправильно. Устав колхоза нельзя рассматривать как договор, заключенный колхозом со всеми его членами.

Гражданско-правовой договор устанавливает между сторонами ограниченные сроком конкретные правоотношения по поводу одного конкретного обязательства. Устав же сельскохозяйственной артели является уставом колхоза как юридического лица, им устанавливаются цели и задачи колхоза, его правоспособность, им регулируется вся деятельность колхоза, целый комплекс однородных общественных отношений в процессе колхозного производства.

Права О. А. Кичатова, утверждая, что уставом регулируют-

⁹¹ См. Д. М. Генкин и др., Судебная практика по гражданским делам в период войны, Москва, 1943, стр. 9; Е. А. Флейшиц, Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения, Москва, 1951, стр. 181.

⁹² См. И. А. Коэткина, Материальная ответственность должностных лиц колхоза, Москва, 1957, стр. 18.

⁹³ См. Советское право в период Великой Отечественной войны, под ред. И. П. Голякова, Москва, 1948, стр. 253 (автор соответствующей главы Г. Н. Полянская).

ся не только отношения, основанные на членстве в колхозе, но и вся деятельность колхоза. Договором же регулируются лишь конкретные отношения между сторонами.⁹⁴

Б. А. Лисковец, например, считает даже такие отношения внутриколхозными, как отношения колхоза с колхозниками в связи с продажей колхозной продукции на рынке. По его мнению продажу колхозной продукции колхозник производит не в силу гражданско-правовой сделки, а в силу того, что он, как член колхоза, выполняет поручение правления артели.⁹⁵

Прав В. Т. Смирнов, говоря, что наличие отношений членства между колхозниками в артели, определяя их права и обязанности, возникающие именно из членства, не влияет на характер основания имущественной ответственности колхозника перед колхозом за причиненный ущерб, за исключением случаев, когда она установлена специальным законом.⁹⁶

По нашему мнению такое решение вопроса является правильным. Если все вышеуказанные отношения рассматривать как отношения договорные, то невозможно выделить в особую группу те, где в действительности между колхозом и колхозниками существуют договорные отношения.

Если отрицать договорный характер членских отношений в колхозах, а также договорный характер ответственности членов колхоза за ущерб, причиненный имуществу колхоза в трудовом процессе, то возникает вопрос, не является ли в настоящее время и не должна ли эта ответственность в будущем законодательстве признаваться гражданско-правовой деликтной ответственностью.

Нам представляется, что ответственность колхозников за ущерб, причиненный имуществу колхоза при выполнении ими трудовых обязанностей, не является и не должна являться гражданско-правовой деликтной ответственностью. На такой же позиции стоит Б. А. Лисковец, а также И. А. Коэткина. Они правильно утверждают, что ответственность колхозников за ущерб, причиненный колхозу невыполнением или ненадлежащим исполнением членских обязанностей, нельзя отнести ни к договорной, ни к внедоговорной ответственности. Это ответственность особого рода.⁹⁷ Судебная практика вынуждена применять в этих случаях нормы гражданского права потому, что

---

⁹⁴ См. О. А. Кичатова, Особенности материальной ответственности за ущерб, причиненный правонарушением, по действующему колхозному праву, «Ученые записки ЛГУ», серия юрид. наук, № 187, стр. 133.

⁹⁵ См. Б. А. Лисковец, Правовое регулирование колхозной торговли, «Советское государство и право», 1956, № 2, стр. 86.

⁹⁶ См. В. Т. Смирнов, Гражданская ответственность за гибель колхозного скота, «Очерки по гражданскому праву», Ленинград, 1957, стр. 178.

⁹⁷ См. Б. А. Лисковец, Правовое регулирование колхозной торговли, «Советское государство и право», 1956, № 2, стр. 87; И. А. Коэткина, Материальная ответственность должностных лиц колхоза, Москва, 1957, стр. 18.

отсутствуют специальные нормы, регулирующие ответственность колхозников за ущерб, причиненный имуществу колхоза при выполнении ими своих трудовых обязанностей.

Положение колхозников, причинивших ущерб имуществу колхоза в процессе производства, отличается от положения причинителя ущерба по ст. 403 ГК. Прежде всего следует иметь в виду, что колхоз является добровольным объединением самих крестьян. Колхоз находится в правоотношении со всеми своими членами. Колхозная собственность является кооперативно-групповой собственностью, и в создании ее и увеличении участвуют все колхозники. В лице общего собрания колхозники являются также распорядителями этой собственности. От состояния колхозной собственности зависят и доходы самих колхозников. Колхозники гораздо больше заинтересованы в сохранении и увеличении колхозной собственности, чем посторонние лица, потому что всякое уменьшение колхозной собственности влияет на доходы колхозника.

В результате всего этого причинение колхозником ущерба имуществу колхоза в процессе колхозного производства имеет больше сходства с ответственностью рабочих и служащих на государственных предприятиях, чем с ответственностью на основе ст. 403 ГК.

По нашему мнению С. С. Каринский прав, когда он аргументирует существование ответственности рабочих и служащих как самостоятельного института трудового права тем, что при наличии трудовых правоотношений имущество, которому может быть причинен ущерб, как правило, поступает в ведение или распоряжение причинителя ущерба (то-есть рабочего или служащего) с ведома и согласия потерпевшего (то-есть предприятия или учреждения, в котором он работает).⁹⁸

Эти же самые положения, хотя и с некоторыми особенностями, применимы и к колхозникам. В случаях причинения ущерба в процессе производства имущество колхоза также поступает в ведение колхозника с ведома колхоза.

В постановлении Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах»⁹⁹ прямо указывается, что рабочий скот, сельскохозяйственные машины, транспортные средства и необходимые постройки закрепляются за полеводческими бригадами, а в рамках бригады рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь закрепляются за колхозниками. Колхозники, за которыми закреплены рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь, являются единственными и полноправными их пользователями в трудовом процессе,

⁹⁸ См. С. С. Каринский, Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву, Москва, 1955, стр. 41.

⁹⁹ См. Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников, т. II, Москва, 1948, стр. 202.

и постановление даже запрещает передавать лошадь другому колхознику без ведома бригадира или распоряжения правления.

Если ответственность по ст. 403 ГК характеризуется именно тем, что там стороны являются связанными между собою правами и обязанностями лишь с момента причинения вреда,¹⁰⁰ то здесь стороны связаны между собою правами и обязанностями уже раньше, т. е. до момента причинения ущерба. Это обстоятельство говорит за то, что неправильно применять в этих случаях при причинении ущерба ст. 403 ГК.

Кроме того, при пользовании колхозниками имуществом колхозов в процессе производства в некоторой степени следует учесть и хозяйственный риск. Ни одно средство и орудие производства не является вечным, и поломка лопаты в руках колхозника в процессе труда иногда является вполне закономерным явлением, так что нет никаких оснований налагать за это ответственность на колхозника. Кроме всего этого следует указать, что процесс колхозного производства имеет свои особенности. Использование средств производства в колхозном производстве связано с природными условиями. Во многих случаях повреждение имущества колхоза зависит не только от поведения колхозника, но и от других обстоятельств, не зависящих от воли людей (например, поломка телеги в условиях плохой дороги).

По нашему мнению все эти обстоятельства должны найти отражение при определении материальной ответственности колхозников.

Учитывая все эти обстоятельства, наше законодательство и пошло по пути выработки специальных норм, регулирующих ответственность колхозников за ущерб, причиненный в процессе колхозного производства.¹⁰¹ Однако в настоящее время нормы, регулирующие материальную ответственность колхозников, содержатся в различных законодательных актах и, кроме того, специальными нормами урегулированы далеко не все вопросы материальной ответственности колхозников. Поэтому судебная практика вынуждена прибегать к нормам граждан-

¹⁰⁰ См. Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, изд. Киевского гос. университета им. Т. Г. Шевченко, 1955, стр. 44.

¹⁰¹ Мы имеем здесь в виду ст. 17 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 г., Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая, 1943 г. «О мерах по увеличению поголовья лошадей, улучшению за ними ухода и содержания в колхозах и совхозах» (п. 22 и 23), Постановление СМ СССР от 19 апреля 1948 г. «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» (п. 28 «з»), Постановление СНК СССР от 9 января 1944 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам», Постановление Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам», а также Постановление Пленума Верховного суда СССР от 26 марта 1960 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам» (п. 8).

ского права. Одновременное применение как специальных норм, так и норм гражданского права вызывает в этих вопросах путаницу. Нет также ясности, в каких случаях и за какой ущерб вообще должен отвечать колхозник, когда он несет ответственность на основе специальных норм права, а когда на основе ст. 403 ГК и т. д. Нет ясности и в вопросе о размере ущерба, а некоторые вопросы, возникающие на практике, совершенно не урегулированы законодательством.

Кроме случаев передачи колхозного имущества колхознику для выполнения трудовых обязанностей в колхозе, оно может быть передано колхознику и для обслуживания его личных интересов. Так, на основе устава правление колхоза может выделить лошадь и некоторое другое имущество колхоза как для обслуживания личных нужд отдельных членов колхоза, так и для удовлетворения бытовых и культурных потребностей колхозного двора в целом. Как указывается в разъяснении Народного Комиссариата земледелия СССР от 8 мая 1935 г., для обслуживания личных нужд колхозников (для обработки приусадебного участка, для поездки на рынок и т. д.) лошадь выделяется за плату, а в остальных случаях (для поездки в больницу) бесплатно.¹⁰² Хотя в уставах конкретных колхозов это положение применяется в зависимости от местных условий, все же во всех уставах колхозов мы встречаем два вида выделения лошадей и инвентаря для обслуживания личных нужд колхозников и колхозных дворов — платное и бесплатное.

А. А. Рускол, Б. А. Лисковец¹⁰³ и О. А. Кичатова¹⁰⁴ различают случаи, когда имущество передается колхознику в целях удовлетворения только его личных интересов, от тех, когда имущество передается с целью удовлетворения интересов колхозного двора в целом. В первом случае авторы предлагают установить ответственность только конкретного виновного колхозника, во втором случае — колхозного двора в целом.

На основе анализа судебной практики Б. А. Лисковец приходит к выводу, что по делам о возмещении вреда, причиненного колхозниками колхозному имуществу, предоставленному для удовлетворения личных нужд, следует применять, и судебная практика действительно применяет, нормы гражданского права, регулирующие внедоговорную ответственность (ст. 403—415 ГК).

К противоположному выводу приходит Д. М. Генкин. Он утверждает, что члены кооперативных организаций, получив-

¹⁰² См. Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников, т. II, Москва, 1948, стр. 176.

¹⁰³ См. А. А. Рускол и Б. А. Лисковец, Колхозное право, Москва, 1955, стр. 40; Б. А. Лисковец, Возмещение вреда, причиненного имуществу колхоза, Москва, 1948, стр. 26.

¹⁰⁴ См. О. А. Кичатова, Указ. произв., стр. 141—142.

¹⁰⁵ См. Б. А. Лисковец, Возмещение вреда, причиненного имуществу колхоза, Москва, 1948, стр. 26

ших скот от своей организации во временное пользование (лошадь для поездки и т. д.), отвечают за ущерб от пропажи, гибели или повреждения скота на основании договора аренды при платном пользовании или договора ссуды при бесплатном пользовании.¹⁰⁶

К такому выводу проф. Генкин приходит потому, что он допускает ответственность на основании ст. 403 ГК только тогда, когда ущерб причинен колхозником вне всяких отношений его с колхозом. Вред, причиненный в связи с членскими отношениями, по его мнению всегда является договорным. Эти договорные членские отношения по мнению Д. М. Генкина существуют между колхозом и колхозником и при получении последним скота или инвентаря из колхоза.

В. Т. Смирнов также приходит к выводу, что повреждение или гибель по вине колхозника лошади, переданной ему в пользование колхозом, должны рассматриваться на основании норм о договорной ответственности, поскольку это связано с неисполнением колхозником конкретного обязательства перед колхозом.¹⁰⁷

Но, как мы уже раньше показали, членские отношения в колхозе не являются договорными отношениями. Поэтому, хотя отношения колхоза с колхозниками при получении последними рабочего скота или инвентаря и являются членскими отношениями, они столь же мало договорные, сколь и остальные членские отношения. Поэтому квалифицировать отношения колхоза с колхозником по поводу использования инвентаря как договорные отношения по мотивам, что все членские отношения в колхозе имеют договорный характер, на наш взгляд является неправильным подходом к вопросу.

Нельзя также согласиться с выводами Б. А. Лисковца, что ответственность колхозника за повреждение или гибель скота, полученного им от колхоза, является ответственностью на основе ст. 403 ГК.

На наш взгляд отношения между колхозом и колхозником по поводу использования инвентаря следует в дальнейшем квалифицировать по общим нормам обязательного права (ст. ст. 107—129). Ущерб имуществу колхоза в данном случае причиняется колхозником не в процессе колхозного производства, а вне его и выражается в ненадлежащем исполнении взятого на себя обязательства. Рабочие и служащие на государственных предприятиях в подобных случаях также несут ответственность не по нормам трудового, но гражданского права.

Таким образом мы приходим к выводу, что материальная ответственность колхозов за ущерб, причиненный в процессе кол-

¹⁰⁶ См. Д. М. Генкин, Судебная практика по гражданским делам в период войны, Москва, 1943, стр. 9.

¹⁰⁷ См. В. Т. Смирнов, Гражданская ответственность за гибель колхозного скота, «Очерки по гражданскому праву», Ленинград, 1957, стр. 179.

хозного производства, должна отличаться от гражданско-правовой ответственности по ст. 403 ГК РСФСР, и ее необходимо урегулировать специальным законодательным актом.

Теоретикам надлежит поднять вопрос о необходимости выработки специального акта, регулирующего материальную ответственность колхозников. Только А. В. Венедиктов¹⁰⁸ в порядке постановления вопроса указывал на три возможности урегулирования материальной ответственности колхозников: 1) в Примерном уставе сельскохозяйственной артели, 2) путем издания специального законодательного акта, 3) нормами гражданского права. Однако проф. А. В. Венедиктов не дал окончательного ответа на поставленный им вопрос. Вопрос издания специального законодательного акта о материальной ответственности колхозников в последнее время поднимается все чаще и чаще¹⁰⁹.

Как же должен быть решен этот вопрос? Нам кажется, что урегулировать все вопросы материальной ответственности колхозников в Примерном уставе сельскохозяйственной артели на данном этапе и при данном порядке выработки и принятия конкретных уставов колхоза невозможно и нецелесообразно.

Постановлением Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели»¹¹⁰ колхозам дано право самим дополнить отдельные положения своего устава при его принятии. В настоящее время уставы колхоза отражают только самые общие, одинаковые для всех колхозов положения колхозного строительства и в большей своей части они являются уставами конкретного колхоза как юридического лица, отражая его особенности и местные условия. Ответственность колхозников за ущерб не должна находиться в зависимости от местных условий, а в интересах социалистической законности она должна быть одинаковой для всех колхозов и колхозников. Поэтому колхозы сами являются некомпетентными и не в силах установить нормы, регулирующие материальную ответственность колхозников. Были колхозы, которые, во исполнение постановления от 6 марта 1956 г., вносили в свои уставы дополнения, согласно которым правление колхоза удерживает с колхозников причиненный ими ущерб.

¹⁰⁸ См. А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, М.-Л., 1954, стр. 208; свое мнение по этому вопросу высказала и О. А. Кичатова. Она находит, что по специальным нормам колхозного права следует регламентировать не только ответственность колхозников за ущерб, причиненный повреждением или гибелью скота, но и повреждением другого имущества. См. ее же, стр. 134.

¹⁰⁹ См. И. Ф. Панкратов, Некоторые вопросы кодификации законодательства об ответственности колхозников, «Вопросы кодификации законодательства о колхозах», М., 1959, стр. 113.

¹¹⁰ См. «Правда» от 10 марта 1956 г.

Правильно отмечают Б. Лисковец и А. Рускол, что установление условий, требуемых для взыскания ущерба при споре, возложено только на суд¹¹¹.

Кроме того, материальная ответственность колхозников должна быть установлена и выработана с учетом всех тонкостей законодательства, и нецелесообразно это делать ни в примерном, ни в конкретном уставе колхоза, уставы колхозов призваны регулировать прежде всего хозяйственную деятельность колхоза, внутриколхозные отношения, а не общие вопросы, являющиеся объектом специального законодательства.

Не особенно много даст включение в Примерный устав сельскохозяйственной артели основных, общих для всех колхозов положений, регулирующих материальную ответственность как рядовых колхозников, так и должностных лиц, за ущерб, причиненный ими при исполнении своих трудовых обязанностей, и более подробно урегулирование этих вопросов в специальном правительственном постановлении¹¹². Специальный правительственный акт должен также содержать общие для всех колхозников положения, иначе он не будет отвечать требованиям законодательного акта. Включение в Примерный устав только самых общих положений при практическом применении может внести неясность.

Мы считаем целесообразным все вопросы материальной ответственности колхозников урегулировать специальным республиканским колхозно-правовым законодательным актом. В этом акте следовало бы урегулировать не только материальную, но и дисциплинарную ответственность колхозников. Эти два вида ответственности тесно связаны между собою, и поэтому вопрос требует комплексного решения. Кроме того, как мы увидим в дальнейшем, многие вопросы дисциплинарной ответственности колхозников также требуют законодательной регламентации и притом не в порядке конкретизации устава и правил внутреннего распорядка колхозов, а путем издания специального республиканского колхозно-правового законодательного акта.

В этом законодательном акте из вопросов материальной ответственности следовало бы: установить основания этой ответственности, размеры ответственности, правила установления размера ущерба, различные вопросы дисциплинарной ответственности, особенности материальной ответственности должно-

---

¹¹¹ См. А. Рускол, Б. Лисковец, Новое в судебной практике по гражданским колхозным делам, «Социалистическая законность», 1957, № 3, стр. 10—11; см. также В. Б. Лосев, Практика внесения дополнений и изменений в уставы сельскохозяйственных артелей в колхозах Краснодарского края, «Советское государство и право», 1957, № 3, стр. 110.

¹¹² См. И. Ф. Панкратов, Некоторые вопросы кодификации законодательства об ответственности колхозников, «Вопросы кодификации законодательства о колхозах», Москва, 1959, стр. 113—114.

стных лиц колхоза и несовершеннолетних, порядок взыскания ущерба и другие.

Часть этих вопросов нами уже рассмотрена, а на остальных остановимся в следующих разделах нашей работы.

§ 3. Материальная ответственность должностных лиц колхоза за причинение ущерба имуществу колхоза

Вопрос материальной ответственности должностных лиц колхоза за причинение ущерба имуществу колхоза по своему существу является более сложным, чем вопрос о материальной ответственности рядовых колхозников. Сложность вопроса заключается в том, что должностные лица, являясь членами колхоза, одновременно несут ответственность как члены колхоза и как должностные лица¹¹³.

Должностные лица могут причинить ущерб имуществу колхозов непосредственно, как например порчей и уничтожением колхозного имущества. Такое причинение ущерба особых вопросов не вызывает. Но кроме того, должностные лица могут причинить ущерб имуществу колхозов и своими организационными действиями. Здесь и возникает вопрос, в каких случаях должностные лица колхоза обязаны нести материальную ответственность за ущерб, причиненный имуществу колхозов различными организационными действиями или, наоборот, невыполнением своих организационных функций.

Здесь мы прежде всего сталкиваемся с понятием о должностном лице в колхозах. Определение понятия должностного лица не является прямой задачей данной работы, однако решение в ней ряда вопросов нуждается в определении круга таких лиц, которые в колхозе, кроме ответственности в качестве рядовых членов колхоза, несут еще ответственность за выполнение или невыполнение возложенных на них специальных функций. Цель нашего определения в некотором смысле совпадает с целью законодательства и теории уголовного права — определить круг лиц, являющихся субъектами должностного преступления¹¹⁴.

В литературе административного права сделаны попытки провести строгую грань между должностными лицами и всеми прочими служащими¹¹⁵.

¹¹³ См. А. М. Каландадзе, Права и обязанности колхозного бригадира, Ленинград, 1951, стр. 25; Я. Пулк, Правовая организация труда в колхозах, Тарту, 1956, стр. 12.

¹¹⁴ См. У. А. Ямпольская, О должностном лице в советском государственном аппарате, «Вопросы советского административного права», Изд. АН СССР, Москва—Ленинград, 1949, стр. 144; Б. С. Утевский, Общее учение о должностных преступлениях, Москва, 1948.

¹¹⁵ См. Советское административное право, Госиздат, 1950, стр. 130; С. С. Студеникин, Советская государственная служба, «Вопросы советского административного права», Изд. АН СССР, М.—Л., 1949; В. А. Власов, С. С. Студеникин, Советское административное право, Госюриздат, 1959, стр. 110—111.

Единственное официальное определение должностного лица в колхозах дано в Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 27 марта 1935 г. «О судебной репрессии в отношении должностных лиц на селе»¹¹⁶, признаки которого обычно и приводятся при определении понятия должностного лица в учебной колхозно-правовой литературе¹¹⁷. Цель постановления Пленума Верховного суда СССР также очевидна — определить круг субъектов должностных преступлений на селе.

В специальной колхозно-правовой литературе сделаны также первые шаги по пути определения понятия должностного лица и круга должностных лиц в колхозе¹¹⁸. Но к единодушному определению понятия и круга должностных лиц колхоза наши теоретики еще не пришли. Так, например, А. И. Королев считает признаками должностного лица колхоза: 1) членство в колхозе (или принятие на работу в колхоз со стороны в соответствии с требованиями Примерного устава), 2) выполнение им функции руководства или управления на определенном участке колхозного строительства и 3) создание действиями в осуществлении этих функций для других лиц и организаций соответствующих правовых последствий¹¹⁹. К кругу должностных лиц он относит: председателя и членов правления колхоза, заместителя председателя, бригадиров постоянных производственных бригад, заведующего животноводческой фермой, счетовода, заведующих отраслями, кладовщика¹²⁰.

Основными признаками должностного лица колхоза И. В. Павлов считает: 1) осуществление определенных функций по управлению; 2) совершение распорядительных действий в отношении подчиненных им работников или создание своими действиями определенных правовых последствий для других окружающих их людей. К кругу должностных лиц по его мнению относятся: председатель колхоза, члены правления, бригадиры постоянных производственных бригад, заведующие фермами, начальники агрегатов, старший конюх, старший пастух, стар-

¹¹⁶ См. «Социалистическая законность», 1935, № 5, стр. 58.

¹¹⁷ См. Колхозное право, Госиздат, Москва, 1939, стр. 339; Колхозное право, Госиздат, Москва, 1940, стр. 304; Колхозное право, Госиздат, Москва, 1947, стр. 187; Колхозное право, Госиздат, Москва, 1950, стр. 324; Колхозное право, Госиздат, Москва, 1955, стр. 307.

¹¹⁸ См. А. И. Королев, Понятие должностного лица и круг должностных лиц в колхозах, «Ученые записки ЛГУ», серия юрид. наук, № 187, вып. 6, стр. 99—108; И. В. Павлов, Правовые формы управления делами в колхозах, Госюриздат, Москва, 1955, стр. 184—192; И. Ф. Панкратов, Правовое положение руководящих кадров колхозов, «Советское государство и право» 1956, № 1, стр. 67; И. А. Коэткина, Материальная ответственность должностных лиц колхоза, Москва, 1957, стр. 12; И. Ф. Панкратов, Ответственность должностных лиц колхоза, Москва, 1959, стр. 21.

¹¹⁹ См. А. И. Королев, Указан. произв., стр. 107.

¹²⁰ Те же самые лица отмечаются и И. А. Коэткиной. См. И. А. Коэткина, Материальная ответственность должностных лиц колхоза, Москва, 1957, стр. 21.

¹²¹ См. И. В. Павлов, Указан. произв., стр. 192.

ший чабан и др., председатель и члены ревизионной комиссии, кладовщик и сторож.

И. Ф. Панкратов одно время говорил только о руководящих кадрах колхоза, но подразумевал ли он под этим должностных лиц или нет, трудно понять. К кругу руководящих кадров колхоза он относит: председателя и его заместителя, членов правления, бригадиров и заведующих фермами, агронома, зоотехника и счетовода¹²².

В своей более поздней работе он уже говорит о должностных лицах колхоза, относя к ним: председателя, заместителя председателя и членов правления колхоза; бригадиров постоянных производственных бригад и заведующих фермами; колхозных специалистов сельского хозяйства; бухгалтера; заведующих отраслями; заведующих общественными предприятиями и культурно-бытовыми учреждениями в колхозе; работников, связанных с материальными ценностями и денежными средствами, сторожей и, наконец, председателя и членов ревизионной комиссии¹²³.

Трудовое право при дифференциации материальной ответственности различает материальную ответственность лиц административно-технического и административно-хозяйственного персонала за действия других лиц, выражающуюся в ненадлежащем руководстве и контроле за работой подчиненных им работников, с одной стороны, и за ущерб, причиненный непосредственно руководящими работниками, с другой стороны. Кроме того трудовое право при установлении материальной ответственности руководящих работников имеет в виду, являются ли они материально ответственными лицами (по закону или по договору) или нет. К числу рядовых работников трудовое право относит также материально ответственных лиц.

На наш взгляд, и в колхозах следовало бы определить лиц (как должностных лиц, так и рядовых колхозников), являющихся материально ответственными. Материально ответственными лицами в колхозах следовало бы признать: кладовщика, кассира, бригадиров полеводческих бригад, которым переданы инвентарь и все средства производства в бригаде, заведующих подсобными хозяйствами, конюха и др.

По такому пути уже идут нормативные акты колхозного права. Так, например, в утвержденном постановлением Совета Министров Эстонской ССР от 28 ноября 1959 г. «Правилах ведения кассовых операций в сельскохозяйственной артели» содержится пункт, который гласит: «кассир несет материальную ответственность за сохранность всех принятых им на хранение ценностей и за любой ущерб, причиненный колхозу в результате халатных, небрежных, неосторожных или умышленных его действий».

¹²² См. И. Ф. Панкратов, Правовое положение руководящих кадров колхозов, «Советское государство и право», 1956, № 1, стр. 67.

¹²³ См. И. Ф. Панкратов, Ответственность должностных лиц колхоза, Москва, 1959, стр. 23—26.

Кассир при зачислении его на работу выдает колхозу по соответствующей форме обязательство о материальной ответственности. Это обязательство предусматривает полную материальную ответственность кассира¹²⁴.

По такому пути колхозному законодательству следовало бы идти и в дальнейшем.

Вопрос о должностных лицах колхоза и их специальной ответственности возникает только в отношении лиц, единолично выполняющих функции руководства или управления в отношении колхоза в целом, или его отдельных отраслей. Сюда не следует включать лиц, выполняющих функции руководства только в составе коллегиального органа и не имеющих право на выполнение функции руководства или управления единолично, как например, члены правления, члены ревизионной комиссии.

На наш взгляд, нельзя признавать должностными лицами колхоза лиц, хотя и выполняющих по сравнению с членами полеводческих и животноводческих бригад некоторые специальные функции, если эти функции свойственны характеру их работы, как например кладовщик, счетовод, кассир, сторож, а также механики и другие специалисты. Эти лица могут являться материально ответственными, но не должностными лицами. Работа кладовщика, счетовода или кассира является их ежедневной, специализированной работой, выполнением или членских обязанностей, или договорных обязательств, и они единолично не выполняют никаких функций руководства или управления ни в отношении других колхозников, ни в отношении колхозной собственности.

К должностным лицам колхоза, несущим материальную ответственность за ущерб, причиненный в результате ненадлежащего выполнения своих руководящих функций, следовало бы отнести председателя колхоза, председателя ревизионной комиссии, бригадиров, заведующих фермами, заведующих подсобными предприятиями, агронома и зоотехника колхоза. Члены правления несут материальную ответственность за ненадлежащее выполнение своих функций руководства только тогда, когда они единолично, в порядке организации работы правления, стали ответственными за конкретную отрасль колхозного производства.

В условиях развития комплексных бригад и в интересах сокращения административного аппарата, во многих колхозах ликвидированы животноводческие бригады и вместе с ними место бригадира. Так, например, в колхозе «Тулевик» Харьбюского района созданы комплексные бригады и ликвидированы животноводческие бригады. Ликвидирована в этом колхозе также должность заведующих разными животноводческими фермами. В комплексных бригадах создана только должность старосты хле-

¹²⁴ «Ведомости Эстонской ССР», 1959, 58, 311.

ва, который непосредственно подчинен бригадиру комплексной бригады. Староста хлева участвует в производственном процессе и наряду с этим также организует работу в подчиненном ему хлеву¹²⁵. Такие старосты, конечно, отвечают и материально перед колхозом, если они в связи с непосредственным руководством причиняют ущерб.

А. И. Королев, как мы уже видели, считал должностными лицами колхоза и заведующих отраслями¹²⁶. Следует указать, что в практике колхозов Эстонской ССР таких специальных должностных лиц в колхозах почти нет. Обычно на практике правление колхоза распределяет функции между членами правления таким образом, что каждый из членов правления является ответственным за определенную отрасль хозяйства.

После выяснения круга лиц, несущих материальную ответственность как должностные лица, встает вопрос: за какой именно ущерб и в каких случаях они несут материальную ответственность?

Верховный суд СССР неоднократно обращал внимание народных судов на то, что должностные лица отвечают не за все и не за всякий ущерб, а только за такой ущерб, который причинен непосредственно ими¹²⁷. Председатель колхоза несет ответственность не на основании того факта, что он в это время являлся председателем колхоза, а только тогда, когда он непосредственно причинил колхозу ущерб.

По-видимому, желая ограничить материальную ответственность должностных лиц колхоза и конкретизировать случаи их ответственности, Верховный суд по одному конкретному делу дал указание, что должностные лица отвечают только за тот ущерб, который причинен ими уголовно наказуемыми действиями. Так, Судебная Коллегия по гражданским делам Верховного суда указала, что «имущественная ответственность за ущерб, причиненный колхозу, может быть возложена на председателя колхоза лишь в том случае, когда приговором по уголовному делу установлено, что ущерб является следствием преступных действий данных лиц»¹²⁸.

Едва ли можно согласиться с таким решением вопроса. Это означало бы смешивать основы гражданско-правовой ответственности с основами уголовно-правовой ответственности.

Отсюда и некоторые теоретики пришли к выводу, что «судебно-материальная ответственность» должностных лиц колхоза ограничивается лишь случаями бесхозяйственного и неради-

¹²⁵ См. А. Анурильд, Kompleksbrigaadide organiseerimise kogemustest, «Rahva Hääl» 5. aprillist 1956. a.

¹²⁶ См. А. И. Королев, Указан. произв., стр. 125.

¹²⁷ См. Судебная практика Верховного суда СССР, 1947, № VII, стр. 5; 1955, № 2, стр. 39; 1955, № 2, стр. 40.

¹²⁸ См. «Социалистическая законность», 1954, № 8, стр. 89.

вого отношения к колхозному имуществу¹²⁹, или, кроме того, в случаях причинения ущерба халатным отношением к своим обязанностям¹³⁰.

По мнению В. Ф. Чигир и С. Т. Шардыко это не означает освобождения должностных лиц от материальной ответственности в остальных случаях. Должностные лица колхоза привлекаются в остальных случаях к материальной ответственности, предусмотренной постановлением Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г.¹³¹.

Однако, по мотивам, уже неоднократно нами указанным, нельзя согласиться и с таким решением вопроса. Следует дополнительно указать еще на то обстоятельство, что постановление Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. предусматривает списание трудодней не со всех должностных лиц колхоза, а только с некоторых. Как же решается тогда вопрос о материальной ответственности остальных должностных лиц колхоза?

Единственными критериями материальной ответственности должностных лиц колхоза, по нашему мнению, также должны остаться основания гражданско-правовой ответственности, указанные нами уже раньше. Эти основания имеют свое конкретное содержание. Указанные основания не всегда совпадают и не должны совпадать с основаниями уголовно-правовой ответственности.

И практика народных судов Эстонии не связывает вопрос о материальной ответственности должностных лиц колхоза с вопросом их уголовной ответственности. В практике народных судов Эстонии можно встретить большое число дел, где иск предъявлен прокурором в порядке ст. 2 ГПК после прекращения уголовного дела или отказа от возбуждения уголовного дела за отсутствием состава уголовного преступления. Многие такие иски были народным судом удовлетворены. Например, подобное решение было вынесено народным судом Пайдеского района от 8 января 1957 г., которым был удовлетворен иск прокурора в интересах колхоза против председателя колхоза «Уус Теэ» Пергвальда в размере 5.009 руб., образовавшихся в результате недостатка различных стройматериалов, а также народным судом Раплаского района от 27 марта 1957 г. по иску прокурора в интересах колхоза к председателю «Лембиту» Рандъярва в размере 774 рублей, в связи с недостачей зерна из-за отсутствия соответствующей документации.

А. И. Королев, анализируя вопрос о материальной ответственности председателя колхоза, находит, что специфика ответ-

¹²⁹ См. З. А. Подопригора и С. Ю. Кац, «Советское государство и право», 1954, № 8, стр. 48.

¹³⁰ В. Ф. Чигир и С. Т. Шардыко, Вопросы судебной практики по гражданским колхозным делам, «Ученые записки» Белорусского гос. университета им. В. И. Ленина, серия юрид. наук, вып. 25, Минск, 1955, стр. 76.

¹³¹ Там же, стр. 75.

ственности председателя колхоза за вред, причиненный имуществу колхоза, заключается в том, что он несет имущественно-материальную ответственность не только за вред, причиненный непосредственно им, но и за вред, причиненный непосредственно членом колхоза, находящимся у него в подчинении. В первом случае председатель колхоза несет ответственность в таком же порядке и в таком же объеме, как и рядовые члены колхоза. Во втором случае председатель колхоза несет солидарную ответственность с непосредственным причинителем вреда¹³². По существу такого же мнения придерживается О. А. Кичатова. Она только добавляет, что следует установить вину как непосредственного причинителя вреда, так и председателя колхоза¹³³.

По нашему мнению, неправильно утверждать, что особенность материальной ответственности председателя колхоза состоит в том, что он несет материальную ответственность вместе с непосредственным причинителем вреда. Прежде всего, в солидарной ответственности председателя с членами колхоза мы не видим никаких особенностей. Институт солидарной ответственности является общеизвестным институтом гражданского права, и он распространяется на членов и председателя колхоза так же, как и на остальных граждан. О том, что в применении этого института были какие-то особенности, авторы не указывают.

По нашему мнению, особенность материальной ответственности председателя колхоза, а также и остальных должностных лиц колхоза заключается не в том, что они отвечают и за вред, причиненный непосредственно членом колхоза, а в самом характере причинения ущерба, в характере противоправного поведения должностного лица колхоза.

Если ущерб рядовыми членами колхоза причиняется при выполнении ими членских обязанностей непосредственно в процессе труда при выполнении трудовых функций, то должностными лицами ущерб может быть причинен помимо этого, в результате выполнения или ненадлежащего выполнения функции руководства или управления. В последнем обстоятельстве и заключается особенность материальной ответственности должностных лиц колхоза.

Для установления материальной ответственности должностных лиц как таковых необходимо, чтобы ущерб был причинен в связи с выполнением или ненадлежащим выполнением ими своих служебных обязанностей, т. е. обязанностей по руководству и управлению. Если ущерб причинен вне их, то вопрос о мате-

¹³² См. А. И. Королев, Правовое положение председателя колхоза. Ленинград, 1954, стр. 86—87.

¹³³ См. О. А. Кичатова, Особенности материальной ответственности за ущерб, причиненный правонарушением, по действующему колхозному праву, «Ученые записки ЛГУ», серия юрид. наук, № 187, вып. 6, стр. 142.

риальной ответственности его причинителя, как должностного лица, не возникает. Это приводит нас к вопросу о компетенции должностных лиц колхоза. Каждое должностное лицо колхоза (председатель, бригадир, агроном и др.) имеет свои конкретные права и обязанности и, как правило, отвечает за определенную отрасль хозяйства или процесс производства в колхозе. Таким образом, для возложения материальной ответственности на должностное лицо колхоза прежде всего необходимо установить, было ли ущерб причинен невыполнением или ненадлежащим выполнением возложенных на него обязанностей, обязано ли было должностное лицо совершать требуемые действия.

Сложнее всего установить компетенцию председателя колхоза. Председатель колхоза, как руководитель правления и колхоза в целом, имеет большие права и обязанности, его компетенция многообразна. Иногда утверждают, что председатель колхоза несет общую ответственность за состояние колхоза в целом. В некотором отношении это соответствует действительности. От председателя колхоза действительно во многом зависит благосостояние и дальнейшее развитие колхоза, но это не снимает ответственности за состояние дел в колхозе и со всех членов колхоза. Колхоз является добровольным коллективным объединением крестьян, и по уставу каждый член колхоза должен отвечать за состояние своего колхоза.

Тем менее целесообразно утверждать, что председатель материально отвечает за состояние колхоза в целом. Для руководства в колхозе имеется коллегиальный орган — правление колхоза. Обычно на практике члены правления распределяют между собою функции руководства по отраслям хозяйства, в том числе и функции председателя колхоза. Так, например, в колхозе «Тулевик» Харьбюского района Эстонской ССР председатель колхоза непосредственно отвечает только за состояние финансового хозяйства колхоза, за планирование, за выполнение госпоставок, реализацию продукции, учет и отчетность, за обеспечение колхоза промышленными товарами и за культурное обслуживание колхозников. Ему непосредственно подчиняются: главный бухгалтер, заготовитель, заведующий клубом, агроном, зоотехник и бригадиры. Заместитель председателя отвечает за проведение землеустроительных работ в колхозе, за лесные заготовки, за выполнение государственных обязательств по лесозаготовкам и строительству, за противопожарную охрану и выступает в судах в качестве представителя колхоза. Ему же подчинены строительная бригада, подсобные хозяйства колхоза и предприятия по коммунальному обслуживанию колхозников.

Если ущерб допущен в результате упущений в руководстве одной из названных отраслей, то, по нашему мнению, ясно, относительно кого возникает вопрос о материальной ответственности — председателя колхоза или его заместителя.

Председатель и заместитель председателя в колхозе «Тулевик», конечно, не отвечают за все организационные вопросы в подчиненных им отраслях. В каждой отрасли есть еще непосредственные организаторы процесса производства. Непосредственными организаторами процесса производства в производственных бригадах являются бригады, в подсобных предприятиях — заведующие и т. д. Председатель колхоза здесь является только общим руководителем. Нельзя требовать от председателя колхоза, чтобы он знал все возможные отрасли большого хозяйства. Таково же мнение Верховного суда СССР. Так, например, колхозом «Хельге Теэ» Вильяндиского района Эстонской ССР был предъявлен иск к члену колхоза Аун, работавшей в качестве свиноводки, к Эрнсту Якобсону — временно исполняющему обязанности председателя колхоза и к Лейли Якобсон — заведующей животноводческими фермами о взыскании 6.902 руб. в возмещение ущерба, причиненного гибелью семи голов свиней. Иск был народным судом удовлетворен. Верховный суд Эстонской ССР изменил решение народного суда — снизил сумму, подлежащую взысканию в пользу колхоза, и полностью освободил от материальной ответственности свиноводку Аун.

Верховный суд СССР нашел, что свиноводка Аун неправильно освобождена от материальной ответственности, и в то же время у суда не было оснований возлагать на председателя колхоза материальную ответственность, поскольку никаких упущений по роду выполняемой председателем Якобсоном работы по руководству колхозом допущено не было. Относительно же заведующей животноводческими фермами Лейли Якобсон Верховный суд указал, что она, зная о ненадлежащем выполнении членом колхоза Аун своих обязанностей, не приняла своевременно мер к устранению причин, вызвавших падеж свиней, и поэтому обязана частично нести материальную ответственность за причиненный колхозу ущерб¹³⁴. Таким образом Верховный суд СССР по данному делу ясно указал, что непосредственное осуществление контроля над работниками в животноводстве не входит в компетенцию председателя колхоза, но в компетенцию заведующего животноводческими фермами.

Кроме ответственности за состояние дел в определенных секторах колхозного производства, в компетенцию председателя колхоза входит ряд вопросов по руководству колхозом в целом.¹³⁵ Важнейшими нарушениями в этой области являются упущения в представительстве колхоза. Одной из основных функций председателя колхоза является представление колхоза как юридического лица в отношениях с другими юридическими и физическими лицами. Часть функций по представительству

¹³⁴ См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1955, № 2, стр. 39.

¹³⁵ Мы не будем подробно вдаваться в анализ компетенции председателя колхоза. Подробнее об этом см. А. И. Королев, «Правовое положение председателя колхоза», Ленинград, 1954, стр. 34—58.

председатель колхоза выполняет самостоятельно без решения общего собрания или правления колхоза. Такое представительство выражается в заключении председателем колхоза различных сделок. Если заключение сделки относится к исключительной компетенции председателя колхоза и заключением такой сделки причинен ущерб имуществу колхоза, то ответственность за причиненный ущерб несет только председатель колхоза. Если для заключения сделки необходимо решение общего собрания или правления колхоза, а председатель колхоза обошел установленный порядок и заключил сделку без решения общего собрания или правления, то ответственность за последствия несет также председатель колхоза. Если же о заключении сделки имеется решение общего собрания или правления колхоза и в результате заключения этой сделки был причинен ущерб имуществу колхоза, то вопрос о материальной ответственности председателя колхоза отпадает.

При заключении различных противозаконных сделок споры, разумеется, решаются исходя из общих норм о недействительности сделок, и за последствия от противоправных сделок ответственность ложится на колхоз, как юридическое лицо. Но это не освобождает от материальной ответственности перед колхозом его должностных лиц, являющихся виновными в заключении противоправных сделок.

Для установления материальной ответственности должностных лиц колхоза за заключение противозаконных сделок необходимо установить четкий порядок заключения различных сделок колхозами.

Ущерб, причиненный председателем различными упущениями, может быть причинен им непосредственно, но на практике упущения председателя колхоза часто связаны с противоправным поведением членов колхоза. В таких случаях возникает вопрос о солидарной ответственности.

Как мы уже видели, отдельные члены правления также осуществляют общее руководство над конкретным выделенным им сектором колхозного производства. Если ущерб причинен в выделенном члену правления секторе в результате упущения в руководстве, то ответственность обязан нести конкретный член правления, а не председатель.

Как орган коллегиального управления правление колхоза руководит колхозным производством в целом. Если ущерб в имуществе колхоза возник в результате плохой организации работы правления колхоза в целом, то не может возникнуть вопрос о коллегиальной ответственности всего правления — всех членов правления. Так, например, правление колхоза «Сяде» Муствесского района Эстонской ССР не организовало ремонт помещений животноводческих ферм, а результате этого в колхозе зимою 1954 г. погибли два теленка. Народный суд 1 участ-

ка Муствеского района удовлетворил иск ко всем членам правления колхоза.

Такое решение суда следует признать неправильным и необоснованным. Если в работе правления колхоза имеются недостатки, то правление колхоза должно нести ответственность согласно правилам устава перед общим собранием колхоза. Из-за плохой работы правление колхоза может быть досрочно переизбрано общим собранием колхоза.

Однако на практике часто выполнение решений правления возлагается на конкретного члена правления. Он обязан организовать выполнение решения правления, проверить и обеспечить полное его выполнение. Такую практику следует считать правильной, поскольку она исключает безответственность отдельных членов правления за невыполнение решений правления. Если член правления, на которого возложено обеспечение выполнения решения правления, своих обязанностей не выполнил или выполнил их ненадлежащим образом и этим причинил ущерб имуществу колхоза, то возникает вопрос о материальной ответственности именно того члена правления, который является ответственным за выполнение решения правления.

Вопрос материальной ответственности бригадиров постоянных производственных бригад возникает из двух аспектов: 1) из аспекта материальной ответственности за причинение ущерба имуществу, закрепленному за бригадой, т. е. из аспекта ответственности материально ответственного лица и 2) из аспекта материальной ответственности за причинение ущерба плохой организацией проведения работ в бригаде, т. е. из аспекта материальной ответственности бригадира как должностного лица.

Постановлением Совета Министров СССР от 19 апреля 1943 г. правлениям колхозов предлагается закрепить за полеводческими бригадами рабочий скот, сельскохозяйственные машины, транспортные средства и необходимые производственные постройки. Закрепленные за производственной бригадой инвентарь, сельскохозяйственные машины, тягло и транспортные средства находятся в распоряжении бригадира и не могут быть взяты без его ведома или решения правления колхоза для использования на работах вне бригады. Обычно количество выделенного бригаде инвентаря и тяговой силы определяется утверждением производственного плана бригады. После этого бригадир по акту принимает имущество бригады.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 года рекомендовано колхозам закрепить всех рабочих лошадей с комплектом сбруи за производственными бригадами, а внутри бригад закрепить для работы за колхозниками, работающими на лошадях и зарекомендовавшими себя любовным отношением к лошадям, по одной или паре лошадей. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 4 апреля 1945 г. еще дополнительно

сказано, что все работы на лошадях должны выполняться только тем колхозником, за которым закреплена лошадь. Передача лошади другому лицу может быть произведена только по уважительной причине (временная отлучка, болезнь) с разрешения правления колхоза. Обычно в колхозах за отдельными колхозниками закрепляются не только рабочие лошади, но и мелкий сельскохозяйственный инвентарь. Распределение рабочего скота и инвентаря между членами бригады производится бригадиром.

Если ущерб причинен имуществу, закрепленному не только за бригадой, но и за отдельными колхозниками, возникает вопрос, кто должен нести материальную ответственность — член бригады или бригадир, и освобождается ли бригадир от материальной ответственности, если имущество закреплено за отдельными колхозниками.

По нашему мнению, в случаях закрепления имущества за конкретными колхозниками, ответственность бригадира имеет свои особенности, но он не освобождается от ответственности. Ответственность бригадира не исключается потому, что бригадир остается ответственным за организацию использования имущества, закрепленного за конкретными колхозниками, и он обязан также осуществлять контроль над колхозниками.

Таким образом, ответственность бригадира исключается, если ущерб причинен непосредственно конкретным колхозником и если бригадиром не совершено никаких упущений в руководстве или надзоре. Вина бригадира колхоза должна выражаться таким образом в ненадлежащем выполнении им своих функций руководства и надзора.

В условиях Эстонской ССР в практике колхозов встречаются случаи причинения ущерба разным видам продукции. В полеводческих бригадах, например, после уборки портится зерно, картофель, кормовые корнеплоды и т. д. Иногда иски колхозов остаются неудовлетворенными судами по причинам неустановления виновного в причинении ущерба. Вопрос заключается именно в том, что в практике как колхозов, так и судов нет ясности, до каких пор бригадир несет ответственность за сохранность собранной продукции, кому он должен передать эту продукцию и каковы его обязанности после передачи продукции, например, кладовщику. Так, например, колхозом «Кулдтяхт» Сууре-Яаниского района Эст. ССР был предъявлен иск к председателю колхоза и бригадиру полеводческой бригады в размере 36 тысяч рублей за то, что в колхозе зимой 1953—1954 г. испортилось 30 тонн картофеля из-за ненадлежащего ухода.

Народный суд 1 участка Вильяндиского района своим решением от 12 января 1955 г. оставил иск без удовлетворения по причинам неустановления виновного в причинении ущерба. Как показывают материалы дела, основным вопросом на судебном

заседании был вопрос об обязанностях бригадира после уборки урожая.

В колхозах Эстонской ССР иногда имеет место практика, когда продукция полеводческих бригад (картофель, корнеплоды, а также сено и солома) актируется специальной, созданной правлением комиссией, но никому на специальное хранение не передается. Такая практика вызывает ряд спорных вопросов в области ответственности за хранение продукции. По нашему мнению, бригадир не должен оставаться ответственным за сохранность продукции до полного ее израсходования, так как он не имеет права распоряжаться продукцией, т. е. выдавать ее по назначению. Распоряжение продукцией проводится путем выдачи распоряжения правления. В некоторых колхозах ЭССР выдача таких продуктов как картофель, а также выдача грубых кормов, возложена на кладовщика, в других для этого выделено определенное лицо, обычно один из членов правления.

По нашему мнению, необходимо, чтобы в практике колхозов Эстонской ССР сложилась определенная ясность по этому вопросу. Целесообразно установить следующий порядок. Бригадир постоянных производственных бригад должен проводить все необходимые работы, требуемые для сохранения продукции до ее израсходования. Бригадир имеет в своем распоряжении для этого рабочую силу и необходимые средства производства. Возлагать эти обязанности на кладовщика нецелесообразно, поскольку последний не распоряжается рабочей силой. Бригадир должен также нести ответственность за проведение работ по обеспечению сохранности продукции и, если в результате проведения этих работ причинен ущерб, он должен нести материальную ответственность.

После выполнения всех мер, необходимых для полной сохранности продукции, производится сдача-приемка продукции бригадиром и правлением или же специальной комиссией. Комиссия, принявшая продукцию, обязана также проверить условия хранения продукции, и если бригадиром проведены работы ненадлежащим образом, комиссия не должна принимать продукцию, а требовать проведения необходимых мероприятий для создания всех условий полной сохранности продукции.

Если продукция принята актом, то, по нашему мнению, с этого момента снимается ответственность с бригадира. Ответственность за дальнейшую сохранность продукции переходит к правлению колхоза, и дело правления, передаст ли оно принятую продукцию на хранение конкретному лицу или нет. Если правление колхоза передает по акту имущество (продукты) конкретному лицу, например, кладовщику, то последний в свою очередь обязан проверить состояние продукции и принять дальнейшие меры для ее сохранности.

Такой порядок, по нашему мнению, прежде всего создал бы необходимые условия для хранения продукции, повысил бы

ответственность конкретных колхозников, ограничил бы их обязанности, а также установил бы ясность в вопросе ответственности бригадира и других колхозников за сохранность колхозного имущества.

В нашей правовой литературе почти не исследован вопрос о правовом положении агрономов и зоотехников колхозов, а также вопрос об их материальной ответственности. В колхозах должности таких специалистов, как агроном и зоотехник, существуют недолгое время. Как известно, сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1953 года указал на одну из причин отставания сельского хозяйства — неудовлетворительное агротехническое и зоотехническое обслуживание колхозов. В целях улучшения агротехнического и зоотехнического обслуживания колхозов соответствующие специалисты были включены в штаты машинно-тракторных станций с таким расчетом, чтобы каждый колхоз обслуживался одним специалистом. Но это являлось только одним из шагов в деле улучшения агротехнического и зоотехнического обслуживания колхозов. Скоро Совет Министров СССР и ЦК КПСС, после обобщения практики, указали, что сложившаяся после сентябрьского Пленума система агротехнического и зоотехнического обслуживания колхозов не удовлетворяет требований колхозов. Основным недостатком являлось то, что специалисты МТС, обслуживающие колхозы, получали зарплату за счет государства без учета результатов их работы в колхозе. Вследствие этого агрономы и зоотехники материально не были заинтересованы в результатах своей работы в колхозе. Для повышения материальной заинтересованности специалистов сельского хозяйства, а также для повышения их ответственности за состояние дел в колхозах, постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 20 августа 1955 г. «О мерах улучшения агротехнического и зоотехнического обслуживания колхозов» дано указание, что агрономы и зоотехники переводятся из штатов МТС прямо в колхозы. Колхозам рекомендовано принимать их в члены колхоза и организовать оплату их труда с учетом образования, стажа работы и результатов труда в колхозе.

Таким образом, агрономы и зоотехники в настоящее время являются специалистами, работающими непосредственно в колхозах. Многие из них являются членами колхоза, а в некоторых колхозах работают еще на основе трудового договора.

Агрономы и зоотехники выполняют в колхозах многообразные и ответственные функции. Они обязаны всячески помогать колхозам в выполнении стоящих перед сельским хозяйством задач дальнейшего развития.

Агрономы и зоотехники не находятся на положении рядовых членов колхоза, между которыми работу распределяет бригадир. Их права и обязанности определены законом. Согласно Положениям,¹³⁶ агрономов и зоотехников МТС, утвержденным

¹³⁶ Соответствующие Положения были утверждены приказом Министра

приказом министерства, агрономы и зоотехники осуществляют непосредственно все мероприятия по агротехническому и зоотехническому обслуживанию колхозов. Они организуют правильную работу тракторных и полеводческих бригад, осуществляют повседневный контроль за качеством выполняемых работ тракторной бригады, организуют проведение мероприятий, обеспечивающих выполнение производственных планов и т. д. Они проводят агро- и зоотехническую учебу колхозников, обеспечивают применение методов передового опыта и достижений науки в колхозном производстве, выявляют дополнительные резервы по развитию всех отраслей колхозного производства, принимают меры к дальнейшему организационно-хозяйственному укреплению колхозов, улучшению трудовой дисциплины колхозников, оказывают помощь в планировании производства и т. д. Агрономы и зоотехники имеют право давать указания, обязательные для выполнения, бригадирам полеводческих бригад по вопросам выполнения очередности, срокам и качеству работ; проверять качество работ; браковать и требовать переделки недоброкачественно выполненных работ; давать через правление или председателя колхоза указания бригадирам животноводческих бригад по зоотехническим мероприятиям, а бригадирам полеводческих бригад колхоза по агротехническим мероприятиям и т. д.

Агрономы и зоотехники колхоза в некоторой степени отвечают за дальнейшее развитие соответствующих отраслей колхозного производства, и безусловно от агротехнического и зоотехнического обслуживания во многом зависит дальнейшее развитие и укрепление колхозов.

Поскольку агрономы и зоотехники являются членами колхоза или находятся с колхозом в трудовых отношениях, они подчинены непосредственно правлению колхоза и ответственны перед последним. В связи с этим возникает и вопрос о материальной ответственности агрономов и зоотехников перед колхозом. Раньше, когда колхозы обслуживались специалистами МТС, этот вопрос не поднимался, поскольку ответственной являлась сторона договора — МТС.

Агрономами и зоотехниками может быть причинен ущерб имуществу колхозов. Так, например, агроном может дать неправильные агротехнические указания, зоотехник — составить неправильные кормовые рационы, дать указание об использовании недоброкачественных кормов, воды, дать указание о кормлении скота сеном, протравленным химикатами, дать указание о при-

---

сельского хозяйства от 15 мая 1954 г. для агрономов и зоотехников МТС. Соответствующих положений для специалистов колхозов до настоящего времени еще нет, хотя на необходимость принятия их обращено внимание в литературе. См. А. М. Каландадзе, Декабрьский (1959 г.) Пленум ЦК КПСС и основные вопросы государственного руководства колхозами, Тезисы докладов научной конференции, Ленинград, 1960.

менении неправильных зоотехнических правил, вообще не дать никаких указаний или не проверить исполнение даваемых указаний. Колхозники, не имеющие специального образования, могут применить неправильные агротехнические и зоотехнические указания, не имея представления о их результатах. Все это может причинить ущерб имуществу колхоза.

Для выяснения вины агронома и зоотехника следует установить, что ущерб был причинен именно в результате неприменения или неправильного применения агротехнических или зоотехнических указаний, следует установить, были ли эти указания даны агрономом или зоотехником, или нет, и были ли агроном и зоотехник обязаны давать указания, вызвавшие ущерб.

Важным вопросом здесь является вопрос о компетенции агронома и зоотехника. Последние должны нести ответственность только за такой ущерб, который был причинен ими при выполнении служебных обязанностей.

Глава III

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОЛХОЗНИКОВ

§ 1. Дисциплинарная ответственность колхозников на основании устава колхоза

По требованиям устава колхоза каждый колхозник обязан активно включиться в процесс колхозного производства, работать честно, строго беречь колхозную собственность и государственные машины, работающие на колхозных полях, подчиняться требованиям устава, постановлениям общего собрания и правления, аккуратно выполнять возлагаемые на него правлением колхоза и бригадиром работы и общественные обязанности, строго соблюдать трудовую дисциплину.

За нарушение этих требований устава на виновных налагаются дисциплинарные взыскания. В ст. 17 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 года были перечислены случаи, когда на колхозника налагались дисциплинарные взыскания. Так, в уставе было указано, что на колхозника налагается дисциплинарное взыскание за бесхозяйственное и нерадивое отношение к общественному имуществу, за невыход на работу без уважительных причин, за недобросовестное выполнение работы и за другие нарушения трудовой дисциплины.

В уставе 1935 года содержится лишь примерный перечень видов нарушения трудовой дисциплины, и сам устав констатирует, что дисциплинарные взыскания на колхозника можно налагать за любые нарушения трудовой дисциплины. Дать полный перечень случаев нарушений трудовой дисциплины невозможно и нецелесообразно. В настоящее время колхозы могут в своих уставах указывать только самые важные и чаще всего встречающиеся виды нарушения трудовой дисциплины в конкретных условиях. Это не исключает возможности применения меры дисциплинарного взыскания и за другие виды нарушения трудовой дисциплины. Нарушение трудовой дисциплины уже само по себе предполагает, что поведение колхозника является противоправным, виновным и не содержит признаков уголовного

преступления. Для применения мер дисциплинарного взыскания колхозник должен совершить такой поступок, который запрещен правилами организации труда. Нет нарушения трудовой дисциплины, если поведение колхозника не противоречит уставу колхоза, правилам внутреннего трудового распорядка или другим нормативным актам.

В ст. 17 Примерного устава 1935 года были также перечислены виды дисциплинарных взысканий, а именно: обязанность переделать недоброкачественную работу без начисления трудовых дней, предупреждение, выговор, порицание на общем собрании, занесение на черную доску, штраф в размере до 5 трудовых дней, перемещение на низшую работу, временное отстранение от работы и, в крайних случаях, исключение из колхоза.

Ст. 17 также дает только примерный перечень дисциплинарных взысканий. Но, несмотря на это, практика Верховного суда СССР в свое время признала этот перечень исчерпывающим. Так, например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР по одному конкретному делу писала: «Лишение члена колхоза права пользоваться пастбищем для скота как мера воздаяствия Уставом или другим законом не предусмотрена и, следовательно, не могла быть применена...»¹³⁷

По другому пути пошла практика колхозов. Практика колхозов не признает исчерпывающим перечень дисциплинарных взысканий, приведенный в ст. 17 Устава 1935 года, и нередко применяются такие меры дисциплинарного взыскания, которые не указаны в ст. 17 Устава 1935 года. Так, например, правление колхоза имени А. А. Жданова Тартуского района Эстонской ССР 11 января 1955 года приняло решение, которым обязало колхозника И. немедленно приступить к работе в колхозе и за каждый пропущенный им день решило списать с него один трудовой день. Решением от 9 апреля 1954 г. правление того же колхоза списало с пастуха 10% трудовых дней, выработанных им в марте месяце; 16 января приняло решение не давать лошадь тем колхозным дворам, трудоспособные члены которых не работают в колхозе и т. д.¹³⁸ Подобного рода решения правлений колхозов можно встретить в практике почти каждого колхоза. Так, например, правление колхоза «Рандлане» Ориссаареского района Эстонской ССР решило списать с колхозника П. 48,4 трудового дня за невыход на работу без уважительных причин¹³⁹. Решением правления колхоза «Кюльвая» Тартуского района за неправильное оформление путевых листов был списан с шофера 91 трудо-

¹³⁷ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1955, № 2, стр. 38.

¹³⁸ См. протоколы собраний правления колхоза им. А. А. Жданова Тартуского района Эстонской ССР от 9, 16 января 1954 г. и от 11 января 1955 г.

¹³⁹ См. решение правления колхоза «Рандлане» Ориссаареского района Эстонской ССР от 31 июля 1954 г.

день¹⁴⁰. Подобными решениями установлены новые виды дисциплинарных взысканий, не содержащихся в ст. 17 Устава 1935 года.

Такая практика колхозов во многом объясняется тем, что дисциплинарные взыскания, перечисленные в ст. 17 Примерного устава, слишком однообразны, и в местных условиях иногда возникает необходимость применять более серьезные меры дисциплинарного взыскания. По этим причинам мы не можем согласиться с предложением дать в Примерном уставе твердый и определенный перечень взысканий¹⁴¹. Имеются колхозы, где дисциплинарные взыскания играют еще важную роль в деле укрепления трудовой дисциплины, и наоборот, имеются колхозы, где дисциплинарные взыскания, особенно штрафного порядка, применяются только в исключительных случаях.

Тем не менее нам представляется, что применение мер дисциплинарных взысканий не может полностью перейти на усмотрение правления колхоза. Так, например, трудовое право строго придерживается принципа применения только таких мер дисциплинарного взыскания, которые предусмотрены законом. Это гарантирует права рабочих и служащих от возможных случаев самоуправства администрации предприятия или учреждения. Таким же образом должны защищаться и интересы колхозников. Поэтому права колхоза в области применения мер дисциплинарных взысканий должны определяться или специальным законодательным актом, или актами органов колхоза. Таким актом в колхозе является устав колхоза, в котором должны быть определены как виды дисциплинарных взысканий и порядок их применения, так и порядок обжалования колхозниками. В настоящее время колхозам дано право дополнять при принятии устава отдельные его статьи; колхозы могут внести соответствующие изменения также в статью, определяющую дисциплинарные взыскания и, если этого требуют интересы колхоза и конкретные обстоятельства, включить в перечень мер дисциплинарных взысканий более строгие меры. Так и обстоит дело в практике многих колхозов. Общее собрание колхоза «Уус Элу» Раплаского района Эстонской ССР при принятии своего устава решило внести в статью 17 следующее дополнение: «В целях укрепления трудовой дисциплины в колхозе с каждого колхозника за каждый самовольно пропущенный день списывать 1,5 трудодня»¹⁴². Многие колхозы Эстонской ССР включили в свои уставы такую меру воздействия, как право колхоза не давать пастбища для скота колхозников.

¹⁴⁰ См. решение правления колхоза «Кюльвая» Тартуского района Эстонской ССР от 22 января 1957 г.

¹⁴¹ См. И. В. Панкратов, Некоторые вопросы кодификации законодательства об ответственности колхозников, «Вопросы кодификации законодательства о колхозах». Москва, 1959, стр. 109.

¹⁴² См. протокол общего собрания колхоза «Уус Элу» Раплаского района Эстонской ССР от 15 апреля 1956 года.

В. Б. Лосев считает неправильными дополнения, увеличивающие размер списания трудодней в порядке дисциплинарных взысканий¹⁴³. Мы не против того, чтобы колхозы включали в свои уставы более строгие меры дисциплинарных взысканий, но после того как устав колхоза в предусмотренном законом порядке принят и зарегистрирован в райисполкоме, он становится обязательным для всех членов колхоза, а также органов внутриколхозного управления. Правление колхоза имеет право применять только те меры дисциплинарного взыскания, которые перечислены в уставе данного колхоза. Если правление колхоза применяет меры, не указанные в уставе, решение правления следует считать противоречащим уставу и колхозник имеет право его обжаловать общему собранию колхоза. Такой порядок применения дисциплинарных взысканий в колхозе обеспечивает соблюдение принципа социалистической законности, является гарантией защиты уставных прав колхозников и обеспечивает возможность применения контроля со стороны ревизионной комиссии, общего собрания, а также районного исполнительного комитета над деятельностью правления колхоза.

Так определяется порядок применения мер дисциплинарных взысканий в уставах многих колхозов Эстонии.

По нашему мнению, практика применения мер дисциплинарных взысканий в колхозах одним лишь правлением нецелесообразна. Для того чтобы меры дисциплинарного взыскания оказали эффективное влияние на нарушителя трудовой дисциплины, необходимо их применение сразу же после обнаружения проступка. Но практика применения их правлением колхоза не обеспечивает подобной эффективности. Существующий порядок не гарантирует также права колхозника обжаловать решение правления. Колхозник может обжаловать решение собранию уполномоченных или общему собранию. Но в настоящее время общее собрание в колхозе собирается всего лишь несколько раз в году. Рассмотрение жалобы колхозника на общем собрании через несколько месяцев никак нельзя считать целесообразным. К этому времени как сам проступок, так и факт применения взыскания уже теряют свою актуальность.

По действующим нормам колхозного права председатель, как руководитель колхоза, не имеет права единолично применять меры дисциплинарного взыскания. Но в настоящее время, когда председатель имеет большие права в деле руководства колхозом и когда он несет полную ответственность за состояние дел в колхозе, следовало бы дать ему и право применения мер дисциплинарного взыскания. По действующим нормам права председатель, как ответственное руководящее лицо в колхозе, не имеет возможности эффективно бороться с нарушителями тру-

¹⁴³ См. В. Б. Лосев, Практика внесения дополнений и изменений в уставы сельскохозяйственных артелей в колхозах Краснодарского края, «Советское государство и право», 1957, № 3, стр. 110.

довой дисциплины в колхозе. Председателю колхоза не следовало бы давать право применять все виды дисциплинарного взыскания, но лишь право применения так называемых чистых мер дисциплинарного взыскания (предупреждение, выговор и др.). Право применения так называемых штрафных санкций (списание трудодней) следовало бы оставить в компетенции правления колхоза.

В условиях, когда председатель колхоза имеет право применения мер дисциплинарного воздействия, будет обеспечено применение их непосредственно за обнаружением проступка, а также обеспечено право колхозника обжаловать неправильное их применение правлению колхоза.

Наделение председателя колхоза правом применения взысканий, по нашему мнению, не противоречит принципу коллегиального руководства в колхозе, как утверждают некоторые авторы¹⁴⁴. Для колхозного руководства характерна не только коллегиальность, но и сочетание коллегиальности с единоначалием¹⁴⁵, при котором деятельность председателя проверяется правлением.

На практике некоторые колхозы и пошли по этому пути. Так, например, в уставе колхоза «Ньуни» Отепяского района Эстонской ССР право применения дисциплинарных взысканий дано председателю колхоза, бригадирам, заведующим фермами, правлению, собранию уполномоченных и общему собранию. В уставе также перечислены виды дисциплинарных взысканий, применяемых указанными органами или должностными лицами колхоза.

Хотя мы считаем правильным наделение председателя колхоза правом применения взысканий, все же, по нашему мнению, нецелесообразно давать право применения взысканий остальным должностным лицам колхоза и всем органам внутриколхозного управления. Такая практика слишком раздробила бы порядок применения дисциплинарных взысканий в колхозе. Правом применения взысканий должны быть наделены только председатель колхоза и правление.

Наряду с этим крайне необходимо регулировать также порядок применения дисциплинарных взысканий в колхозах. В уставах колхозов, а также в правилах внутреннего распорядка в данное время не установлены сроки применения мер дисциплинарных взысканий; не требуется объяснения колхозника, иногда он даже не присутствует на собрании правления, его не извещают о применении взыскания и т. д. В интересах социалистической законности, защиты прав колхозников и единства прак-

¹⁴⁴ См. А. Рускол, Б. Лисковец, Новое в судебной практике по гражданским колхозным делам, «Социалистическая законность», 1957, № 3, стр. 9—10.

¹⁴⁵ См. А. И. Королев, Правовое положение председателя колхоза, Ленинград, 1954, стр. 27.

тики необходимо в дальнейшем урегулировать эти вопросы или в уставах колхозов, или республиканским законодательным актом.

В колхозном праве, по примеру трудового права, следовало бы установить сроки применения мер дисциплинарных взысканий. Нам кажется, целесообразно допустить наложение взысканий председателем колхоза по истечении двух недель со дня обнаружения проступка. Указанный срок является достаточным для выяснения требуемых обстоятельств, а более продолжительный срок уже снижает эффективность применения мер взысканий. Для применения взысканий коллегиальным органом колхоза — правлением следовало бы установить месячный срок.

Следовало бы также установить, что до наложения взыскания председателем должны быть затребованы от колхозника объяснения. Такой порядок безусловно уменьшит число возможных случаев неправильного и необоснованного применения взысканий.

Желательно также установить порядок объявления взысканий. В государственных предприятиях взыскания объявляются приказом директора. Но председатель колхоза в настоящее время не имеет права на издание приказов. Необходимость предоставления такого права председателю колхоза на практике уже давно назрела. Председатель колхоза единолично решает целый ряд важных вопросов, но они не получают юридического оформления. Как нам кажется, председатель колхоза должен иметь право на издание приказов, в том числе и право объявления взысканий.

Если дисциплинарные взыскания в колхозе будут налагаться в установленном законом порядке, они, безусловно, сыграют большую воспитательную роль, чем в настоящее время, когда их применяет правление без участия самого нарушителя дисциплины и без объявления об этом широкому кругу колхозников.

Интерес представляет также вопрос о правовой природе отдельных видов дисциплинарных взысканий.

Уже после поверхностного рассмотрения вопроса можно сказать, что применяющиеся в колхозах дисциплинарные взыскания разделяются на две группы. В первую группу входят взыскания, носящие так называемый чисто дисциплинарный характер и преследующие цель одного лишь морального воздействия на нарушителя трудовой дисциплины. Такими мерами являются, например, предупреждение, выговор или порицание на общем собрании.

Другую группу составляют такие взыскания, которые, кроме морального воздействия, носят еще характер материального воздействия. Сюда относятся, например, такие взыскания, как обязанность переделать недоброкачественную работу без начисления трудодней, штраф в размере 5 трудодней, временное

отстранение от работы и др. Эти меры дисциплинарного взыскания действуют не только морально на нарушителя трудовой дисциплины, но одновременно с этим оказывают и некоторое влияние на его имущественное положение. Так, при списании с колхозника трудодней уменьшаются его доходы при их распределении в колхозе. В отличие от первой группы — чистых дисциплинарных взысканий, можно было бы вторую группу дисциплинарных взысканий назвать штрафными санкциями.

При анализе правовой природы указанных двух групп дисциплинарных взысканий возникает вопрос, являются ли меры, относящиеся ко второй группе, только мерами дисциплинарного взыскания, или же они одновременно содержат элемент возмещения вреда. Правильное решение последнего вопроса имеет исключительно большое практическое значение.

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 26 марта 1960 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам» дано указание о том что применение к колхознику взыскания в порядке Устава данного колхоза не исключает возможности привлечением колхозника к материальной ответственности за ущерб, причиненный колхозу нерадивым отношением к колхозному имуществу или небрежностью в работе. Таким образом, применение мер дисциплинарного взыскания не исключает материальной ответственности колхозника. Если считать, что перечисленные в уставе колхоза меры воздействия являются только дисциплинарными, то при наличии установленных оснований колхозник обязан еще кроме того возместить ущерб колхозу или на основании ст. 403 ГК, или на основании специальных норм. Если же считать, что такие меры воздействия как списание трудодней являются одновременно и возмещением ущерба, то ст. 403 ГК совсем неприменима в таких случаях, когда списанное количество трудодней или, вернее, доходы, падающие на эти трудодни, полностью возмещают причиненный ущерб, или же она применима только в отношении той части ущерба, которая осталась невозмещенной. В последнем случае причиненный ущерб является большим, чем полученная колхозом компенсация в порядке списания трудодней.

В нашей юридической литературе по этому вопросу нет окончательного и единодушного решения. Одни авторы утверждают, что меры воздействия, перечисленные в уставе колхоза, являются только мерами дисциплинарного воздействия, и убытки их применением не возмещаются¹⁴⁶.

¹⁴⁶ См. О. С. Кичатова, Особенности материальной ответственности за ущерб, причиненный правонарушением, по действующему колхозному праву, «Ученые записки ЛГУ», серия юридических наук, вып. 187, 1955, стр. 135; А. А. Рускол, Судебное рассмотрение имущественных споров колхозов, Москва, 1949, стр. 40; Я. Пулк, Правовая организация труда в колхозах (по материалам Эстонской ССР), автореферат кандидатской диссертации, Тарту, 1956, стр. 24; ср. также «Социалистическая законность», 1952, № 5, стр. 94; З. А. Подопригора, Защита колхозной собственности в дого-

Другие авторы, наоборот, утверждают, что некоторые виды дисциплинарного взыскания, указанные в уставе колхоза, являются одновременно и мерами возмещения причиненного ущерба¹⁴⁷.

Сторонники второй концепции имеют прежде всего в виду то обстоятельство, что списание трудодней уменьшает доходы колхозника, которые идут таким образом в пользу колхоза. По этому поводу А. В. Венедиктов пишет: «При условии неуклонного повышения стоимости трудодня ущерб, причиненный колхозником имуществу колхоза, в ряде случаев частично может быть покрыт за счет штрафа в порядке ст. 17 Устава»¹⁴⁸. Хотя А. В. Венедиктов и заявляет, что оставляет открытым вопрос, может ли этот штраф засчитываться в общую сумму убытков, присужденных с колхозника на основании ст. ст. 403 и 410 ГК, но, по нашему мнению, свое основное положение он все же высказывает. Возмещение ущерба следует понимать только в едином смысле этого понятия, независимо от того, на основании каких норм права происходит такое возмещение.

На первый взгляд указанный вывод действительно представляется правильным и обоснованным. Однако более глубокий анализ данного вопроса позволяет нам утверждать обратное.

Допустим, что списание трудодней является одновременно и возмещением ущерба. К каким практическим последствиям привел бы нас такой вывод?

Во-первых, на основании постановления Пленума Верховного суда СССР от 26 марта 1960 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам» возмещается только действительный ущерб, причиненный имуществу колхоза, но не упущенная выгода. Нарушением трудовой дисциплины не всегда и во многих случаях вообще не причиняется прямой ущерб имуществу колхоза. Но, несмотря на это, основания для применения дисциплинарных взысканий имеются налицо. Законодатель не ставит применение дисциплинарных взысканий (в том числе штрафных) в зависимость от причинения прямого ущерба имуществу колхоза. Меры дисциплинарного взыскания налагаются уже за самый факт нарушения трудовой дисциплины. Если же считать, что списание трудодней является возмещением ущерба, то эту функцию оно должно выполнять во всех случаях его при-

---

ворных отношениях колхозов, «Ученые записки» Харьковского юридического института, вып. VIII, Харьков, 1957, стр. 142; И. А. Коэткина, Материальная ответственность должностных лиц колхоза, Москва, 1957, стр. 81.

¹⁴⁷ См. Б. А. Лисковец, Возмещение вреда, причиненного имуществу колхозов, Москва, 1948, стр. 13; Его же, Имущественная ответственность колхозников за ущерб, причиненный колхозу нарушением трудовой дисциплины, Москва, 1954, стр. 39; А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, Москва—Ленинград, 1954, стр. 209; Иерофеев, Охрана колхозной собственности, Москва, 1954, стр. 39; Kolhoosõigug, Tallinn, 1950, lk. 142.

¹⁴⁸ А. В. Венедиктов, Указан. произв., стр. 209.

менения. В таких случаях, когда нарушение трудовой дисциплины не повлекло за собой прямого ущерба, но трудодни списаны, мы вынуждены признать, что колхозу возместили упущенную выгоду, что, однако, противоречило бы общим принципам возмещения ущерба в колхозном праве. Следовательно, для выхода из такого положения мы должны были бы установить принцип, что штрафные санкции следует применять лишь в том случае, когда нарушением трудовой дисциплины причинен прямой ущерб имуществу колхоза, и только в размерах причиненного ущерба. Но это в свою очередь, как нам кажется, противоречит принципам, сложившимся в колхозном праве, принципам применения мер дисциплинарного воздействия.

Во-вторых, применение принципа, согласно которому списание трудодней является одновременно и возмещением ущерба, на практике очень сложно. В момент причинения ущерба и применения мер штрафных санкций правлению колхоза не всегда известно, в каком количестве возмещается ущерб списанием трудодней и в каком количестве следует взыскать ущерб в судебном порядке. Если размер ущерба можно установить в любой момент, то стоимость трудодня в колхозе выясняется лишь в конце хозяйственного года при окончательном распределении доходов колхоза. Следовательно, только в конце хозяйственного года выясняется, в каком размере возмещен ущерб — списанием 5 или больше трудодней. Если же, несмотря на это, предъявить иск в народный суд для взыскания в судебном порядке той части ущерба, которая осталась невозмещенной, то необходимо иметь в виду, что и народному суду неизвестно, насколько уже возмещен причиненный ущерб, и невозможно установить размер ущерба, подлежащего взысканию в судебном порядке, до окончания хозяйственного года в колхозе.

Мы полагаем, что и в теоретическом отношении неправильно считать штрафные санкции способом возмещения ущерба. Применяемая мера не может одновременно иметь две основные цели, т. е. цель морального действия и цель возмещения ущерба. Основная цель применения ст. 403 ГК состоит не столько в получении денежной компенсации, сколько в восстановлении прежнего состояния. Но применение мер дисциплинарного взыскания иногда не служит цели восстановления прежнего состояния. Считая списание трудодней лишь мерой дисциплинарного воздействия, А. А. Рускол и Б. А. Лисковец правильно указывают, что «поскольку применение мер дисциплинарного воздействия является видом наказания, а не способом возмещения вреда, применение к колхознику мер дисциплинарного воздействия не освобождает колхозника от материальной ответственности»¹⁴⁹. Совершенно прав канд. юрид. наук Я. Пулк, утверждая, что

¹⁴⁹ А. А. Рускол, Б. А. Лисковец, Судебное рассмотрение дел о возмещении ущерба, причиненного колхозам увечьем или гибелью скота, «Социалистическая законность», 1951, № 12, стр. 51.

«дисциплинарные мероприятия уже принципиально не могут одновременно служить способом возмещения ущерба»¹⁵⁰. Однако неправильны, по нашему мнению, его доводы о том, что списание трудодней в порядке ст. 17 устава не является возмещением ущерба, так как стоимость трудодней, списанных с колхозника, не идет в пользу колхоза, а доля дохода штрафуемого колхозника уменьшается за счет соответствующего увеличения доли дохода других колхозников. Неправильно противопоставлять доходы колхоза и доходы колхозников. В момент списания трудодней вообще неизвестно, в пользу кого идет стоимость списанных трудодней — в пользу колхоза или в пользу колхозников. Колхознику, с которого списаны трудодни, в конце года не выдается соответствующее количество продуктов и денег, и они идут в распоряжение колхоза.

Но теоретическим отграничением дисциплинарной ответственности от материальной вопрос их применения еще не решен. По нашему мнению, требуют некоторого уточнения принципы, приведенные в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 26 марта 1960 г. Указанное постановление допускает материальную ответственность наряду с дисциплинарной, безотносительно с тем, какие меры дисциплинарной ответственности были применены. Представляется, что в настоящее время нецелесообразно и несправедливо допускать применение штрафных санкций наряду с материальной ответственностью. В настоящее время, когда стоимость трудодня значительно увеличилась, списание трудодней с колхозника оказывает существенное влияние на его материальное положение. Поэтому в законодательстве о материальной и дисциплинарной ответственности колхозников следовало бы установить следующие правила; 1) применение мер дисциплинарных взысканий не освобождает колхозника от материальной ответственности; 2) штрафные санкции применимы только в указанных законом случаях и лишь тогда, когда указанное в законе нарушение трудовой дисциплины не причинило прямого ущерба имуществу колхоза; 3) прямой ущерб взыскивается в судебном порядке, и колхоз имеет право наряду с этим применять только чистые меры дисциплинарных взысканий, но не имеет права применения штрафных санкций.

Из всего вышеизложенного надлежит придти к выводу, что меры воздействия, предусмотренные в уставах колхозов или в правилах внутреннего трудового распорядка и применяемые органами внутриколхозного управления, в случаях нарушения трудовой дисциплины колхозниками являются лишь мерами дисциплинарного взыскания и служат целям морального воздействия на нарушителя трудовой дисциплины. По своей сущности эти меры носят или характер чистых мер дисциплинарных взысканий, или характер штрафных санкций. Применение мер дис-

¹⁵⁰ Я. Пулк, Правовая организация труда в колхозах. Автореферат кандидатской диссертации, Тарту, 1956, стр. 24.

дисциплинарных взысканий не является способом возмещения ущерба, и если имеются налицо все другие основания гражданско-правовой имущественной ответственности, колхозник должен возместить этот ущерб колхозу. Материальная ответственность кумулирует только так называемыми чистыми мерами дисциплинарных взысканий, но не штрафными санкциями.

§ 2. Дисциплинарная ответственность колхозников на основании специальных законодательных актов

Кроме устава колхозов вопросы дисциплинарной и материальной ответственности колхозников регулируются и некоторыми специальными законодательными актами. Так, за некоторые виды нарушения трудовой дисциплины ответственность установлена не в уставе колхоза, а другими специальными нормами колхозного права.

Говоря об ответственности колхозников на основании специальных законодательных актов, авторы обычно ссылаются только на постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. «О мерах по улучшению поголовья лошадей, улучшению за ними ухода и содержания в колхозах и совхозах»¹⁵¹. Однако указанное постановление является не единственным, регулирующим вопросы ответственности колхозников.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г.¹⁵² установлено, что за простой лошади, вызванный потерей работоспособности лошади вследствие неправильного кормления, поения, побоев, повреждений, происшедших по вине конюха или колхозника, работающего на этой лошади, с виновного в колхозах удерживается 2 трудодня за каждый день простоя до выздоровления лошади.

Пункт 22 того же постановления устанавливает в известных случаях и ответственность конюха. В постановлении указано, что если конюх принял лошадь с повреждением и не сообщил об этом председателю колхоза, он несет ответственность вместе с виновным колхозником.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 4 апреля 1945 г. «О государственном плане развития животноводства в колхозах и совхозах на 1945 год»¹⁵³ рекомендуется колхозам по решению общего собрания производить вычет трудодней у колхозников, допустивших вследствие небрежного ухода истощение,

¹⁵¹ См. О. А. Кичатова, Указан. произв., стр. 139; А. А. Рускол, Б. А. Лисковец, Колхозное право, изд. III, Москва, 1955, стр. 39.

Следует указать, что в статье О. А. Кичатовой содержится неточная дата опубликования названного там постановления: Указанное в статье постановление опубликовано 12 мая, а не 13 апреля 1943 г., как сказано в статье.

¹⁵² См. Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников, т. II, Москва, 1948, стр. 382.

¹⁵³ См. там же, стр. 276.

травматическое повреждение лошадей, а также аборт у кобыл, в размере от 5 до 10% от общего количества выработанных ими трудодней.

Пунктом 28 постановления СМ СССР от 19 апреля 1948 г. «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах»¹⁵⁴ установлено, что за побои или причинение повреждений лошадям с виновных списывается за каждый день простоя лошади вплоть до ее выздоровления по 2 трудодня, а за аборт кобыл — 20 трудодней.

Прежде всего возникает вопрос, имеем ли мы в указанных случаях вообще дело с мерами принудительного воздействия и не являются ли указанные меры способами оплаты труда животноводов, поскольку указанные постановления устанавливают порядок оплаты труда конюхов и других колхозников, работающих на лошадях, и ставят оплату труда в зависимость от результатов их работы. Результаты работы конюха безусловно определяются упитанностью лошадей, их трудоспособностью, а также приростом поголовья. Постановлением СМ СССР от 19 апреля 1948 г. установлено, например, что с конюха списывается 0,5 трудодня за каждую лошадь ниже средней упитанности. Здесь мы действительно имеем дело с формой оплаты труда. Разница заключается в том, что последняя форма списывания трудодней не ставится в зависимость от виновного и противоправного поведения конюха. Наоборот, все другие пункты, приведенные выше, указывают и вину колхозника, и они применяются только при противоправном и виновном поведении конюха или других колхозников. Указанные пункты (за исключением п. 22 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г.) регулируют вопрос ответственности колхозников, работающих на лошадях. Трудодни за уход за лошадьми начисляются только конюхам, а колхозникам, работающим на лошадях, за уход трудодней не начисляют. Все это позволяет утверждать, что здесь мы имеем дело не с формами оплаты труда колхозников, работающих в коневодстве, а со специальными видами ответственности колхозников, совершивших нарушение трудовой дисциплины, так называемыми штрафными санкциями.

Как видно из приведенных выдержек, ответственность колхозников за увечье лошадей регулируется различными постановлениями неодинаково. Поэтому возникает вопрос, указания какого постановления следует считать действующими.

Поскольку единственное указание, регулирующее вопросы ответственности конюха, содержится в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1948 г., следует это указание считать действующим и устанавливающим ответственность конюха за нарушение им трудовой дисциплины.

¹⁵⁴ См. Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников, т. II, Москва, 1948, стр. 202.

Ответственность колхозников, работающих на лошадях, установлена во всех трех постановлениях. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. и СМ СССР от 19 апреля 1948 г. ставят ответственность колхозников в зависимость от того, привели ли увечье или другие повреждения к простоям лошадей или нет, и устанавливают одинаковые меры взыскания. Постановление же СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 4 апреля 1945 года ничего не говорит о простоях лошадей, а упоминает лишь об истощении или травматических повреждениях лошадей, предусматривая вычет трудодней в количестве от 5 до 10% из общего числа трудодней, выработанных виновным колхозником.

Безусловно, установленный постановлением от 4 апреля 1945 года вид ответственности является более строгим, чем вычет двух трудодней за каждый день простоя лошади и тем более в тех случаях, когда простой лошади является кратковременным. Поскольку постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 4 апреля 1945 г. установило плановые задания и соответствующие мероприятия, способствующие их выполнению, лишь на 1945 год, постольку можно полагать, что и меры дисциплинарного воздействия, указанные в постановлении, были установлены также на 1945 год. Необходимость установления более строгих мер была вызвана усложнившимся положением в сельском хозяйстве во время войны. Итак, следует считать действующими меры, установленные постановлением СМ СССР от 19 апреля 1948 года, как более поздние.

То же самое можно сказать об ответственности за аборт кобыл. Установленную постановлением от 4 апреля 1945 г. форму ответственности следует считать утратившей силу, а требования, выдвинутые в постановлении СМ СССР от 19 апреля 1948 г., т. е. списание с виновного 20 трудодней, считать действующими.

Требуется уточнения также вопрос об ответственности конюха. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. указывает только на то, что в некоторых случаях, указанных в постановлении, конюх несет ответственность вместе с виновным колхозником. Однако постановление ничего не говорит о формах и размерах этой ответственности. Также неясен вопрос, имеет ли постановление в виду судебную материальную ответственность конюха, или же указанную в самом постановлении форму ответственности.

А. А. Рускол и Б. А. Лисковец приходят к выводу, что с конюха также высчитываются трудодни.¹⁵⁵ Ответственность конюха они считают самостоятельной, независимой от ответственности колхозника. Если считать, что постановление имеет в виду дисциплинарную ответственность конюха, то безусловно она яв-

¹⁵⁵ См. А. А. Рускол и Б. А. Лисковец, Колхозное право, изд. III, Москва, 1955, стр. 39; Б. А. Лисковец, Возмещение вреда, причиненного имуществу колхозов, Москва, 1948, стр. 19.

ляется самостоятельной, так как совместная или солидарная дисциплинарная ответственность чужда советскому праву.

Некоторый интерес представляет и вопрос о максимальном количестве трудодней, подлежащих вычету с колхозника, виновного в простое лошади. Хотя в постановлении дословно сказано, что с колхозника удерживается 2 трудодня за каждый день простоя лошади до ее выздоровления, все же, по нашему мнению, такое положение недостаточно конкретное. Возможны случаи, когда лошадь по вине колхозника стоит продолжительное время. Один такой пример приведен А. А. Русколом и Б. А. Лисковцом из судебной практики, где с колхозника высчитано 60 трудодней¹⁵⁶.

Такой неопределенности не допускает трудовое право. Нормами трудового права строго определен порядок удержания с заработной платы и максимальный размер вычета — 20% из суммы причитающейся работнику заработной платы. Только в определенных целях может быть удержано до 50% из суммы заработной платы.¹⁵⁷

В интересах защиты права колхозников на оплату труда следовало бы установить предельные размеры вычета трудодней. Едва ли этот размер может совпадать с размером, установленным нормами трудового права. Поскольку вычет трудодней является видом дисциплинарного взыскания, то следовало бы установить в качестве размера трудодней, которые могут быть списаны с колхозников, не свыше 25% из общего количества трудодней, выработанных колхозником. В постановлении СМ СССР от 19 апреля 1948 г. также установлен принцип, что при невыполнении плана урожайности с колхозника нельзя списать свыше 25% трудодней.

Как видно, меры воздействия, установленные специальными законодательными актами, сравнительно строже, чем меры дисциплинарного воздействия, установленные уставами колхозов. Это и понятно. Специальные меры ответственности установлены законом за более опасные виды нарушения трудовой дисциплины. Поэтому следует прийти к выводу, что за такие виды нарушения трудовой дисциплины, которые предусмотрены в специальном законодательстве, следует применять указанную в соответствующем акте штрафную санкцию, а не меру дисциплинарного взыскания, предусмотренную в уставе колхоза.

При анализе правовой природы мер воздействия, указанных в специальных законодательных актах, возникает также вопрос, являются ли они лишь мерами дисциплинарного взыскания или же одновременно и способом возмещения ущерба. В данном

¹⁵⁶ См. А. А. Рускол и Б. А. Лисковец, Колхозное право, Москва, 1955, стр. 39.

¹⁵⁷ См. Законодательство о труде. Комментарии, Изд. II, Москва, 1954, стр. 200—201.

случае этот вопрос имеет еще большее значение, так как количество трудодней, подлежащее вычету по специальным нормам, может в несколько раз превышать количество тех трудодней, которые списываются по уставу колхоза. Это и позволило некоторым авторам придти к выводу, что возможный, весьма значительный размер такого взыскания говорит за то, «что здесь в едином акте совмещаются дисциплинарное взыскание и возмещение за вред».¹⁵⁸ Для подкрепления своего вывода они приводят еще тот аргумент, что взыскания, предусмотренные, например, в постановлении от 4 апреля 1945 г., применяются не правлением колхоза, в компетенцию которого по общему правилу входит применение дисциплинарных взысканий, а общим собранием членов колхоза.

Следует отметить, что порядок применения мер правового принуждения, в том числе и мер дисциплинарного воздействия, не может являться критерием для определения их правовой природы, а, как уже указано, правовая природа этих мер должна определять порядок их применения.

В установлении определенных процентов вычета трудодней специальными нормами колхозного права И. Т. Голяков видит шаг в сторону того ограничения, которое существует в трудовом праве.

Проф. И. В. Павлов также считает вычет из трудодней должностных лиц колхоза видом материальной ответственности, причем еще ограниченной материальной ответственности. Полной материальной ответственностью он считает взыскание ущерба в судебном порядке.¹⁵⁹

Проф. Павлов безусловно прав, разделяя ответственность должностных лиц колхоза по порядку применения на дисцип-

¹⁵⁸ Советское право в период Великой Отечественной войны, часть I, под ред. И. Т. Голякова, Москва, 1948, стр. 251; И. В. Павлов, Правовые формы управления делами в колхозах, Москва, 1955, стр. 219; С. С. Каринский, рассматривая удержание стоимости конедня за каждый день простоя лошади в совхозах, также находит, что здесь имеет место специальный способ исчисления положительного ущерба совхоза, складывающегося из расходов на лечение, содержание лошади, ухода за нею в течение времени, когда она по вине причинителя ущерба не может быть использована по назначению. См. С. С. Каринский, Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву, Москва, 1955, стр. 115; И. В. Павлов, Л. Н. Баховкина, Право колхозной собственности в СССР, Москва, 1957, стр. 153; По мнению И. А. Козткиной такая форма списания трудодней представляет собой своеобразную форму возмещения ущерба, причиненного имуществу колхоза. См. И. А. Козткина, Материальная ответственность должностных лиц колхоза, Москва, 1957, стр. 86.

¹⁵⁹ См. И. В. Павлов, Правовые формы управления делами в колхозах, Москва, 1955, стр. 227—228; А. Н. Арзамасцев также рассматривает вычет трудодней как своего рода лимитированную или ограниченную ответственность. При этом интересно отметить, что взыскиваемые с колхозника два трудодня за каждый день простоя лошади являются в некоторой степени упущенной выгодой. См. А. Н. Арзамасцев, Охрана социалистической собственности по советскому гражданскому праву, Л., 1956, стр. 171.

линарную, применяемую органами внутривоспитательного управления, административную, применяемую органами государственного управления, и судебную, когда лицо привлекается к ответственности по суду и к нему применяются меры гражданско-правового или уголовно-правового характера.¹⁶⁰ Такое разделение мер правового воздействия действительно существует, однако порядок применения мер правового воздействия еще не определяет их правовой природы. Как мы видели уже раньше, вычет трудодней вообще не зависит от размера ущерба и в некоторых случаях может даже превышать размер ущерба. О какой ограниченной ответственности здесь может быть речь? Мы, конечно, не против определения размеров материальной ответственности колхозников в законодательном порядке, но до сих пор нашим законодательством, к сожалению, такие размеры не установлены.

Мы присоединяемся к мнению тех авторов, которые ответственность колхозников на основании специальных норм права считают также видом дисциплинарной ответственности.

Особый интерес представляет точка зрения Я. Пулка. Он полагает, что при вычете трудодней имеет место специальный вид ответственности — так называемая карательно-материальная ответственность, отличающаяся как от дисциплинарной, так и от судебно-материальной ответственности.¹⁶¹ По его мнению карательно-материальная ответственность (списание трудодней) не может быть способом возмещения ущерба,¹⁶² но в то же время не сочетается также с судебной материальной ответственностью.¹⁶³ По нашему мнению, такое решение вопроса невозможно. Если не считать карательно-материальную ответственность способом возмещения ущерба, то должно быть допущено возмещение ущерба в судебном порядке. Если не допустить возмещения ущерба в судебном порядке, то, следовательно, уже применением карательно-материальной ответственности возмещается ущерб.

Нельзя согласиться с мнением Я. Пулка, согласно которому ответственность колхозников является дисциплинарной и материальной, а материальная ответственность в свою очередь разделяется на судебно-материальную и карательно-материальную ответственность. По нашему мнению, материальная ответственность является единой и никаких видов не имеет. Но дисциплинарная ответственность является двойкой, т. е. чисто дисциплинарной ответственностью и ответственностью, носящей штрафной характер.

Неудачны также приведенные Я. Пулком признаки, отличаю-

---

¹⁶⁰ См. И. В. Павлов, Правовые формы управления делами в колхозах, Москва, 1955, стр. 219.

¹⁶¹ См. Я. Пулк, Указан. произвед., стр. 24.

¹⁶² См. Я. Пулк, Указан. произвед., стр. 24.

¹⁶³ См. Я. Пулк, Указан. произвед., стр. 25.

щие по его мнению карательно-материальную ответственность от дисциплинарной. Он приводит три таких признака. Первый состоит в том, что дисциплинарная ответственность применяется на основании Устава в случае нарушения колхозником трудовой дисциплины или Устава артели, или в случае невыполнения колхозником своих обязанностей по охране социалистической собственности, тогда как карательно-материальные санкции применяются либо за причиненный ущерб, либо за невыполнение должностного задания (в отношении должностных лиц).

Второй отличительный признак, по его мнению, заключается в том, что применение или неприменение дисциплинарных взысканий зависит от усмотрения правления, применение же карательных санкций, как правило, обязательно для колхоза.

Третий признак состоит в том, что для применения дисциплинарных взысканий принципиально не требуется наличия вредных последствий, а для применения карательных санкций необходимо наличие конкретных вредных последствий или убытков.¹⁶⁴

Прежде всего, из приведенных признаков первый и третий по существу совпадают.

Не совсем ясно, какие убытки или вредные последствия имеет в виду Я. Пулк для применения так называемых карательно-материальных санкций. Прежде всего следует указать, что всякое нарушение трудовой дисциплины влечет за собой вредные последствия, поскольку для правонарушения всегда характерна большая или меньшая общественная вредность. Поэтому неправильно утверждать, что для применения дисциплинарных взысканий не требуется наличия вредных последствий. Другое дело, что не требуется наличия прямого ущерба. Остается также неясным, наличие каких убытков для применения карательно-материальной ответственности требует Я. Пулк. Если имеется в виду прямой ущерб в имуществе, то для применения так называемых карательно-материальных санкций совсем не обязательно наличие прямого ущерба. Карательно-материальные санкции могут применяться и без всякого прямого ущерба. Так, например, простой лошади не всегда влечет за собой нанесение прямого ущерба имуществу колхоза. Однако правление колхоза имеет право и за такой вид простоя лошади списать трудодни с виновного колхозника и, как мы уже указывали, карательно-материальные санкции следовало бы применять только в таких случаях.

Таким образом, Я. Пулк не нашел достаточно убедительных признаков, отличающих так называемую карательно-материальную ответственность от дисциплинарной и доказывающих, что первая является специальным видом материальной ответственности.

¹⁶⁴ См. Я. Пулк, Указан. произвед., стр. 24—25.

Подводя итоги сказанному, можно прийти к выводу, что приведенные в специальных законодательных актах виды ответственности колхозников не являются способом возмещения ущерба и вместе с тем и видом материальной ответственности. Они являются лишь мерами дисциплинарного воздействия, носящими штрафной характер и подлежащими применению лишь в случаях, указанных в акте.

По нашему мнению, правильно предложение Я. Пулка, что указанный вид ответственности не должен сочетаться с судебно-материальной ответственностью. Мы предложили бы применять указанные санкции только тогда, когда данное нарушение трудовой дисциплины не повлекло за собой прямого ущерба, но имеет довольно серьезный характер. Но если данное нарушение трудовой дисциплины причиняет еще и прямой ущерб имуществу колхоза, то он должен взыскиваться в судебном порядке, если колхозник добровольно его не возмещает. Меры дисциплинарного взыскания штрафного характера наряду с возмещением ущерба неприменимы, но применимы меры воздействия чисто дисциплинарного характера. Мотивы здесь те же самые, которые мы привели уже при рассмотрении штрафных санкций, содержащихся в уставе колхоза.

Глава IV

ОБЪЕМ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОЛХОЗНИКОВ И ПОРЯДОК ВЗЫСКАНИЯ УЩЕРБА

§ 1. Объем материальной ответственности колхозников

Как показывает предыдущий анализ, центральным вопросом в комплексе всех вопросов материальной ответственности колхозников является вопрос об объеме ответственности. В случаях, когда материальная ответственность колхозников регулируется нормами гражданского кодекса (договорная ответственность и ответственность за вред, причиненный вне исполнения трудовых функций), объем ответственности также устанавливается нормами этого кодекса. Если же принцип полного возмещения всего положительного ущерба, и даже упущенной выгоды, в этих случаях причинения ущерба не вызывает возражений, то более сложен вопрос об ограничении материальной ответственности колхозников за ущерб, причиненный в процессе труда.

Здесь прежде всего встает вопрос о том, есть ли необходимость устанавливать в колхозном праве вид повышенной материальной ответственности. Рассмотрев различные встречающиеся в практике случаи причинения ущерба имуществу колхоза, мы не находим возможным указать, в каких из них было бы целесообразно и необходимо установить повышенную материальную ответственность. Действующее колхозное законодательство устанавливает повышенную материальную ответственность только в исключительных случаях. Колхозная собственность является все еще групповой собственностью, которой распоряжаются сами колхозники. Следует также учесть, что состояние колхозной собственности отражается на доходах самих колхозников, тогда как этого нет в государственных предприятиях. Причинение ущерба имуществу колхоза одновременно является косвенным причинением ущерба доходам колхозника. Исходя из этого нет надобности устанавливать для членов колхоза такие исключительные виды ответственности как повышенная материальная ответственность. От повышенной материальной ответственности рабочих и служащих отказался и проект «Основ законодательства о труде Союза ССР и союз-

ных республик».¹⁶⁵ Конечно, это не означает, что специальным постановлением правительства не может быть установлена повышенная материальная ответственность колхозников в исключительных случаях, т. е. тогда, когда этого потребует конкретная обстановка. Так, например, во время войны в связи с исключительной обстановкой была установлена повышенная материальная ответственность за гибель скота.

При дифференциации материальной ответственности прежде всего следовало бы учесть условия работы, в которых причинен ущерб. Нет сомнения, что в колхозах существуют такие условия работы, при которых, кроме всего остального, следует учитывать и нормальный хозяйственный риск, за который колхозник не должен нести ответственности. Но в то же время имеются и особые условия работы, когда колхознику предоставлены значительные права по распоряжению вверенным ему имуществом. Уже сам характер работы колхозника таков, что ему приходится иметь дело с материальными ценностями, поэтому его прямой обязанностью является принятие мер и создание условий для полной сохранности материальных ценностей. Безусловно, небрежность в работе в таких условиях чаще всего влечет за собой недостатки или другие виды ущерба.

При дифференциации материальной ответственности должно быть учтено и хозяйственное значение объекта колхозной собственности, непосредственно пострадавшего от причинения ущерба. Так, например, основные средства несомненно имеют большее значение в колхозном производстве, чем мелкий хозяйственный инвентарь. Повышенная осторожность должна быть проявлена и в отношении семенных фондов и др.

Большое значение имеет также и общественная вредность действий причинителя вреда и степень его вины.

Исходя из всего вышеуказанного, нам представляется, что необходимо установить принцип, согласно которому колхозник за ущерб, причиненный в процессе колхозного производства, несет только ограниченную материальную ответственность, если иное не установлено законом. Ограниченная материальная ответственность должна быть установлена в случаях причинения ущерба: 1) инвентарю и орудиям производства; 2) в животноводстве небрежным уходом за скотом, 3) в случаях уменьшения, порчи или уничтожения колхозной продукции и др.

Полную материальную ответственность следовало бы установить: во-первых, когда ущерб причинен основным средствам колхозного производства. К ним прежде всего относятся тракторы и комбайны, закрепленные по акту за трактористами и машинистами. В случаях повреждения, уничтожения и т. п. этих объектов последствия выражаются не только в прямом ущербе, но и в упущенной выгоде, которую невозможно даже определить. Колхозник, которому передан трактор, должен не только

¹⁶⁵ См. «Социалистическая законность», 1959, № 10.

бережно относиться к нему, но и принимать все меры, чтобы машина всегда была в полном порядке.

Во-вторых, когда ущерб причинен путем умышленного повреждения, уничтожения, допущения гибели скота или иного имущества. На наш взгляд следует строго разграничивать объем ответственности в зависимости от того, причинен ли ущерб небрежностью в работе или уходе за скотом, или же он причинен умышленными действиями.

В наших колхозах еще встречаются отдельные случаи недопустимого отношения к скоту. В воспитательных целях следовало бы за подобные действия установить более строгую материальную ответственность.

В-третьих, когда ущерб причинен материально ответственными лицами. В полном размере должны нести ответственность лица, которым передано на хранение колхозное имущество. Прежде всего, полную материальную ответственность должен нести кладовщик колхоза, затем кассир, бригадир и заведующие фермами.

В-четвертых, полную материальную ответственность должны нести лица, получившие средства колхоза в порядке аванса для выполнения различных сделок, а также лица, которым передано колхозное имущество (продукты) для реализации на рынке.

В-пятых, полную материальную ответственность должны нести лица, причинившие ущерб вне трудовых функций, и

в-шестых, лица, причинившие ущерб в результате совершения деяния, содержащего признаки уголовного преступления.

В настоящее время постановлением Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам» установлена повышенная материальная ответственность лиц, виновных в хищении крупного рогатого скота, свиней, овец, коз и лошадей. Это является основным видом повышенной материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхоза.

Целесообразно ли сохранить повышенную материальную ответственность и в дальнейшем, будет зависеть от распространения подобных дел в судебной практике.

Говоря об объеме ответственности, нельзя не коснуться ст. 411 ГК, обязывающей суды при определении ущерба, подлежащего возмещению, учитывать имущественное положение потерпевшего и причинителя вреда. На наш взгляд она должна сохраниться и в дальнейшем. Однако считается, что ст. 411 ГК применима только тогда, когда материальное положение потерпевшего и причинителя вреда поддается единому соизмерению. Поэтому Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда» в п. 13 подчеркнул, что: «Указания ст. 411 ГК РСФСР и

соответствующих статей ГК других союзных республик о принятии во внимание имущественного положения потерпевшего неприменимы в тех случаях, когда потерпевшими являются государственные, кооперативные и общественные учреждения, предприятия или организации»¹⁶⁶. Поскольку колхоз, как потерпевший, является кооперативным предприятием, некоторые авторы пришли к выводу, что при определении размера ущерба, причиненного колхозником имуществу колхоза, ст. 411 ГК неприменима¹⁶⁷.

Г. Добровольский, приводя положение об установлении размера ущерба по трудовому праву, где возмещению подлежит только прямой ущерб, учитывается конкретная обстановка и материальное положение работника, где, как правило, ограничивается ответственность пределами одной трети тарифной ставки работника, правильно заявляет, что эти положения не могут не учитываться и при разрешении колхозных дел¹⁶⁸. Следует также иметь в виду, что сам Пленум Верховного суда СССР в более позднем постановлении от 5 мая 1950 г. прямо предлагает судам определять объем причитающихся колхозу возмещений с учетом конкретной обстановки, при которой был причинен ущерб, а также материального положения колхозника (ст. ст. 410 и 411 ГК РСФСР). То же самое положение приводится и в постановлении от 26 марта 1960 г.

По пути применения ст. 411 ГК пошла и судебная практика. Бывшее Министерство юстиции СССР в составленном обзоре судебной практики по делам о возмещении вреда, причиненного колхозниками имуществу колхозов, от 17 ноября 1955 г. указывало, что при применении ст. 411 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик народные суды, как правило, принимая во внимание состав семьи ответчика, наличие в собственности колхозного двора, членом которого он состоит, дома и скота, не выясняли заработка колхозника в колхозе.

Между тем, выяснение заработка колхозника в колхозе имеет особенно важное значение, поскольку этот заработок является основным источником существования колхозников.

Некоторые народные суды, в том числе и в Эстонской ССР, снижали размер возмещения за ущерб при отсутствии в материалах дела каких-либо сведений о материальном положении ответчика.

¹⁶⁶ Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР, 1924—1944, Москва, 1946, стр. 177.

¹⁶⁷ См. Б. А. Лисковец, Возмещение вреда, причиненного имуществу колхоза, Москва, 1948, стр. 16; А. А. Рускол, Б. А. Лисковец, Судебное рассмотрение дел о возмещении ущерба, причиненного колхозам увечьем или гибелью скота, «Социалистическая законность», 1951, № 12, стр. 56; О. А. Кичатова, Указ. произв., стр. 138.

¹⁶⁸ См. Г. Добровольский, Охрана имущественных прав колхозов и колхозников, «Социалистическая законность», 1955, № 1, стр. 9.

§ 2. Порядок установления и взыскания ущерба

В едином законодательном акте о материальной ответственности колхозников следовало бы также уточнить вопрос о восстановлении прежнего состояния и вопрос о взыскании денежной компенсации при невозможности восстановления прежнего состояния.

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 26 марта 1960 г. устанавливает ряд случаев, когда суды обязаны прежде всего рассматривать вопрос об удовлетворении иска колхоза в натуре, и только при невозможности взыскания задолженности натурой взыскивать денежную компенсацию. В натуре взыскиваются: 1) семена, фураж и другое колхозное имущество, данное колхозами взаем другим колхозам или государственным и общественным организациям; б) продукты, скот, имущество, полученные организациями и отдельными лицами от колхозов без оплаты или по явно заниженной цене с нарушением Устава сельскохозяйственной артели; в) урожай или сено, самовольно снятые с колхозных земель. Удовлетворение исков колхозов, вытекающих из договорных отношений, означает осуществление принципа реального исполнения договора, а при причинении ущерба — осуществление принципа восстановления прежнего состояния. Стремление к созданию возможностей осуществления принципа восстановления прежнего состояния содержится и в законодательстве. Так, например, постановлением Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам»¹⁶⁹, установлены размеры возмещения убытков и одновременно рекомендовано правлениям колхозов предоставлять возможность лицам, виновным в гибели лошадей, крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, возмещать причиненный ущерб путем сдачи в натуре колхозу равноценного скота.

Некоторые авторы при анализе указанного постановления пришли к выводу, что в нем установлена так называемая альтернативная ответственность колхозников, т. е. колхозник «всегда может выбирать и либо выплатить установленную законом стоимость погибшего животного, либо дать взамен равноценный скот»¹⁷⁰.

Такой вывод по нашему мнению является неправильным по следующим соображениям. Как известно, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. была установлена ответственность колхозников, виновных в гибели лошадей, в размере трехкратной их стоимости по заготовительным ценам, а за ущерб, причиненный гибелью иного скота, в размере трехкратной стоимости по предельно-закупочным ценам. При примене-

¹⁶⁹ См. Справочник по законодательству и судебной практике по отдельным категориям гражданских дел, Москва, 1954, стр. 78.

¹⁷⁰ См. Я. Пуляк, Указ. произв., стр. 26.

нии требований постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. судебная практика не учитывала ст. 411 ГК. Так, например, Верховный суд СССР своим постановлением от 19 августа 1944 г. отменил одно решение народного суда потому, что народный суд, на основании ст. 411 ГК, отказал в удовлетворении иска колхоза к колхозникам. Верховный суд СССР указал, что суд должен был присудить с виновных трехкратную стоимость коровы по предельно-закупочным ценам¹⁷¹.

Совершенно неясным в судебной практике был вопрос, можно ли допустить замену погибшего скота равноценным? Одни суды считали, что колхозник такой сдачей возмещает причиненный ущерб полностью, другие, что колхозник этим возмещает только однократную стоимость погибшего по его вине скота¹⁷². Однако Пленум Верховного суда СССР своим постановлением от 16 ноября 1951 г. уже допустил возможность полного возмещения ущерба путем сдачи взамен погибших животных равноценных по качеству.

Представляется, что рекомендация Совета Министров СССР правлениям колхозов, содержащаяся в постановлении от 17 февраля 1954 г., о предоставлении возможности лицам, виновным в гибели скота, возмещать путем сдачи колхозу равноценного в натуре скота, вызвана именно неясностью в судебной практике. Это требование сформулировано в виде рекомендации, потому что не всегда у колхозника имеется возможность заменить погибший скот равноценным. Но если колхозник до рассмотрения дела в народном суде не заменил погибшее животное равноценным, а в суде заявляет, что у него такая возможность имеется, то народному суду нет никаких оснований удовлетворять иск путем взыскания стоимости скота и он должен удовлетворить иск в натуре, т. е. восстановить прежние состояние.

На наш взгляд, установленный ст. 410 принцип восстановления прежнего состояния безоговорочно неприменим в отношении колхозников. Большинство случаев причинения ущерба имуществу колхозов его членами, а иногда и нечленами, являются такими, где можно взыскивать только денежную компенсацию. Кроме того, в настоящее время возвращение колхозу фуража, скота, семян и пр. не имеет такого значения, какое имело в первые годы после войны. Однако было бы неправильным устанавливать только один принцип — возмещение ущерба в виде денежной компенсации. По нашему мнению, в будущем законодательстве нет надобности перечислять случаи, когда обязательство непременно следует выполнять в натуре. Представляется достаточным установить общий принцип, заключающийся в том, что причиненный ущерб взыскивается в виде денежной компенсации

¹⁷¹ См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1944, вып. VIII, стр. 21.

¹⁷² См. А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, М.—Л., 1954, стр. 196—198.

в таких случаях, когда причинитель ущерба не выражает желания возместить ущерб натурой.

Действующее законодательство устанавливает различные цены для установления денежной компенсации. Постановлением Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам» сумма убытков определяется, как общее правило, по закупочным ценам и лишь по отдельным видам скота (племенной скот и лошади) по ценам, установленным для данного вида скота. Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 26 марта 1960 г., в случаях взыскания стоимости продукции, фуражка и скота, купленных у колхозов различными организациями по заключенным договорам, цены устанавливаются соглашением сторон, а при даче имущества колхоза во временное пользование, стоимость его взыскивается по государственному розничным ценам и лишь только тогда по рыночным ценам, когда на продукты не установлены государственные розничные цены.

По государственным розничным ценам взыскивается также стоимость продуктов, скота и другого имущества, полученного организациями или отдельными лицами от колхозов без оплаты или по явно заниженной цене в нарушение Устава сельскохозяйственной артели, а в тех случаях, когда для имущества нет государственных розничных цен, по ценам, существующим на рынке данной местности на день предъявления иска.

Таким образом, для установления денежной компенсации суды в настоящее время принуждены использовать: государственные закупочные цены, установленные правительством цены на лошадей и племенной скот, государственные розничные цены и рыночные цены.

Такое многообразие в установлении денежной компенсации себя не оправдывает, как не оправдывает себя и установление денежной компенсации по рыночным ценам. Все это только создает трудности в работе народных судов и приводит к ошибочным решениям. Даже если иметь в виду интересы колхозов, такое многообразие тоже ничего не дает. Разница между рыночными и государственными закупочными ценами бывает иногда незначительная.

В настоящее время колхозы реализуют основную массу своей продукции в порядке государственных закупок, а не на колхозном рынке. Установление исковой суммы по рыночным ценам имело значение в тот период, когда рыночные цены были выше закупочных, и когда колхозы большую часть своей продукции реализовали на колхозном рынке.

Представляется целесообразным установить в законодательном акте о материальной ответственности колхозников (а также в других актах), что денежная компенсация за причинение ущерба определяется по государственным закупочным ценам, за

исключением случаев, когда специальными актами установлены другие цены, или когда не установлены государственные закупочные цены на некоторые виды продукции. Сюда относятся: племенной скот, продовольственные и промышленные товары, где по постановлению Совета Министров СССР от 10 февраля 1948 г. ущерб взыскивается в размере стоимости товаров по государственным розничным ценам. Сюда должны быть отнесены также сельскохозяйственный инвентарь, горючее и другие товары.

В новом законодательном акте требуется также уточнение порядка взыскания ущерба. В связи с дополнением своих уставов колхозы настаивают на том, чтобы им было предоставлено право самим удерживать из заработной платы колхозников или нечленов колхоза причиненный ими ущерб либо в полном объеме, либо в определенных размерах, без предъявления иска в народный суд. Такой порядок имеет свои положительные стороны. Колхозу не нужно будет начинать довольно сложный судебный процесс из-за незначительной суммы, и вместе с тем повысится авторитет органов внутриколхозного управления, а у колхозников — чувство ответственности.

Интересно отметить, что по Примерному уставу единых сельскохозяйственных производственных кооперативов Чехословацкой Республики, принятому 15 мая 1959 года, органам управления кооперативов дано право удерживать убытки, причиненные кооперативу его членами, в размере до 500 чехословацких крон. Закон «О сельскохозяйственных производственных кооперативах» Германской Демократической Республики от 3 июня 1959 года дает кооперативам право удерживать из заработной платы членов причиненные ими убытки до 300 германских марок с таким расчетом, чтобы из заработной платы члена кооператива не удерживалось более 50% причитающегося аванса.

У нас в настоящее время такое право колхозам не предоставлено, хотя, как уже отмечалось, практика колхозов уже пошла по такому пути. Судебная практика также требует, чтобы суды учитывали, каким образом разрешен спор о возмещении ущерба — общим собранием, или собранием уполномоченных, и если до рассмотрения иска в суде органами колхоза вопрос вообще не обсуждался, то производство по делу применительно к пункту «д» ст. 113 ГПК РСФСР приостанавливается до разрешения этого вопроса самим колхозом¹⁷³. Пленум в своем постановлении от 26 марта 1960 г. также требует, чтобы вопрос привлечения колхозника к материальной ответственности решался компетентными органами колхоза до обращения к суду.

Как нам кажется, вопросы возмещения ущерба, причиненного

---

¹⁷³ См. Г. Добровольский, Гражданские колхозные дела в суде, «Советская юстиция», 1959, № 8, стр. 53.

вне трудового процесса в случаях спора, следовало бы рассматривать только судебным порядком. Если же ущерб имуществу колхоза причинен в процессе труда, то вопрос об удержании ущерба должен бы решаться правлением в течение установленного срока. Решение правления должно быть доведено до сведения колхозника и по истечении установленного законом срока ущерб должен удерживаться, если колхозник не возражает против оснований или размера ущерба. При несогласии колхозника, ущерб взыскивается только через суд.

В законодательном акте следует также установить максимальные размеры удержания, которые могут быть произведены из месячного аванса колхозника или его денежной оплаты.

Глава V

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕЧЛЕНОВ КОЛХОЗА ЗА ПРИЧИНЕНИЕ УЩЕРБА ИМУЩЕСТВУ КОЛХОЗОВ

Ущерб имуществу колхоза может быть причинен и посторонними лицами, как физическими, так и юридическими.

При разработке вопросов о материальной ответственности посторонних лиц необходимо учитывать, при каких условиях был причинен ущерб имуществу колхоза.

На основании ст. 13 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 г. колхоз имеет право нанимать со стороны рабочую силу. Особенно возросло значение участия нечленов колхоза в колхозном производстве в настоящее время, когда колхозы стали многоотраслевыми хозяйствами, в которых необходимо использовать различных специалистов. Кроме того, в связи с большим размахом строительных работ в колхозах, они используют и строительных работников.

Не вдаваясь в спор о характере возникающих правоотношений, мы присоединяемся к мнению авторов, которые относят отношения между колхозом и рабочими со стороны, возникающие при проведении процесса труда в колхозах, к трудовым правоотношениям и требуют оформления этих отношений трудовым договором. Хотя на практике такие отношения иногда не оформляются письменным трудовым договором, решение общего собрания или правления колхоза и согласие рабочего следует приравнять к заключению трудового договора.

Встает вопрос, на основании каких норм права должны нести ответственность рабочие и служащие, работающие в колхозах на основе трудового договора и договора подряда, и причинившие ущерб имуществу колхоза в связи с выполнением ими договорных обязательств.

Действующее трудовое законодательство устанавливает три вида материальной ответственности рабочих и служащих: ограниченную, полную и повышенную. Полная материальная ответственность наступает только в случаях, когда ущерб причинен действиями работников, содержащими признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке; когда специальным законом

на работника возложена полная, либо повышенная имущественная ответственность; когда между работником и нанимателем имеется особый письменный договор и когда ущерб причинен не при исполнении служебных обязанностей¹⁷⁴. При отсутствии прямых указаний в законе рабочий или служащий несет ответственность за причиненный имуществу предприятия ущерб в размере действительного ущерба, но не свыше одной трети тарифной ставки своей заработной платы.

Дифференциация размера ответственности является одним из отличительных признаков ответственности по нормам трудового права от гражданско-правовой ответственности¹⁷⁵.

Поскольку члены колхоза по действующему законодательству несут полную материальную ответственность в пределах всего положительного ущерба, то рабочие и служащие, работающие в колхозе по трудовому договору, находятся в ином, более благоприятном по сравнению с колхозниками, положении.

Такое положение на наш взгляд является ненормальным. Нет основания устанавливать более высокую ответственность за одни и те же действия только по признаку социального положения причинителя. Если различия в формах собственности дают некоторые основания дифференциации объема ответственности, то общее положение в действующем законодательстве обратное, т. е. государственная собственность защищается более строгими правовыми средствами, чем колхозная собственность.

Для решения поставленного вопроса имеются две возможности: 1) исходить из правового положения рабочих и распространить на работающих в колхозе рабочих и служащих нормы трудового права и приблизить к указанному порядку также ответственность колхозников; 2) исходить из правового положения колхозной собственности и распространить на рабочих и служащих единые с колхозниками правила материальной ответственности.

Как уже показано, требуются некоторые коррективы именно в вопросе материальной ответственности колхозников. Мы обратили также внимание на то, что при установлении новых норм материальной ответственности колхозников не следует автоматически принимать нормы трудового права. Особенности материальной ответственности обусловлены характером колхозной собственности и особенностями ее правового режима.

Например, нецелесообразно сохранение такого положения, когда работающие в колхозе рабочие и служащие по-прежнему

¹⁷⁴ См. ст. 83 2 Постановления ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г. и ст. 831 КЗоТ РСФСР.

¹⁷⁵ О других отличительных чертах материальной ответственности по трудовому праву от гражданско-правовой ответственности см. С. С. Каринский, Об отличии материальной ответственности по трудовому праву от гражданско-правовой ответственности за ущерб, «Советское государство и право», 1955, № 5, стр. 83—90.

несут материальную ответственность по одним нормам и размерам, а колхозник — по другим. Так, например, какие имеются по существу основания регулировать материальную ответственность агронома или зоотехника — не членов колхоза — на других основаниях, чем агронома или зоотехника — членов колхоза? У обоих права и обязанности одинаковые, и оба они в одинаковой степени должны соблюдать предусмотрительность в обеспечении сохранности и увеличении колхозной собственности.

Если вопросы ответственности членов колхоза будут урегулированы соответствующим образом и с учетом практики трудового права, то мы бы предложили распространить соответствующий порядок ответственности и на рабочих и служащих, работающих в колхозе.

Указанный акт об установлении единой материальной ответственности должен распространяться только на такие случаи причинения ущерба имуществу колхоза рабочими и служащими, когда этот ущерб причинен в процессе выполнения ими трудовых обязанностей, тогда, когда рабочий или служащий действительно находится в трудовых правоотношениях с колхозом.

Это не исключает материальной ответственности рабочих и служащих по нормам гражданского права. Прежде всего сюда относятся случаи, когда ущерб рабочим или служащим, находящимся в трудовых отношениях с колхозом, причинен вне исполнения им трудовых функций в колхозе, а также случаи, когда между причинителем ущерба (в данном случае рабочим или служащим) и колхозом отсутствуют всякие правоотношения. На указанные случаи должны распространяться нормы гражданского права о деликтной ответственности.

На такой же позиции стоит и редакционная коллегия журнала «Социалистическая законность»¹⁷⁶, а также судебная практика. Так, например, колхозом им. В. И. Ленина Тартуского района был предъявлен иск к гражданину Я., работающему в колхозе на основании договора. При получении заработной платы Я. подделал подпись рабочего С. и получил его заработную плату. С колхоза было взыскано в пользу С. 998,80 руб., а колхоз в свою очередь предъявил иск к Я. Несмотря на то, что Я. находился с колхозом в трудовых отношениях, народный суд квалифицировал иск колхоза по ст. 403 ГК, так как ущерб был причинен вне исполнения трудовых обязанностей.

Ответственность нечленов колхоза перед колхозом может быть и договорной ответственностью, установленной нормами гражданского кодекса. Так, например, гр-н О. нанимал за определенное вознаграждение у колхоза им. В. Кингисеппа Тартуского района грузовую автомашину, но впоследствии полагаю-

¹⁷⁶ См. «Социалистическая законность», 1953, № 1, стр. 94 и 1952, № 5, стр. 39.

шуюся за пользование плату не внес. Народный суд Тартуского района при рассмотрении настоящего дела руководствовался ст. ст. 17 и 174 ГК.

Чаще всего между колхозом и нечленом колхоза заключаются договоры порядка, ответственность за нарушение которых предусмотрена в ст. ст. 220—234 ГК¹⁷⁷.

Но нечлены колхоза могут участвовать в колхозном производстве и на иных основаниях. Мы имеем здесь в виду «мобилизацию» городского и сельского населения на сельскохозяйственные работы на основании специальных постановлений правительства и шефской работы в колхозах.

Так, например, постановлением Совета Министров СССР от 4 августа 1954 г., совместным постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 4 июня 1957 г.¹⁷⁸ и другими, Советам Министров республик было предоставлено право (также крайисполкомам и облисполкомам) привлекать в случае необходимости на уборку урожая сельскохозяйственных культур и для других работ трудоспособное сельское население и население городов без ущерба для работы государственных предприятий и строек.

Постановлениями с 1958 г. было установлено, что рабочие и служащие, направленные на сельскохозяйственные работы в колхозы, сохраняют 50% заработной платы по месту своей работы. За трудодни колхоз платит им наравне со всеми колхозниками с обеспечением аванса, но не менее, чем 6 рублей за трудодень.

Возникает вопрос, на основании каких норм отвечают рабочие и служащие, направленные своим предприятием или учреждением на сельскохозяйственные работы по постановлению правительства, если они своими действиями причиняют ущерб имуществу колхоза?

Представляется, что при привлечении городского населения на сельскохозяйственные работы на основании специального постановления правительства, трудовые отношения между предприятием и рабочими не прекращаются. Постановлением лишь временно изменяются их трудовые функции и место работы. Свои трудовые обязанности рабочий или служащий выполняет не на предприятии, а, временно, в колхозе. Распоряжения предприятия для рабочих и служащих являются обязательными.

Поскольку в правовом положении рабочего или служащего ничего не изменяется, не должен изменяться и порядок их материальной ответственности. Единственным изменением здесь является то обстоятельство, что ущерб причиняется не тому предприятию, где рабочий работает постоянно, а колхозу, где он работает временно. Поэтому, в случаях причинения ущерба

¹⁷⁷ Вопрос разграничения договора подряда от трудового договора в колхозах является специальным вопросом. Из-за отсутствия возможности он в данной работе не исследуется.

¹⁷⁸ См. Бюллетень текущего законодательства за июнь 1957 г., стр. 13.

колхозу, рабочие или служащие должны нести ответственность перед колхозом по нормам трудового права.

Вторым способом оказания помощи городом сельскому хозяйству является шефская помощь. Шефские отношения государственных предприятий и учреждений с колхозами у нас не регулируются нормами права. На практике они складываются на добровольных началах и координируются городскими исполкомами и горкомками. Исполкомы и горкомы обыкновенно закрепляют колхозы за отдельными государственными предприятиями или учреждениями.

На основе добровольного соглашения стороны этого соглашения обязуются всячески укреплять дружеские отношения. Государственные предприятия обязуются помогать колхозам в поднятии культурного уровня широких масс колхозников, проводить политико-воспитательную работу в колхозах, а также в необходимых случаях помогать колхозам рабочей силой. Чаще всего государственные предприятия помогают колхозам электрифицировать животноводческие фермы, мастерские, строить помещения, механизировать животноводческие фермы, осуществлять мелиоративные и землеустроительные работы, а иногда, в горячую пору, принимают участие в полевых работах. Такого рода соглашения не предусматривают никаких правовых санкций за невыполнение или ненадлежащее выполнение взятых обязательств, однако это не означает, что взятые обязательства не следует выполнять. XX съезд КПСС особо отметил необходимость проверять и обеспечивать выполнение взятых на добровольных началах обязательств. Выполнение государственных учреждений и предприятиями обязательств в порядке шефской помощи обеспечивается, прежде всего, высокой сознательностью всего коллектива, нормами социалистической морали, мерами общественного воздействия, критикой и самокритикой.

Однако в данном случае обязательства ложатся не на отдельных работников, а на весь коллектив в целом, и администрация обязана организовать и обеспечить их выполнение. Поэтому общественное мнение, меры общественного воздействия при невыполнении взятых обязательств прежде всего направлены против всего коллектива, против государственного учреждения или предприятия.

При осуществлении работ в колхозе в порядке шефской помощи, между колхозом и отдельными работниками никаких правовых отношений не возникает. Обычно на практике и руководство коллективом шефов, работающим в колхозе, осуществляет один из членов коллектива, и только общее руководство находится в руках бригадира полеводческой, строительной или какой-либо иной бригады колхоза. Сельскохозяйственный инвентарь или строительные материалы обычно не закрепляются за конкретными работниками, а выдаются всему коллективу.

Возникает вопрос: кто несет материальную ответственность, если шефами причиняется ущерб имуществу колхоза?

С. О. Иоффе приходит к выводу, что при работе в порядке шефства между колхозом и предприятием или учреждением нет правовых отношений, и поэтому ущерб, причиненный имуществу колхоза, может взыскиваться в общем порядке с конкретного виновника причиненного ущерба¹⁷⁹. Нам также кажется, что это единственная возможность решения данного вопроса.

Наряду с общими нормами гражданского и трудового права, регулирующими материальную ответственность за причинение ущерба колхозу, существуют и некоторые специальные нормы, регулирующие ответственность за некоторые конкретные виды причинения ущерба имуществу колхоза нечленами колхоза. Прежде всего здесь следует иметь в виду указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 г. «Об ответственности за потравы посевов в колхозах и совхозах»¹⁸⁰. Упомянутый указ устанавливает ответственность как колхозников, так и рабочих, служащих и других граждан, а также организаций и предприятий — владельцев скота. По указу владельцы скота обязаны возместить колхозу ущерб, нанесенный потравами, и, кроме этого, уплатить штраф в установленных размерах. Указ устанавливает ответственность не только владельцев скота, но и пастухов, конюхов, чабанов и других работников ферм, на ответственности которых находится колхозный скот, скот совхоза или другого государственного или общественного хозяйства.

Таким образом, если скот совхоза или иного государственного или общественного хозяйства передан на ответственность отдельных работников, то прежде всего отвечают виновные в потравах работники государственных или общественных хозяйств. В тех же случаях, когда скот специально не передан на ответственность отдельных конкретных работников, отвечает владелец скота — юридическое или физическое лицо.

Пункт «г» этого указа устанавливает ответственность за проезд по посевам или насаждениям и налагает ответственность на виновных в этом лиц. С виновных взимается штраф за проезд по посевам или насаждениям — на гужевом транспорте в размере до 50 рублей, а за проезд на автомобиле, тракторе, комбайне и других машинах — до 100 рублей.

За такие виды потравы указом установлен только штраф. О возмещении ущерба в данном случае не говорится. Означает ли это, что колхоз в случаях потравы транспортом не имеет права на возмещение причиненных убытков? Поскольку указ возмещения ущерба не устанавливает, некоторые авторы пришли к выводу, что при потравах колхозных полей транспортом

¹⁷⁹ См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Ленинград, 1955, стр. 268.

¹⁸⁰ См. «Известия» от 19 января 1955 г.

причиненный ущерб на основе указа от 11 января 1955 г. возмещению не подлежит.¹⁸¹ Между тем, проезды на транспорте могут причинить колхозу ущерб в еще больших размерах, чем потравы скотом. Поэтому мы полагаем, что колхоз имеет право взыскивать убытки и с тех лиц, кто является виновниками в проезде по посевам или насаждениям. В этих случаях возмещение убытков происходит на основе ст. 403 ГК.¹⁸²

На наш взгляд, права И. А. Коэткина, полагая, что при определении ответственности владельцев средств транспорта суд должен руководствоваться ст. 403, а не ст. 404 ГК, поскольку в данном случае ущерб причиняется не вследствие проявления тех свойств, которые позволяют относить указанные транспортные средства к разряду источников повышенной опасности.¹⁸³

По нашему мнению, нет также основания предъявлять иск об убытках к владельцам источника повышенной опасности. Иск следовало бы предъявлять непосредственно к водителям транспорта, как лицам, виновным в совершении потравы. Если отсутствует вина водителя транспорта, то отпадает и ответственность как по указу, так и за ущерб по нормам гражданского права. То обстоятельство, что средства транспорта могут относиться к источникам повышенной опасности, в данном случае значения не имеет, так как ущерб причиняется не действием источника повышенной опасности, а всегда только действием водителя.

Указ не регулирует вопроса о том, по каким ценам надлежит устанавливать размер ущерба, причиненного потравой. Верховный суд СССР придерживается практики, согласно которой, в случае удовлетворения иска, суды должны обязывать ответчиков возместить ущерб от потравы в натуре и лишь при невозможности взыскать натурой взыскивать стоимость потравленного по рыночным ценам¹⁸⁴. Хотя по установленному указом порядку ущерб взыскивается не народным судом, а в административном порядке, это изменение не должно влиять на порядок установления размера ущерба в случаях невозможности удовлетворить иск в натуре. Никакого указания по этому вопросу не дал Пленум и в постановлении от 26 марта 1960 г., и здесь на наш взгляд следовало бы исходить из общего положения.

Указ от 11 января 1955 г. предусматривает ответственность за потраву и повреждение различных растений на корню. За повреждение или уничтожение снятого урожая сельскохозяй-

¹⁸¹ Мнение З. Н. Полянской, что убытки вообще не подлежат возмещению. См. З. Н. Полянская, Охрана права государственной собственности на леса, Госюриздат, 1956, стр. 164.

¹⁸² Такова же практика Верховного суда РСФСР, см. «Советская юстиция», 1958, № 2, стр. 3—4.

¹⁸³ См. И. А. Коэткина, Ответственность за потравы и повреждения посевов и насаждений, Москва, 1956, стр. 35.

¹⁸⁴ См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1949, № 1, стр. 17.

ственных культур привлечение к ответственности по данному указу не может иметь места.¹⁸⁵ Также нельзя рассматривать как потраву самовольное пользование колхозными пастбищами или другими¹⁸⁶ угодьями. За последние правонарушения имеются также специальные указания ответственности за ущерб, причиненный имуществу колхоза. Пленум Верховного суда СССР постановлением от 26 марта 1960 г. дал указание, что лица и организации, самовольно обработавшие земли, принадлежащие колхозу, или самовольно снявшие урожай или покос с колхозных земель, несут имущественную ответственность перед колхозом за причиненный ущерб, и суды должны удовлетворять иски колхозов о взыскании в натуре урожая и сена с колхозных угодий, а при невозможности взыскания в натуре — присуждать их стоимость по государственным розничным ценам.

При этом лица и организации, самовольно использовавшие земли колхоза, не имеют права на получение с колхоза возмещения за труд и семена, вложенные в земельные участки.

Соответствующими республиканскими законодательными актами о порядке взыскания ущерба и штрафов за потравы посевов не только установлен различный порядок взыскания ущерба и штрафов по республикам, но одновременно дано и различное толкование (не в полном смысле понятия о толковании законов) содержания самого указа. Так, например, установленный Советом Министров Эст. ССР порядок взыскания ущерба и штрафов вообще не совпадает с научным толкованием указа И. А. Коэткиной.

Если И. А. Коэткина полагает, что административный порядок привлечения к ответственности за потраву или повреждение посевов или насаждений на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 г. должен применяться только в отношении организации и граждан — владельцев скота,¹⁸⁷ то названным постановлением Совета Министров ЭССР установлен только административный порядок взыскания, в том числе и с отдельных лиц, на ответственности которых находится скот.

Далее И. А. Коэткина полагает, что штраф налагается только на владельцев скота и ущерб в полном размере (ст. 117 ГК РСФСР) взыскивается также только с владельцев скота, а лица, выполняющие свои трудовые функции (пастухи, конюхи, чабаны) несут ответственность или на основании ст. 83 КЗоТ, или на основании ст. 403 ГК РСФСР и п. 6 постановления Пле-

¹⁸⁵ См. И. А. Коэткина, Ответственность за потравы и повреждения посевов и насаждений, Москва, 1956, стр. 8.

¹⁸⁶ См. В. Просин, А. Гуревич, Улучшить работу судов по разрешению гражданских колхозных дел. «Социалистическая законность», 1953, № 6, стр. 61.

¹⁸⁷ См. И. А. Коэткина, Возмещение ущерба, причиненного колхозу, «Научные комментарии судебной практики за 1955 год», Москва, 1957, стр. 101.

нума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г.¹⁸⁸, то из постановления Совета Министров ЭССР это не вытекает.

Поскольку сам указ Президиума Верховного Совета СССР не установил порядка взыскания ущерба и штрафов, то этот порядок взыскания определен республиканским законодательством. В результате этого порядок взыскания по отдельным республикам различен. Так, например, указом Президиума Верховного Совета Молдавской ССР взыскание производится принудительным порядком по решению народного суда,¹⁸⁹ указом Президиума Верховного Совета Армянской ССР ущерб и штраф взыскиваются в административном порядке по решению исполнительного комитета сельских, поселковых, городских советов депутатов трудящихся, на территории которых была потрава посевов или повреждение насаждений.¹⁹⁰

Совет Министров Эстонской ССР своим постановлением от 18 сентября 1956 года утвердил подробную «Инструкцию о порядке принудительного взыскания штрафов и ущерба по указу Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 года «Об ответственности за поправу посевов в колхозах и совхозах».¹⁹¹ По этой инструкции ущерб и штрафы взыскиваются в административном порядке по решению исполнительного комитета сельских, поселковых или городских советов депутатов трудящихся. Этой инструкцией установлено, что сельский, поселковый или городской совет депутатов трудящихся вручает гражданину, колхозу или другому государственному и общественному хозяйству, причинившему поправу посевов или повреждение насаждений, копию решения о взыскании ущерба и штрафа с предложением в 10-дневный срок возместить ущерб пострадавшему и уплатить в госбюджет штраф.

Если в назначенный срок со стороны нарушителя не последует добровольное исполнение предложения, сельский, поселковый или городской совет депутатов трудящихся приступает к принудительному исполнению. Уплаченные колхозом, совхозом, учреждением, предприятием или организацией штраф и ущерб взыскиваются с виновных в поправах или повреждениях колхозников или работников совхозов, учреждений, предприятий и организаций администрацией путем удержания с трудодней или заработной платы.

Таким образом, инструкция не различает владельцев скота и лиц, под ответственностью которых находится скот, и предусмотренные в указе от 11 января 1955 г. меры применяются как в отношении владельцев скота, так и в отношении лиц, под ответственностью которых находится скот. На наш взгляд нельзя считать нормальным положение, когда в одних республиках

¹⁸⁸ См. И. А. Коэткина, там же, стр. 102—105.

¹⁸⁹ См. «Социалистическая законность», 1958, № 1, стр. 78.

¹⁹⁰ См. «Социалистическая законность», 1958, № 26, стр. 78.

¹⁹¹ См. «Ведомости Эстонской ССР», 1956, № 16, 168.

предусмотренные указом меры применяются, в других нет. Такая практика является результатом того, что указ от 11 января 1955 года не нашел возможным более точно определить основания и случаи применения мер, установленных в указе, а также порядок применения указа. Для применения указа от 11 января 1955 года необходима была бы инструкция, постановление или разъяснение общесоюзного значения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе рассмотрены вопросы охраны колхозной собственности в случаях причинения ущерба имуществу колхозов как его членами, так и рабочими и служащими. Какие же выводы можно сделать в результате анализа действующего законодательства, судебной практики и специальной литературы?

Нельзя не отметить, что наша специальная научная литература хотя и занимается этими вопросами, но, как правило, эти вопросы нашли освещение только в отдельных научных статьях и со стороны многих авторов. Исследование одного и того же вопроса одновременно многими авторами показывает актуальность исследуемого вопроса, оно выясняет мнение широкого круга специалистов, но вместе с тем исследование столь широкого и важного вопроса только по отдельным частям имеет и свои отрицательные стороны. Нередко окончательное решение какого-либо одного вопроса непосредственно зависит от решения другого, а поэтому наибольшие результаты достигаются при комплексном исследовании таких вопросов.

Нельзя не указать и на некоторую оторванность научных концепций от практики, особенно от практики колхозов.

В области законодательства, регулирующего соответствующие отношения, прежде всего следует отметить, что вопросы материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхоза регулируются множеством различных актов, и в результате этого возникают противоречия и пробелы. Также следует подчеркнуть обстоятельство, что положения, сложившиеся в законодательстве прежних лет и практике, в настоящее время уже в ряде случаев не соответствуют ни интересам колхозов, ни интересам колхозников.

Анализ судебной практики позволяет сделать заключение, что отсутствие специального законодательного акта оказывает серьезное влияние на судебную практику, она оказывается в некоторой степени случайной, не имеющей твердой линии. Судебная практика отражает и существующие в законодательстве пробелы, и в пределах имеющихся в ее руках возможностей она приступила к корригированию законодательства. Однако иногда подобная практика противоречит основным институтам и понятиям колхозного права.

В целях улучшения законодательства в настоящей работе выдвинуты следующие основные, более важные предложения:

1. Все вопросы как материальной, так и дисциплинарной ответственности колхозников следовало бы урегулировать единым республиканским колхозно-правовым законодательным актом и ответственность колхозников за причинение вреда в трудовом процессе признать колхозно-правовой ответственностью.

2. Не требует специальной регламентации ответственность членов колхоза за нарушение обязательств, взятых ими на себя по договору, заключенному между колхозом и колхозником. Гражданско-правовые договорные отношения между колхозом и его членом имеют место тогда, когда указанные в договоре обязательства не связаны с выполнением колхозником своих уставных прав и обязанностей в колхозе. Сюда следует включить и отношения колхоза со своим членом по поводу использования колхозного инвентаря.

Не требуют также специальной регламентации случаи причинения внедоговорного ущерба членом колхоза вне выполнения им трудовых функций. Оба указанные в данном пункте случаи причинения ущерба имуществу колхоза должны и впредь регулироваться нормами гражданского кодекса, в первом случае нормами договорного права, во втором — нормами, регулиющими ответственность за причинение вреда.

3. Специальным законодательным актом следовало бы установить ответственность членов колхоза за ущерб, причиненный имуществу колхоза в трудовом процессе.

4. Основанием материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхоза в трудовом процессе должны оставаться установленные гражданским правом основания ответственности. Всякие ограничения случаев материальной ответственности по видам нарушения трудовой дисциплины или по видам ущерба являются нарушением оснований материальной ответственности.

5. Надлежало бы установить принцип, что возмещению подлежит только действительный ущерб в имуществе. Действительным ущербом в определенных случаях следует считать также убытки, причиненные урожаю колхоза.

6. В колхозе следовало бы установить законодательством категорию материально ответственных лиц. К должностным лицам, несущим материальную ответственность за причинение ущерба при выполнении ими должностных функций, отнести: председателя колхоза, председателя ревизионной комиссии, бригадиров полеводческих бригад, заведующих животноводческими фермами, заведующих подсобными предприятиями, агрономов, зоотехников и членов правления, если в системе внутриколхозного управления они несут ответственность за конкретную отрасль колхозного производства, а к материально ответственным лицам: кладовщика, кассира, бригадира полеводческих бригад, заведующих подсобными хозяйствами, конюха и др.

7. Виды дисциплинарной ответственности следовало бы уста-

новить уставом колхоза, а порядок их применения предусмотреть в едином законодательном акте об ответственности колхозников.

8. Установить принцип, согласно которому только дисциплинарные взыскания чисто материального характера не исключают материальной ответственности. Дисциплинарные взыскания, носящие одновременно и характер материального воздействия, исключают возможность одновременного с ними применения еще материальной ответственности.

9. В новом законодательном акте надлежало бы дифференцировать материальную ответственность колхозников за причинение ущерба в трудовом процессе, установив два вида материальной ответственности: по общему правилу — ограниченную ответственность и полную ответственность только в предусмотренных законом случаях.

Установление полной материальной ответственности представляется необходимым в следующих случаях: когда ущерб причинен основным средствам колхозного производства; когда ущерб причинен умышленными действиями колхозника; когда ущерб причинен лицами, признанными законом материально ответственными; когда ущерб причинен имуществу колхоза, переданному на основании устава колхознику или колхозному двору для обслуживания личных нужд; когда колхознику переданы денежные средства колхоза в виде аванса с целью совершения различных сделок; когда ущерб причинен действиями, содержащими признаки уголовного преступления.

10. Если ущерб невозместим в натуре, то денежную компенсацию следовало бы установить прежде всего по государственным закупочным ценам, и только в случаях причинения ущерба таким объектам, в отношении которых установлены специальные цены, — по этим ценам. При причинении ущерба промышленным товарам и иным объектам, не имеющим государственных закупочных цен, компенсацию следует установить по государственным розничным ценам.

11. Следовало бы установить порядок взыскания ущерба по решению правления путем удержания из заработной платы колхозника только при отсутствии возражения со стороны колхозника. При наличии спора ущерб взыскивается только судебным порядком. Следовало бы также установить сроки, в течение которых правление имеет право вынести решение об удержании из заработной платы, и в случае наличия возражений со стороны колхозника обратиться с иском в народный суд.

12. Установленный и приближенный к нормам трудового права порядок материальной ответственности следовало бы также распространить на рабочих и служащих, работающих в колхозе по трудовому договору.

MATERIAALNE VASTUTUS KOLHOOSLIKULE OMANDILE KAHJU TEKITAMISE EEST

Re s ü m e e

Kolhoosliku omandi tsiviilõigusliku kaitse küsimused, sealhulgas ka tekitatud kahjude eest materiaalse vastutuse küsimused, on leidnud viimasel ajal erialases kirjanduses küllaltki sageli käsitlemist. Kuid üldreeglina on need üksikud artiklid ja vaatluse alla on võetud vaid materiaalse vastutuse üksikküsimusi. Seepärast on ka üksikküsimustes tehtud ettepanekud nii mõnigi kord üksteisele vasturääkivad ning lõppkokkuvõttes küsimust tervikuna mitte lahendavad.

Materiaalne vastutus kahju tekitamise eest kolhooslikule omandile on äratanud spetsialistide huvi just seetõttu, et neid küsimusi reguleeriv seadusandlus on kohati lünklik ning osaliselt vananenud. Tegelikult puudub selles küsimuses kooskõlastatud seadusandlus üldse. On vaid olemas üksikud seadusandlikud aktid, kus reguleeritakse mõnda kolhooslikule omandile kahju tekitamise juhtu. Vastava seadusandluse puudumise tõttu on kohtupraktika sunnitud rakendama vabariiklike tsiviilkoodeksite sätteid kahju tekitamisest, viimased aga ei arvesta alati kolhooslikule omandile kahju tekitamise ja selle eest järgneva vastutuse erisusi.

Erinevalt senisest erialasest kirjandusest vaadeldakse käesolevas töös mitte kolhooslikule omandile tekitatud kahjude eest järgneva materiaalse vastutuse üksikküsimusi, vaid kogu probleemi terviklikult ühes sellest tulenevate üksikküsimustega. Käsitluslaadist, aga samuti ka praktika analüüsist tulenevalt on töös paljudes küsimustes jõutud teistsugustele järeldustele, kui seda võib kohata senises erialases kirjanduses.

Käesolevas töös leiavad käsitlemist järgmised probleemid: kolhooslikule omandile kahju tekitamise eest järgneva materiaalse vastutuse õiguslike aluste probleem; kolhoosnikute materiaalse vastutuse probleemid kahjude tekitamise korral nii tööülesannete täitmisel kui ka väljaspool tööülesannete täitmist; kolhoosnikute distsiplinaarvastutuse olemuse, rakendamise korra, distsiplinaarja materiaalvastutuse koosrakendamise jt. probleemid; kolhoosnikute materiaalse vastutuse ulatuse probleem; tööliste ja teenistu-

jate materiaalne vastutus kolhooslikule omandile põhjustatud kahjude eest.

Kolhoosnikute materiaalse vastutuse õiguslike aluste vaatlemisel ei nõustuta kirjanduses toodud seisukohtadega, mille kohaselt kolhoosnikute materiaalsel vastutust püütakse piirata üksikute materiaalse vastutuse õiguslike aluste kitsendava tõlgendamise või isegi neisse teatud piiramiste sissetoomise teel. Probleem kolhoosnikute täieliku materiaalse vastutuse põhimõtte asendamisest praktikas ja tulevases seadusandluses piiratud vastutuse põhimõttega pole lahendatav materiaalse vastutuse alustesse kitsendamise teel, vaid üksnes vastutuse määrade diferentseerimise teel. Seepärast peavad ka edaspidi kolhoosnikute materiaalse vastutuse aluseks jääma nõukogude tsiviilõiguses fikseeritud materiaalse vastutuse alused, s. o. kahju, õigusvastane käitumine, süü ja kausaalseos.

Erinevale lahendusele jõutakse töös tegeliku (laus-) kahju ja saamata jäänud tulu piiritlemisel kolhooslikule omandile kahju põhjustamise korral. Nagu praktika analüüsist selgub, pole kõikidele kolhoosliku omandi objektidele kahju tekitamise puhul rakendatav tsiviilõiguses üldist tunnustamist leidnud printsip tegeliku kahju ja saamata jäänud tulu piiritlemisest. Kui kõikidele kolhoosliku omandi objektidele tekitatud kahjude liikide piiritlemisel rakendada põhimõtet, et tegeliku kahjuga on tegemist vaid olemasolevate varaliste suhete vähenemise korral, saamata jäänud tulu aga moodustab endast vaid takistuse nende suhete edasisele arengule¹, siis ei kuuluks kolhoosides kunagi heastamisele kolhoosi viljapõldudele tekitatud kahjud, s. o. saak, sest tsiviilõiguse teooria kohaselt kujutab saak endast vaid saamata jäänud tulu. Töös asutakse seisukohale, et kolhoosi kasvavatele kultuuridele kahju tekitamise korral moodustab saak kolhoosi tegeliku kahju alates momendist, mil normaalsed arengutingimused selle suurust enam ei mõjusta. Kas kolhoosi kasvavatele kultuuridele tekitatud tegelik kahju kuulub heastamisele või mitte, see sõltub teiste vastutuse aluste olemasolust või puudumisest.

Erialase kirjanduse, kehtiva seadusandluse, kohtu- ja kolhooside praktika analüüsi tulemusel tullakse töös kõigepealt järeldusele, et praegustes tingimustes ei rahulda praktikat enam olukord, kus kolhooslikule omandile põhjustatud kahjude eest materiaalse vastutuse küsimusi reguleeritakse laialipillatult mitmetes seadusandlikes aktides ning lisaks sellele kuuluvad rakendamisele ka vabariiklike tsiviilkoodeksi põhimõtted. Kõige tõsisema lünga põhjustab aga asjaolu, et tsiviilkoodeksi põhimõtete kohaselt reguleeritakse kolhoosnikute materiaalsel vastutust nii kahjude eest, mis on põhjustatud tööülesannete täitmisel, kui ka kahjude eest, mis on kolhoosniku poolt põhjustatud väljaspool tööülesannete

¹ Vt. И. О. Иоффе, Советское гражданское право (курс лекций), Ленинград, 1958, lk. 438.

täitmist. Mõlemal juhul rakendatakse tegeliku kahju kogu ulatuses heastamise põhimõtet. Kui töölised ja teenistujad vastutavad tööülesannete täitmisel riiklikule omandile tekitatud kahjude eest üldreeglina vaid piiratud ulatuses, siis sedasama me ei näe kolhoosnikute materiaalse vastutuse puhul. Sellest mittevastavusest tulenevadki katsed kirjanduses piirata kolhoosnikute materiaalsel vastutust vaid teatud kahju tekitamise juhtudega.

Töös jõutakse järeldusele, et tulevases seadusandluses tuleks kolhoosnikute materiaalne vastutus jaotada: tsiviilõiguslikuks ja kolhoosiõiguslikuks, viimane vastutus aga reguleerida vabariikliku seadusandliku eriaktiga. Tsiviilõiguslikuks vastutuseks ning vabariikliku tsiviilkoodeksiga reguleeritavaks jääks kolhoosnikute, aga ka tööliste ja teenistujate vastutus kahjude eest, mis tekitatakse nende poolt kolhooslikule omandile väljaspool tööülesannete täitmist (vastutus kahjude tekitamise eest, kehtiva VNFSV TsK § 403), vastutus kohustuste mittetäitmisega põhjustatud kahjude eest (VNFSV TsK § 107—129), sealhulgas ka lepinguliste kohustuste mittetäitmisega või mittevastava täitmisega tekitatud kahjude eest, ja lõpuks kolhoosnikute vastutus kolhoosi põhikirja kohaselt kolhoosipere vajaduste teenindamiseks neile kasutada antud kolhoosi varale põhjustatud kahjude eest (VNFSV TsK § 107—129). Kolhoosiõiguslikuks vastutuseks ning eri seadusandliku aktiga reguleeritavaks tuleks aga tunnistada vastutus kolhoosi varale tööülesannete täitmisel nii kolhoosnikute kui ka tööliste ja teenistujate poolt põhjustatud kahjude eest.

Üksikute kolhoosiõigusliku vastutuse küsimuste reguleerimiseks tehakse töös järgmised põhilised ettepanekud.

1. Kehtestada senise kolhooslikule omandile põhjustatud tegeliku kahju kogu ulatuses heastamise printsiibi asemel diferentseeritud materiaalse vastutuse määrad. Nagu juba varem märgitud, ei vasta enam tegeliku elu nõuetele kolhooslikule omandile põhjustatud tegeliku kahju heastamine kõikidel juhtudel kogu ulatuses. Küsimust ei lahenda ka NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 26. märtsi 1960. a. määrus «Kohtupraktikast kolhooside tsiviil-asjades». Kuigi määrus seab enda eesmärgiks kolhoosnikute materiaalse vastutuse piiramise, pole Pleenum kõigepealt üldse kompetentne sellist küsimust lahendama ning edasi — küsimus kolhoosnikute materiaalse vastutuse piiramisest polegi lahendatav sellisel teel, nagu seda teeb Pleenum, s. o. vaid üksikute kahju tekitamise viiside eest materiaalse vastutuse rakendamisega. Ka NSV Liidu Ülemkohtu Pleenum on läinud teoorias tehtud ettepanekute teele — piirata kolhoosnikute materiaalsel vastutust selle alustesse kitsenduste toomisega. Kõigepealt pole lahenduse lähtekoht juba printsiipiaalselt õige, kuid sellele lisaks pole otstarbekohane alati rakendada kolhooslikule omandile põhjustatud tegelike kahjude kogu ulatuses heastamise põhimõtet ka siis, kui kahju on tekitatud ebaperemeheliku suhtumisega kolhooslikku

omandisse või ettevaatamatusega töös (kolhoosliku omandi hävinemine, rikkumine või kaotsimine).

Töös tehakse ettepanek kehtestada üldreeglina piiratud kolhoosiõiguslik materiaalne vastutus kolhooslikule omandile põhjustatud kahjude eest ning seadusandluses vaid loetleda erandid, mil heastamisele peaks kuuluma kogu põhjustatud tegelik kahju. Sellisteks juhtudeks võiksid olla näiteks kahju tekitamine kolhoosi põhivahenditele; tahtlik kahju tekitamine; kahju tekitamine materiaalselt vastutavate isikute poolt; kahju tekitamine kuriteolise käitumisega ning samuti tsiviilõiguslik materiaalne vastutus.

2. Heastamisele kuulugu vaid tegelik kahju, mitte aga saamata jäänud tulu, kusjuures tegelikuks kahjuks arvatakse teatud juhtudel ka viljasaagile tekitatud kahju.

3. Viia sisse ka kolhoosialases seadusandluses materiaalselt vastutavate töötajate instituut.

4. Kehtestada kahjude heastamise selline kord, kus küsimuse otsustab eelnevalt kolhoosi juhatus. Juhatus otsus tehakse teatavaks kahju tekitajale ja juhul, kui kahju tekitaja ei vaidle juhatuse otsuse vastu, kuulub heastamisele kuuluv kahju kinnipidamisele töötaja (ka kolhoosniku) palgast. Vaidluse korral lahendab aga kahjude heastamise küsimuse rahvakohus.

5. Laiendada kolhoosiõiguslik materiaalne vastutus ka kolhoosis töötavate tööliste ja teenistujate poolt oma tööülesannete täitmisel kolhoosi varale kahju tekitamise juhtudele (seda muidugi tingimusel, et kehtestataks kolhoosiõiguslik materiaalne vastutus, mis tehtud ettepanekute kohaselt tunduvalt läheneb kehtivale tööõiguslikule materiaalsele vastutusele). Selline kord likvideeriks praeguse erakordselt suure normide mitmekesisuse, mis kõik kuuluvad rakendamisele kolhooslikule omandile kahju tekitamise juhtudel.

Kõrvuti mitmesuguste materiaalse vastutuse küsimustega vaadeldakse töös ka kolhoosnike distsiplinaarse vastutuse küsimusi. Neis küsimustes jõutakse järgmistele järeldustele.

1. Seadusandlik akt kolhoosiõiguslikust materiaalsest vastutusest kolhooslikule omandile tekitatud kahjude puhul peaks kõrvuti materiaalse vastutuse küsimustega reguleerima ka mõningaid kolhoosnike distsiplinaarse vastutuse küsimusi. Kõigepealt peaks aktis lahendatama materiaal- ja distsiplinaarvastutuse koosrakendamise küsimus.

2. Tuleks kehtestada põhimõte, et materiaalse vastutusega (kahjude heastamisega) samaaegselt võidakse rakendada vaid selliseid distsiplinaarkaristusi, mis ei oma materiaalse mõjustamise iseloomu. Distsiplinaarkaristused aga, mis kõrvuti moraalse mõjustamisega kannavad ka materiaalse mõjustamise iseloomu, ei peaks kuuluma rakendamisele üheaegselt materiaalse vastutusega (kahjude heastamisega).

3. Kolhoosides rakendamisele kuuluvate distsiplinaarkaristuste ammendav loetelu tuleks kehtestada kolhoosi põhikirjas,

nende rakendamise tähtjad ja kord aga reguleerida seadusandlikus aktis kolhoosiõiguslikust vastutusest.

Eeltoodud põhiküsimuste kõrval vaadeldakse töös veel tervet rida üksikuid vähem tähtsaid küsimusi. Kõikides neis küsimustes on analüüsitud juriidilises kirjanduses toodud seisukohti ning avaldatud nende kohta oma arvamus.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5

Глава I. Основания материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхозов

§ 1. Общие положения	11
§ 2. Наличие имущественного ущерба как основание материальной ответственности	23
1. Установление положительного ущерба при уменьшении урожая и гибели посевов	26
2. Установление положительного ущерба в области животноводства	36
§ 3. Противоправное поведение	41
§ 4. Причинная связь	51
§ 5. Вина	55

Глава II. Материальная ответственность членов колхоза за причинение ущерба имуществу колхоза

§ 1. Материальная ответственность членов колхоза по нормам гражданского кодекса	59
§ 2. Материальная ответственность членов колхоза по специальным нормам права	64
§ 3. Материальная ответственность должностных лиц колхоза за причинение ущерба имуществу колхоза	73

Глава III. Дисциплинарная ответственность колхозников

§ 1. Дисциплинарная ответственность колхозников на основании устава колхоза	89
§ 2. Дисциплинарная ответственность колхозников на основании специальных законодательных актов	99

Глава IV. Объем материальной ответственности колхозников в порядке взыскания ущерба

§ 1. Объем материальной ответственности колхозников	107
§ 2. Порядок установления и взыскания ущерба	111

Глава V. Материальная ответственность нечленов колхоза за причинение ущерба имуществу колхозов

Заключение	125
Materiaalne vastutus kolhooslikule omandile kahju tekitamise eest. Resümee	128

Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

В. Кельдер

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ
УЩЕРБА ИМУЩЕСТВУ КОЛХОЗОВ

*

Редактор Э. Илус

Корректор А. Правдин

Сдано в набор 29/VIII 1960. Подписано к печати 26/XII 1960.
Бумага 60×92,1/16. Печ. листов 8,5. Тираж 1000 экз. МВ 08573.
Заказ № 8070.

Типография им. Ханса Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту,
ул. Юликооли, 17/19. III.

Цена 5 р. 10 к.
(на 1961 г. — 51 к.)